КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

МАЙ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 апрѣля 1898 года.

Отъ состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи, вслѣдствіе неурожая 1897 г. обнаружилась крайняя нужда сельскаго населенія въ продовольствіи и въ поддержаніи хозяйства; въ особенности пострадали губерніи: Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Симбирская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Калужская, Нижегородская, Самарская, Оренбурская, Ставропольская, Донская и Кубанская области, а также многіе уѣзды другихъ губерній, при чемъ съ каждымъ днемъ получаются новыя извѣстія, что здѣсь и тамъ наступилъ голодъ и распространился тифъ.

Императорское Вольное Экономическое Общество не могло не отозваться на это народное бѣдствіе. Нѣсколько собраній было посвящено выясненію продовольственнаго вопроса, а 26 марта избранъ Комитетъ, изъ членовъ Общества, для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Съ первыхъ шаговъ Комитетъ встрѣтилъ поддержку представителей разныхъ слоевъ общества и петербургской учащейся молодежи. Стали поступать пожертвованія, которыя и разсылаются въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, преимущественно на устройство столовыхъ: уже въ первое засѣданіе Комитета разосланы 800 руб. въ 5 губерній. Помощь эта крайне невелика, но, разсчитывая и на дальнѣйшее сочувствіе отзывчивыхъ людей, *Комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ испытывается наибольшая нужда.*

Всякая помощь, какъ бы незначительно не былъ ея размѣръ, будетъ принята съ благодарностью.

Посылки по почтѣ адресуются въ СПБ., Императорское Вольное Экономическое Общество въ Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Забалканскій пр., 33).

Въ С.-Петербургѣ пожертвованія принимаются: въ канцеляріи Вольнаго Экономическаго Общества, у Предс. Комитета Б. Э. Кетрица (Баскова ул., 14) и казначея Комитета К. А. Окунева (Кавалергардская 2).

Печатая это обращеніе Комитета, редакція нашего журнала проситъ жертвователей направлять свои взносы и по адресу редакціи *(Кіевъ, Кузнечная, 14).*

Вниманію господъ ІЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ **матеріалъ** о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ**, оказавшійся интереснымъ **въ** историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго **ку**пецкаго сына **Михайла Іюдина**», равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ **проживали Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ**, Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу **Юдину.**

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ**, благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

1867 годъ[1]).

Письмо 1.

7 генваря 1867 г.—г. Холмъ.

На дняхъ уѣзжаю въ Варшаву по разнымъ служебнымъ дѣламъ, преимущественно для проведенія денежныхъ смѣтъ на многія пристройки и перестройки. Хочется при этомъ провѣдать и о новомъ положеніи дѣлъ, хотя кое-что и теперь уже извѣстно.

То, что вы писали со словъ m-me Галаганъ, было для насъ новостью, которой я не рѣшался нѣкоторое время пускать въ ходъ. Теперь видимое дѣло, что наступилъ finis Poloniae, котораго, конечно, не станутъ объявлять на бумагѣ, но только будутъ на дѣлѣ приводить въ исполненіе. Возвратившійся на другой день Новаго года изъ Варшавы помощникъ инспектора нашей гимназіи привезъ слѣд. извѣстія: Витте сказалъ ему прямо, что онъ не будетъ уже управлять въ качествѣ Главнаго Директора, что взамѣнъ Коммиссіи будетъ попечительство, подчиненное Министру Н. Просвѣщенія, и что это состоится вскорѣ. О своемъ дальнѣйшемъ назначеніи онъ, конечно, не могъ говорить, да и въ Варшавѣ никто еще ничего на этотъ счетъ не знаетъ.

Отъ Коммисіи Вн. и Д. Дѣлъ дѣла духовныя отдѣляются, и идетъ, говорятъ, споръ между Толстымъ и Валуевымъ, кому

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 4.

изъ нихъ уніатовъ подчинить. Вслѣдъ затѣмъ и Коммисія Вн. Дѣлъ перестанетъ существовать и станетъ чѣмъ-то вродѣ департамента или просто войдетъ въ канцелярію будущаго генералъ-губернатора. Еще прежде говорили, что для обсужденія, какимъ порядкомъ вѣдать дѣла духовенства католическаго и уніатскаго, учреждается особый Комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Черкасскаго.

Намѣстникъ, по пріѣздѣ въ Варшаву, выразился вообще, что привезъ такія реформы, какихъ и самъ не ждалъ. Противъ присоединенія онъ возставалъ и назвалъ, говорятъ, это милютинскою политикою, на что будто Государь отвѣчалъ ему такъ: „это не милютинская, а моя политика, — мое давнишнее желаніе, которое мѣшали мнѣ привести въ исполненіе". Прибавляютъ впрочемъ, что Бергъ остается пожизненно намѣстникомъ, да не знаю, какъ это примирятъ съ присоединеніемъ.

Присоединеніе, какъ извѣстно, случилось въ день увольненія Черкасскаго. Бергъ и другіе ставили при этомъ въ вину Черкасскому заключеніе моей рѣчи, въ его присутствіи произнесенной, которое нѣмецкія и польскія газеты разбирали на разные лады, видя въ немъ посягательство на Галицію; но Государь будто бы выразился, что онъ самъ сочувствуетъ Галичанамъ и въ такомъ заявленіи, какое было въ Холмѣ, не видитъ ничего худого. Не знаю, можно ли вѣрить сему извѣстію, хотя это дошло изъ устъ весьма важнаго въ Варшавѣ лица и хотя дѣйствительно нѣмецкія газеты много шумѣли по поводу моего благожеланія. Помню, Черкасскій самъ говорилъ мнѣ: „пожалуй, австрійское правительство ноту намъ пришлетъ".

Поляки львовскіе взъѣлись на меня. Голуховскій отдалъ секретный приказъ, чтобы никакихъ писемъ ко мнѣ изъ Галиціи не пускать, а мои ловить и распечатывать. У Головацкаго недавно произвели полицейскій обыскъ, причемъ забрали всю заграничную его корреспонденцію. Въ моихъ письмахъ ничего впрочемъ не найдутъ, кромѣ глухого извѣстія о книгахъ, о стипендіатахъ, да еще слѣд. слова о полякахъ: „Суди имъ,

Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ; по множеству нечестія ихъ, низрини, яко преогорчиша тя, Господи!"

Отъ Головацкаго позавчера получилъ письмо. Пишетъ, что хотя въ его корреспонденціи ничего компрометирующаго не найдено, но вообще озлобленіе противъ него такъ велико, что скоро онъ ждетъ себѣ вѣрной отставки, а потому съ удовольствіемъ готовъ принять каѳедру славянскихъ нарѣчій въ кіевскомъ университетѣ или въ академіи. Спросите теперь Гогоцкаго и Селина, что они думаютъ съ своимъ проектомъ. Вѣдь я ихъ только слова передалъ и не думаю, чтобы они на словахъ только остановились. Головацкій ждетъ отвѣта и проситъ увѣдомить его: неужели-жъ я долженъ написать, что это такъ только пошутили, чтобы позабавить васъ? Чтобы выйти съ честью, Гогоцкій и Селинъ должны по крайней мѣрѣ внести въ Совѣтъ свое предложеніе, а что скажетъ совѣтъ, это другое дѣло.

Учитель Хоминъ, ѣздившій въ Львовъ, разсказывалъ, что съ Головацкаго послѣ обыска снимали допросъ по пунктамъ, и что на вопросъ, зачѣмъ содѣйствовалъ переходу священниковъ и учителей въ Холмъ, Головацкій отвѣчалъ, что объ этомъ была рѣчь между Александромъ II и Францомъ-Іосифомъ въ Штутгардтѣ, и что послѣдній согласился на это.

При закрытіи сейма поляки площадно ругались съ русскими; Потоцкій и Сангушко просто говорили: скурвіи сыны и еще похуже,—въ рускомъ духѣ... Хомина водили въ полицію и допрашивали, не за учителями ли пріѣхалъ. Учителя Бачинскаго, ѣздившаго съ собакой, частно спрашивали поляки же, не тотъ ли это козацкій песъ, что повстанцевъ ловилъ. „Слово" хотѣли запретить по поводу моей рѣчи. Учителямъ и священникамъ не даютъ паспортовъ. Тѣхъ, которые приглашены были Ефимомъ Михайловичемъ, равно Попеля, немедленно уволили и вотъ третій мѣсяцъ безъ жалованья держатъ и паспортовъ не даютъ. Ухитрились деньги за воспитаніе требовать, съ кого 1000, съ кого полторы и болѣе гульденовъ. Коммисія объявила, что заплатитъ всѣ гульдены. Народъ истощается въ своемъ терпѣніи, и тогда какъ интеллигенція (русская же) высылаетъ де-

путацію въ Вѣну, собственно рискуетъ отправить ходоковъ къ Бѣлому Царю, чтобы наказать ляховъ. Мнѣ разсказывали много фактовъ, въ родѣ того, какъ напр. солдатъ изъ русиновъ всенародно топталъ ногами австрійскій орденъ и говорилъ, что не хочу служить цисарю, что есть у него свой царь-билый и проч.

Перейду къ холмскимъ дѣламъ. — Войцицкій былъ и есть двоедушенъ, прочіе тоже. Одна надежда на галичанъ. Хоминъ привезъ мнѣ отъ протоіерея Малиновскаго пункты, писанные имъ съ Литвиновичемъ, на счетъ того, какъ устроить дѣла Холмскія. Видно, что Литвиновичу хочется всунуть сюда свой носъ, и что-то, говорятъ, писалъ онъ въ Петербургъ.

Благодарю за хлопоты по устройству подписки. Честь и слава Галагану.

Милютинъ, кажется, поздоровѣлъ. Такъ заключаю изъ сегодняшняго письма Витте о стипендіатѣ изъ галичанъ, котораго Милютинъ поручаетъ мнѣ отыскать и пригласить.

Письмо 2.

Безъ даты—февраль 1867 года.

Дня четыре назадъ сему воротился я изъ Варшавы. Много слышалъ тамъ новаго, но на старую тему объ увольненіи Черкасскаго и о преобразованіяхъ въ Царствѣ, вслѣдствіе принятаго рѣшенія о втѣленіи Польши въ Россію. Бергъ, не ждавшій такой развязки, выразился, говорятъ, что Милютинъ и Черкасскій медлили..., сравнительно, конечно, съ тѣмъ, что теперь сдѣлано. И въ Варшавѣ прибавилось теперь прыти на русскій тонъ, а въ Петербургѣ, говорятъ, еще болѣе. Государь сказалъ, что система не измѣняется; вслѣдствіе того всякій какъ бы старается доказать это и усиливаетъ систему, насколько отъ него зависитъ. Набоковъ, по выраженію Милютина (военнаго), къ общему удивленію, дѣйствуетъ иногда хорошо, хотя вообще, говорятъ, онъ весьма не блестящъ.

Витте уѣхалъ 21 генв. на совѣщаніе съ Толстымъ объ уничтоженіи Коммисіи. Онъ противъ уничтоженія дирекцій; но не ручается, чтобы наше жалованье цѣликомъ было зачтено въ пенсію. Ему завтра пишу кое-что о нашихъ дѣлахъ и галицкихъ. Головацкій уже переѣзжаетъ въ Петербургъ, на что дано ему 1000 руб. Его прочатъ въ Главную Школу въ Варшаву, а пока пристроили къ археографической Коммисіи. Витте находитъ, что всего лучше было бы помѣстить его въ Москвѣ. Тамъ и въ Петербургѣ огромное сочувствіе къ галичанамъ въ обществѣ и сферѣ правительственной. Субсидіи, о которыхъ и вы писали, уже даются и еще дадутся, какъ изъ казеннаго, такъ и общественнаго капшука. Холмъ избираютъ передаточнымъ пунктомъ, къ чему удобно послужитъ формируемое мною братство, уставъ котораго Іоанникій обѣщалъ провести чрезъ Толстаго.

Самая важная у насъ новость — новые штаты для православнаго духовенства въ Царствѣ. Іоанникій сильно досадуетъ на то, что наличное духовенство большею частью недостойно этихъ штатовъ, равно какъ и своего поста. Много говорилъ онъ со мною объ этомъ и, наконецъ, просилъ меня пріискать: 1) законоучителя для варшавской русской гимназіи съ жалованьемъ въ 1500 руб., 2) четырехъ священниковъ для православныхъ приходовъ въ м. Тарногродѣ и въ д. Бабицахъ, Потокѣ и Люховѣ. Какъ на первое, такъ и на остальныя мѣста онъ желалъ бы имѣть не только что окончившихъ, но уже послужившихъ нѣсколько и опытныхъ людей. Законоучитель для Варшавы въ Кіевѣ, я думаю, найдется. Что касается священниковъ для означенныхъ выше приходовъ, то это дѣло кажется мнѣ гораздо труднѣе. Іоанникій, правда, вовсе не желаетъ туда академиковъ, а только добрыхъ семинаристовъ. Жалованье 1200 руб. съ 200 руб. квартирныхъ, доходами и землею весьма привлекательно; но во 1-хъ—даль, во 2-хъ—и это главное—только въ Тарногродѣ мѣсто свободное, священниковъ же трехъ остальныхъ приходовъ нужно обмѣнять. Не подумайте, чтобы они были пьяницы или съ другими особенными недостатками. Нѣтъ,

это самые обыкновенные іереи, и вся бѣда ихъ въ томъ, что они не имѣютъ миссіонерскаго таланта. Я видѣлъ ихъ лично и позналъ довольно. Іоанникій хотѣлъ уже самъ писать къ митрополиту, но потомъ поручилъ мнѣ просить васъ, чтобы вы подготовили это дѣло; когда-жъ увѣдомите, что возможно, тогда и самъ онъ будетъ писать. И такъ прошу устроить и меня извѣстить. Іоанникій, по моему предложенію, хочетъ учредить въ Тарногродѣ благочиніе на 4 церкви.... Спросите прежде митрополита вообще, соизволитъ ли онъ для пользы православія обмѣнять трехъ сельскихъ священниковъ и дать четвертаго въ придачу безъ промѣна. Тарногродъ — операціонный базисъ для миссіонерства.

Письмо 3.

16 Марта 1867 г.—Г. Холмъ.

Сегодня я получилъ отъ Іоанникія любезное письмо и патентъ на званіе не только старосты, но и попечителя церкви. Извѣщаетъ между тѣмъ, что вполнѣ согласенъ опредѣлить о. Григорія Ѳед. Ковальскаго въ Тарногродъ и жалѣетъ, что митрополитъ не согласился на мѣну, хотя и ждалъ того. Кажется, что онъ хочетъ просить на такую мѣну соизволенія Св. Синода. Только по полученіи вашего письма я сообразилъ, какъ неловкимъ могло показаться митрополиту Арсенію предложеніе о мѣнѣ (ибо священники, на обмѣнъ предложенные, именно имъ назначены—изъ пѣвчихъ), а прежде и не догадывался о томъ. Не найдете ли однакожъ возможнымъ закинуть хотя объ одномъ? Григорію Ковальскому сегодня же самъ пишу; но и васъ прошу написать ему, чтобы не отказывался. Іоанникій ждетъ его прошенія, я же надѣюсь провести его современемъ въ законоучители и всего ближе въ Грубешовъ, гдѣ съ лѣта и церковь будутъ строить. Вамъ, „своему старинному доброму знакомому“, Іоанникій посылаетъ свой поклонъ и „благодарность усерднѣйшую за содѣйствіе къ удовлетворенію вопіющей нужды Варшавской епархіи“.

Іоанникій же увѣдомляетъ, что дѣло о назначеніи вновь двухъ присланныхъ законоучителей въ Холмъ пошло въ ходъ и съ удовольствіемъ принято Витте и Михневичемъ; онъ же самъ вполнѣ раздѣляетъ мои по сему убѣжденія и хлопочетъ въ свою очередь. Прошу рекомендовать кандидатовъ.

Рамы отъ Худзинскаго получены. Скоро ли будутъ остальныя иконы? Намъ очень нужна къ 4 апрѣля икона на сей день. Поторопите, если можно. И у насъ вѣдь будетъ крестный ходъ и молебенъ на площади. Когда все будетъ готово, сведите, прошу васъ, счетъ расходамъ и высланнымъ отъ меня деньгамъ. По почтѣ я послалъ 200 руб., потомъ чрезъ Пясецкаго 100 р. Изъ этого иконы, ноты и Малышевскому. Неужели Каллистратовъ и одного обола не рѣшился уступить? Остающіяся деньги попрошу уплатить редакціи „Друга Народа", когда получу свѣдѣніе, сколько остается.

Деньги ваши на галичанъ получены, и былъ случай выслать ихъ; но наши галичане разошлись во мнѣніяхъ о назначеніи, какое дать этимъ деньгамъ. Одни предлагали послать на бурсы: львовскую, перемышльскую и коломыйскую, другіе—нѣкоторымъ священникамъ и учителямъ, а еще иные совѣтовали удержать въ Холмѣ для выдачи тѣмъ изъ галиційскихъ юношей, которые будутъ прибывать сюда въ гимназію и на педагогическіе курсы, какъ необходимое пособіе на первыхъ порахъ, пока стипендія будетъ назначена. Пока представится новая оказія, прошу извѣстить, на который проектъ болѣе пристанетъ Кіевская братія. Читалъ я въ газетахъ, что въ Кіевѣ недавно собрано 4000 руб. съ лишнимъ и послано въ редакцію Москов. Вѣдомостей. Жаль, что послали туда. Вѣдь все равно пришлютъ сюда. Такъ ужъ условлено между нами и Москвою. Значитъ, за пересылку только даромъ заплатили. Въ Люблинѣ также идетъ подписка.

Наканунѣ моихъ именинъ, отпразднованныхъ съ большимъ торжествомъ, пріѣхалъ къ намъ Ефимъ Михайловичъ, и наговорились досыта. Думаетъ лѣтомъ въ Самару ѣхать—на кумысъ. Дай Богъ, чтобы дожила Наденька, но надежды мало.

Преобразованіе Коммисіи въ попечительство послѣдуетъ въ апрѣлѣ, и къ тому времени Толстой пріѣдетъ въ Варшаву и Холмъ. Такъ пишетъ Іоанникій, а Ефимъ М. разсказывалъ, будто Вилуевъ [1]) будетъ 2-мъ помощникомъ, а Теодоровичъ на его мѣсто, а люблинскую дирекцію разсѣкутъ *полма* между Ефимомъ М. и мною.

Худзинскимъ я очень доволенъ, равно и Васильевымъ, хотя послѣдній очень уже кротокъ. При открытіи груб. прогимназіи, на которое и я ѣздилъ, молебенъ служилъ мѣстный уніатскій священникъ, а ученики-католики пѣли по нашему молебнику.

Подлясское уніатское духовенство съ мѣсяцъ тому назадъ подало Намѣстнику нѣсколько адресовъ (по благочиніямъ), въ которыхъ протестовало противъ нынѣшняго порядка управленія холмскою епархіею и требовало епископа, папою признаннаго. Многихъ арестовали; производится строжайшее слѣдствіе. Государь внимательно слѣдитъ за этимъ дѣломъ. Теперь наше духовенство подаетъ Государю благодарственный за всѣ благодѣянія адресъ. Собираются подписи не только здѣсь, но и на Подлясьи, и не отъ одного духовенства, но и отъ народа. Адресъ редактированъ мною. Выпущенъ на дняхъ, по моему между прочимъ настоянію, циркуляръ консисторіи о проповѣдяхъ на русскомъ языкѣ, равно объ отмѣнѣ годзинокъ, рожанцевъ [2]) и органовъ. Циркуляръ—моей редакціи; одинъ экземпляръ посылаю. Начали съ Богомъ.

Письмо 4.

2 апрѣля 1867 г.—Г. Холмъ.

Пусть не удивляетъ васъ, что галичане наши пришли было къ такому заключенію о пожертвованныхъ Кіевомъ деньгахъ, и

---

[1]) Вилуевъ—начальникъ Варшавской учебной дирекціи, а прежде—директоръ 2-й Кіевской гимназіи.

[2]) Годзинки и рожанцы—священныя пѣсни, которыя распѣваютъ католики въ своихъ храмахъ передъ Богослуженіемъ утреннимъ и вечернимъ; эти пѣсни на польскомъ языкѣ распѣвали и уніаты въ своихъ церквахъ.

я не то что послушалъ ихъ, но рѣшилъ послать вамъ вопросъ о назначеніи денегъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ о Наумовичѣ, его и нѣкоторыхъ другихъ положеніе нѣсколько заратовано. Дѣдицкій получилъ 3 или 6 тысячъ, правда на изданіе; Головацкій—тысячу, хотя и на переѣздъ, а Наумовичъ, сверхъ нашихъ 186 руб., еще 150 руб. изъ Петербурга, хотя еще не присланныхъ, но скоро нами ожидаемыхъ. Есть правда много другихъ бѣдствующихъ между послами и не послами, священниковъ, учителей, чиновниковъ; но и бурсы, какъ говорили, въ отчаянномъ положеніи. На нихъ никѣмъ и ни изъ какого источника не отпускается никакого содержанія, хотя бы такого малаго, какъ у насъ въ старину. Онѣ содержатся въ собственномъ смыслѣ подаяніемъ: сегодня привезетъ кто нибудь изъ священниковъ муки, предварительно по гарнцу собранной у крестьянъ; чрезъ мѣсяцъ другой доставитъ крупъ, сала и проч., и рѣдко-рѣдко попадаетъ какой либо гульденъ. Что получится, то и идетъ сейчасъ въ расходъ, а нечего дать ѣсть, такъ и не даютъ—не взыщите дескать. Ко мнѣ самому въ Львовѣ приходили голодные бурсаки и просили просто на хлѣбъ. Вотъ почему я поколебался было и рѣшился спросить васъ. Впрочемъ, это сдѣлано было только по первому впечатлѣнію, а затѣмъ и я подумалъ, что воля жертвователей, такъ сказать, священна, и потому дней чрезъ пять послѣ отправки письма къ вамъ передалъ деньги чрезъ священника Синькевича на руки г. Дѣдицкаго, прописавъ, что такова есть воля жертвователей. Дѣдицкаго я просилъ, чтобы деньги распредѣлили по общему совѣту и меня при оказіи увѣдомили. Сегодня посылаю притвержденіе не прямо, но чрезъ Дячана на имя одного знакомаго его, такъ какъ мнѣ давно не вольно писать по почтѣ, особливо по такому дѣлу.

Съ четырмя тысячами презабавная однакожъ исторія. Ай да Москва! А бѣдные галичане куда куда какъ возрадовались, ибо за кандіотами имъ ходу нѣтъ, какъ и въ Москвѣ жалуются.

Циркуляръ вамъ показался непрямымъ и слабымъ? Но и въ такомъ видѣ Войцицкій согласился выпустить только по моему убѣжденію. И я не виню его. Чтобы выдавать рѣшитель-

ное требованіе, нужно имѣть достаточную силу заставить исполнить оное, а ея то и нѣтъ. Холмская консисторія не кіевская, которой трепещутъ благочинные и даже протоіереи. У васъ, не исполнилъ священникъ, его долой или въ худшее мѣсто, а здѣсь право несмѣняемости, да и замѣнить некѣмъ. Тутъ Войцицкій предпишетъ священнику явиться въ консисторію, а онъ отвѣчаетъ ему: ieżeli ksiądz Wojcicky żąda rozmówić się ze mną, niech do mnie przyiedzie [1]). Это дѣйствительный случай. Потому, какъ ни справедливъ вашъ взглядъ о судѣ надъ подлясскими священниками, но и надежды нѣтъ на что либо подобное, когда одинъ изъ священниковъ, выплативъ штрафа 100 руб., измученный тюрьмою и угрожаемый ссылкою, твердитъ одно,—что Войцицкому повиноваться не будетъ.

За разсчетъ денежный и хлопоты премного благодарю. Къ остающимся деньгамъ въ среду я дошлю еще и буду просить 100 р. уплатить Андріяшеву за „Друга“, а на решту выслать учителя элементарнаго хоть одного.

Витте въ восторгѣ, что Толстой согласенъ съ его взглядами и благоволитъ къ нему. На Ѳоминой, какъ и писалъ я, оба они непремѣнно ѣдутъ къ намъ. Къ Святой будетъ объявлена реформа Коммисіи, но дирекціи останутся на прежнемъ положеніи, Помощникъ попечителя одинъ, а не два, и именно Михневичъ.

Выдачу паспортовъ на Холмъ Голуховскій взялъ въ свои руки. Наши поляки поднимаютъ носы; говорятъ, что ихъ уже 40000 войска. Должна быть рухавка *для освѣженія чувствъ*, какъ говорилъ Бисмаркъ.

Черкасскаго Государь приглашаетъ, говорятъ, на мѣсто Набокова. Повѣствуютъ, что дѣла у сего послѣдняго въ сильномъ запущеніи.

---

[1]) Если О. Войцицкому угодно переговорить со мной, то пусть онъ пріѣдетъ ко мнѣ.

Въ Львовѣ идетъ открытая вербовка въ повстанье. Русскіе вечеромъ не выходятъ на улицу. Эмигрантовъ въ Львовѣ—тьма тьмущая.

Письмо 5.

4 мая 1867 г.—Г. Холмъ.

Я получилъ росписки, за которыя весьма благодаренъ. Ждалъ письма и—всуе. Не затерялось ли? Самъ не писалъ, бо проболѣлъ недѣли три ревматизмомъ въ головѣ.

Чрезъ часъ или два ѣду въ Варшаву, такъ какъ докторъ воспретилъ мнѣ занятія. Пишу теперь вкратцѣ, чтобы только подать вѣсть о себѣ да послать письмо Дѣдицкаго, какъ документъ въ полученіи денегъ и ихъ распредѣленіи.

Толстого ждутъ въ Варшаву къ 18 мая, а къ намъ послѣ.

Дѣло уніатское идетъ нѣсколько на попятный дворъ. Если Толстой не поправитъ, плохо будетъ; но онъ не взялъ этого дѣла въ свои руки.

Письмо 6.

12 мая 1867 г.—Г. Холмъ.

Пишу вкратцѣ, собственно о дѣлѣ Андрея Г.—Будучи у Іоанникія три раза, я договорился съ нимъ до того, что предложилъ Андрея Г.[1]) на мѣсто священника въ новоформируемый приходъ въ Грубешовѣ къ непостроенной еще, но уже разрѣшенной къ постройкѣ церкви, и должность законоучителя сверхштатнаго въ груб. прогимназію. Іоанникій съ удовольствіемъ согласился. Теперь дѣло за Андреемъ, которому вмѣстѣ съ симъ подробно пишу. Я представляю слѣд. разсчеты: 1) жалованья 1300 руб., квартирныхъ 200 руб., съ каникулъ 350 руб., а при большемъ числѣ учениковъ прав. полный штатный окладъ 600 р., 2) онъ такимъ образомъ получитъ большее, болѣе прочное и

[1]) Родного брата.

болѣе приличное содержаніе, 3) болѣе высокій и благородный кругъ дѣятельности и общества, 4) избавится отъ тягостнаго сельскаго хозяйства и огромныхъ трудовъ по приходу и безмездныхъ по школамъ и благочинію, 5) сына можетъ воспитывать при себѣ—въ прогимназіи, дочерей въ холмскомъ училищѣ (одну можно на каз. счетъ). Жизнь въ Грубешовѣ очень дешева, квартиру можно и за 100 руб. нанять, пока построенъ или купленъ будетъ готовый домъ, на что есть спеціальная сумма, ежегодно пополняемая отпускомъ 2500 р. На переѣздъ епарх. варш. вѣдомство можетъ дать не менѣе 200 р., а я попрошу у Коммисіи, какъ законоучителю, рублей 200. Продажа сельскохоз. вещей, лошадей, повозокъ, двухъ флигельковъ и разной ненужной рухляди можетъ еще болѣе облегчить въ сборахъ на новое хозяйство.

Если вы одобрите мой проектъ, то прошу и отъ себя написать совѣтъ Андрею.

Варшаву я оставилъ съ тяжелымъ чувствомъ. Всеобщій упадокъ въ духѣ. Нѣтъ прежняго куражу, энергіи на счетъ русскаго, а тѣмъ паче уніатскаго дѣла. Нужно ждать, пока всплыветъ опять Черкасскій, котораго уже два раза по волѣ Государя приглашали въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго.

Относительно Толстого при мнѣ Витте получилъ письмо отъ Делянова, который извѣщалъ, что графа многія важныя дѣла въ Госуд. Совѣтѣ задерживаютъ, хотя онъ очень желаетъ проѣхать въ Холмъ (sic), а отсюда въ Кіевъ. О преобразованіи Коммисіи онъ же писалъ, что послѣдуетъ въ скоромъ времени; но само собою разумѣется, что Толстой раньше этого ѣхать не можетъ.

Письмо 7.

23 іюня 1867 г.—Г. Холмъ.

Я не отвѣчалъ вамъ на два письма. Извините, суета невыносимая.

Прежде всего объ Андреѣ Г. Я получилъ, наконецъ, и отъ него письмо съ увѣдомленіемъ о его согласіи; но онъ какъ-то холодно и какъ бы неохотно соглашается. Боюсь, какъ бы онъ не нарекалъ на меня въ душѣ, хотя по моему неизмѣнному убѣжденію это лучшее, что могло представиться теперь, будущее же Богъ вѣсть. Такъ какъ дѣло уже начато, то и надо продолжать. Вчера, письмомъ преосв. Іоанникію по другимъ дѣламъ, я напомнилъ и объ Андреѣ Г. Цѣль этого напоминанія въ томъ между прочимъ заключалась, чтобы подвинуть дѣло о самомъ открытіи прихода, т. е. ассигнованіи жалованья. Ассигновки вообще идутъ у насъ очень медленно, а тутъ Іоанникію нужно сдѣлать переводъ суммы за первое полугодіе съ тарногродскаго прихода на грубешовскій, такъ какъ послѣдній не вошелъ въ смѣту нынѣшняго года. Какъ скоро можетъ быть назначеніе, отгадать не берусь, пока не получу какого либо отвѣта отъ Іоанникія или отъ кого-либо изъ Варшавы. Въ этомъ однакожъ невѣдѣніи есть своего рода затрудненіе.

Сейчасъ получилъ ваше третье письмо. По свѣжему впечатлѣнію буду писать по поводу его. Балинскаго и Кухарскаго съ удовольствіемъ готовъ принять. Пусть присылаютъ прошенія и аттестаты на мое имя, а то Коммисія пошлетъ ихъ въ другія мѣста, какъ подобные случаи бывали уже не разъ, мнѣ же придется опять искать. О Балинскомъ и Кухарскомъ я спрашивалъ Васильева: послѣдняго онъ очень хвалитъ. Я впрочемъ измѣнилъ бы своему только въ томъ случаѣ, когда бы вы сами измѣнили вашу рекомендацію. Какое каждый изъ нихъ получитъ мѣсто, это я могу сказать лишь немного спустя. Въ женской гимназіи у меня два мѣста; но впереди много другихъ комбинацій. Люблинскую дирекцію скоро должны раздѣлить между мною и Ефимомъ Михайловичемъ, изъ Люблина между тѣмъ выбываетъ инспекторъ, въ Замостье понадобится другой, да хотѣлось изъ Грубешова вывести одного математика и замѣнить филологомъ. Все это въ близкомъ будущемъ, но только тогда и можно сообразить, кого куда лучше и удобнѣе. Я желалъ бы знать поэтому и то, можетъ ли Кухарскій читать ла-

тину. Хочется также и Словицкому мѣсто дать. Онъ писалъ ко мнѣ, а я доселѣ не отвѣтилъ ему. Если онъ въ Кіевѣ, передайте и ему, чтобы прислалъ прошеніе. Съ замѣщеніемъ инспекторскихъ мѣстъ, если до того дойдетъ дѣло, думаю обойтись мѣстными средствами, чтобы дать ходъ уже послужившимъ здѣсь, хотя, признаюсь, очень, трудно дѣлать выборъ.

Съ открытіемъ прогимназіи въ Замостьѣ мнѣ сущая бѣда. Военное вѣдомство до сихъ поръ не отдаетъ зданія, а Коммисія не можетъ по этому случаю объявить объ открытіи и сдѣлать необходимыя распоряженія. Изъ за этого бьюсь почти цѣлый годъ и все безъ успѣха. Съ недѣли жду рѣшительнаго отвѣта изъ Варшавы.

Сегодня въ Моск. Вѣдомостяхъ прочелъ о слухахъ на счетъ конгрессувки, распускаемыхъ въ Вильнѣ, Петербургѣ и Москвѣ. То же говорятъ въ Варшавѣ, Холмѣ и Грубешовѣ. Сейчасъ отъ Худзинскаго получилъ письмо: пишетъ, что тамъ цѣлыя толпы собираются около почты въ ожиданіи указа о возстановленіи крулевства. Въ Холмѣ произведено нѣсколько арестовъ за эти и другіе слухи, что будто бы снова крестьянство утверждается. Конечно, все это вздоръ, но волненіе посѣяно и посѣвается. Что за всѣмъ этимъ вздоромъ скрывается, рѣшить мудрено. Гораздо хуже упадокъ энергіи на счетъ русскаго здѣсь дѣла въ главныхъ нашихъ командирахъ, о чемъ я уже писалъ вамъ. Уніатскій вопросъ, повидимому, совершенно преданъ забвенію. О галичанахъ также забыли, а тамъ Голуховскій чудеса дѣлаетъ, паспортовъ никому, школы русскія подъ zarżąd польскій отдалъ, до 70 учителей русскихъ въ конскрипцію всѣми неправдами тянетъ. Я впрочемъ не отступаю ни на шагъ и даже впередъ иду, подражая великому моему сосѣду—Голуховскому: закрываю польскія школы, гдѣ хоть одна душа уніатская есть, преобразовываю ихъ въ русскія; гдѣ закрыть неудобно, посылаю русскихъ учителей въ польскія школы, ввожу русскій языкъ въ нихъ—вездѣ, какъ обязательный предметъ, а индѣ и какъ языкъ преподаванія.

Нашъ Холмъ разъѣхался [1]). Позавчера три фуры вывезено въ Кіевъ; завтра жена моя съ дѣтьми уѣзжаетъ. На досугѣ займусь составленіемъ устава давно задуманнаго мною холмскаго братства, котораго необходимость съ каждымъ днемъ сказывается все сильнѣе. Если рѣшатъ скоро дѣло о Замостьской прогимназіи, о перестройкѣ Грубешовской, о починкѣ нашей церкви, о перестройкѣ жидовской бани въ русскую 2-клас. школу для холмскихъ евреевъ и поляковъ и о присоединеніи части люблинской дирекціи, то пріѣду и самъ въ Кіевъ, да не самъ только, а съ двумя галичанами — Попелемъ [2]) и Лавровскимъ.

Троцкаго доселѣ я не могъ назначить. Дѣло въ томъ, что въ Грубешовѣ нѣтъ пока квартиры, и я рѣшился посадить его въ Замостье, а тамъ, какъ выше писано, дѣло затянулось. Вотъ я и жду.

Посылаю вамъ холмскій календарь, холмскую епархію [3]) и портреты галицкихъ депутатовъ на сеймѣ. Вторая книга написана, кажется, вслѣдствіе моего разговора съ Петрушевичемъ. Это лѣтопись, неполная, но добросовѣстная и весьма любопытная.

Что Коммисіи кіевской возвысили окладъ, этому во всякомъ случаѣ я радъ; но за что Юзефовичъ положилъ себѣ жалованье? Иванишевъ говорилъ объ этомъ въ 1863 году съ злою ироніею, а Юзефовичъ принялъ вѣроятно, за чистую монету. Что при мнѣ не было описи, это клевета. Она два раза составлялась. Описи дѣламъ послѣднихъ двухъ годовъ отдѣльно не было сдѣлано за недавностью и весьма малымъ ихъ числомъ, но они всѣ сложены были въ порядкѣ, а если ихъ послѣ, можетъ быть, разбросали, то не моя вина. Кромѣ того, при мнѣ началось и мною два раза изготовлено дѣло объ усиленіи средствъ Комми-

---

[1]) Разумѣются служащіе въ Холмѣ русскіе педагоги.

[2]) Попель—священникъ—былъ въ это время уніатскимъ законоучителемъ въ Холмской гимназіи, Лавровскій священникъ—вицеректоръ Холмской уніатской семинаріи.

[3]) Изданіе Львовскаго уніатскаго протоіерея Петрушевича подъ заглавіемъ: „Холмская епархія и святители ея“.

сіи, что и получили наконецъ. При мнѣ же приведены въ извѣстность и большею частью истребованы разные долги Коммисіи.

Войцицкій нашъ сталъ чѣмъ то вродѣ Варкохава. Онъ то и дѣло предвѣщаетъ какую либо бѣду, теперь — страшные пожары для Холма. У него есть ряса съ широкими рукавами, совершенно наша, но съ капишономъ. Онъ говоритъ, что въ послѣднее время такія рясы составляли форменную одежду протоіереевъ.

Не уцѣлѣли-ль у васъ двѣ программы, писанныя мною по поводу задуманнаго было нами преобразованія Кіев. Еп. Вѣдомостей? Большое было бы для меня одолженіе, если бы вы отыскали ихъ и прислали ко мнѣ. Я во многомъ примѣнилъ бы одну изъ нихъ къ затѣваемому мною здѣсь изданію, которое я располагаю привязать къ братству. При неимѣніи досужаго времени это большое облегченіе. Поищите и пришлите. Программу я представилъ бы вмѣстѣ съ уставомъ братства. Можно ли при церкви открыть продажу книгъ безъ торговаго на то свидѣтельства? Мнѣ хотѣлось бы и сіе сотворить.

Если я пріѣду съ Попелемъ и Лавровскимъ, то гдѣ бы удобнѣе ихъ помѣстить? Въ Лаврѣ и Михайловскомъ ихъ не примутъ съ сигарами, а такъ, въ гостинницѣ—можетъ соблазнять тѣхъ изъ монаховъ, которые познакомятся съ ними, хотя сами они даже въ Холмѣ обѣдали въ цукернѣ. Не найдется ли что среднее?

Письмо 8.

16 іюля 1867 г.—Г. Холмъ.

Я только что изъ Замостья, гдѣ принялъ знаменитую академію Замойскихъ, т. е. зданіе, въ которомъ она помѣщалась. Тамъ же я получилъ разрѣшеніе представлять кандидатовъ на учительскія и другія должности и представить свое мнѣніе о времени открытія прогимназіи въ Замостьѣ.

И хочется и нужно открыть эту прогимназію какъ можно скорѣе; но у меня мало очень учителей, и нѣтъ, или почти нѣтъ, инспектора. Пособите сему горю какъ можно скорѣе. Отыщите двухъ филологовъ, одного на латинскій языкъ, на исторію гражд. съ географіею или 4 уроками греческаго языка. Да нѣтъ ли дѣльнаго инспектора изъ учителей гимназіи—въ Замостье или Грубешовъ? Худзинскій очень хорошъ, но потому именно я хотѣлъ бы перевести его въ Замостье, на что и онъ соизволяетъ. Жалованье инспектору 1400 р. и 200 р. за уроки. Учителямъ, какихъ пріищите, одному 1200 р., а другому 1000 р.; обоимъ казенныя квартиры. Въ Замостьѣ есть клубъ и даже театръ. Помѣщеніе такое громадное, что за отводомъ квартиръ всѣмъ служащимъ, еще много комнатъ остается пустыхъ. Современемъ я думаю добиться открытія тамъ женской прогимназіи.

Нѣтъ ли также учителя чистописанія и учителя пѣнія или регента, первому 600 руб., второму 350 р.?

Отъ Словицкаго сегодня получилъ и завтра представлю. Жаль, что Балинскій и Кухарскій медлятъ. Не раздумали-ль они? Если такъ, то и на мѣсто ихъ отыщите, ибо они въ счетѣ у меня. Кому нужны будутъ деньги, вышлю изъ своихъ по 100 руб.

Инспектора прошу не изъ духовныхъ, ибо объ нихъ продолжительна переписка.

Господь посѣтилъ насъ великимъ несчастіемъ. Съ 22 іюля жена слегла въ постель и перенесла страшныя мученія. Теперь наступило ослабленіе болѣзни и возвратъ къ сознанію, которое, впрочемъ, не было потеряно вовсе.

Совѣтъ докторовъ опредѣлилъ, какъ только больная станетъ на ноги, немедленно везти ее въ Кіевъ—на родину, въ родной климатъ, въ кругъ родныхъ и знакомыхъ. Дѣло въ томъ, что болѣзнь физическая отразилась на душѣ: явилась тоска въ самой высокой степени, на которую надо дѣйствовать и физически, и морально, посредствомъ развлеченій и беззаботной

жизни. Какъ ближайшій наблюдатель болѣзни жены, я не могъ не замѣтить, какъ гибельно дѣйствовали на нее хозяйственныя заботы и огорченія, особенно же эта пустота жизни, которая такъ ощутительна въ Холмѣ для людей, незанятыхъ службою и не въѣвшихся въ т. наз. уніатскій вопросъ. Неудавшаяся поѣздка въ Кіевъ, кажется, окончательно срѣзала жену.

Балинскій назначенъ, и представленіе о подъемныхъ сдѣлано. Прошу поторопить его, да дать ему 100 руб. въ счетъ подъема, а я возвращу Вамъ въ Кіевѣ лично. Для Кухарскаго еще нѣтъ назначенія, но если выйдетъ, поступите такъ-же. О Словицкомъ переписка, я думаю, продлится. Любопытно, потребуютъ ли съ него за воспитаніе. Съ нетерпѣніемъ жду кандидата въ инспекторы — въ Грубешовъ или пед. курсы, равно классной дамы. Пріищите также учителя русскаго языка въ Холм. гимназію, такъ какъ Грушевскаго я располагаю представить въ пед. курсы или въ Грубешовъ на инспекторство.

Грушевскій передалъ мнѣ благословеніе митрополита, за которое прошу поблагодарить. Митрополитъ, по его словамъ, очень радъ тому, что я принялъ на себя заботу о церкви и радъ бы у себя подобное устроить. Попечительство дѣйствительно полезная вещь. Я устроилъ доходъ церковный, ввелъ экономію въ расходы, выхлопоталъ 1500 руб. на починку церкви, оттягалъ костелъ на приписную церковь и жду денегъ на передѣлку; захвачу, если Богъ поможетъ, домъ убогихъ и устрою больницу, оттягалъ баню у жидовъ и ссуду имъ выхлопоталъ; имѣю надежду земли морговъ 100 выпросить для церкви, забралъ отъ города три плаца подъ усадьбы причта и въ 3 мѣсяца выстроилъ для него каменный двухэтажный, съ балкономъ, подъ желѣзною крышею, домъ, безъ копѣйки, ибо деньги отпущены, когда крышу стали ставить. У Лидерса [1]) выпросилъ дерева тысячи на полторы рублей и на эту сумму предприму что либо въ пользу церкви. Даже на замощеніе улицы предъ домомъ вы-

---

[1]) Генералъ Лидерсъ былъ маіоратнымъ владѣльцемъ обширныхъ земель и лѣсовъ возлѣ самаго г. Холма.

хлопоталъ у Коммисіи до трехсотъ рублей. И все это во имя попечительства, которое даетъ право ходатайствовать предъ всякими властями, будь онѣ какія угодно высокія. Присоединеніе царства къ Имперіи имѣетъ свои невыгоды: когда всѣ власти были здѣсь, можно было гораздо болѣе сдѣлать. Тороплюсь изо всѣхъ силъ. Идетъ почта. Будьте здоровы.

Письмо 10.

Г. Холмъ.—19 октября 1867 г.

Вотъ уже три недѣли, какъ я борюсь съ своимъ тяжелымъ горемъ, но не поборю никакъ и нисколько. Все тоже почти, какъ и въ первый день, только грудь давитъ немилосердно, да кашель притомъ. Вѣрую, какъ Господь повелѣлъ, да силы вѣры нѣтъ,—все горе побораетъ. Молюсь, да теплоты нѣтъ. Безконечно текутъ слезы, но все это слезы скорби, разъѣдающей тоски, и болѣе ничего. Дѣти великое утѣшеніе; но довольно мнѣ увидѣть ихъ, чтобы затрястись всѣмъ тѣломъ. Они же утѣшаютъ меня: не плачь, папа, не плачь папа! Но это утѣшеніе пуще ножа остраго, и я умолкаю, какъ только они поднимутъ вопль. Я не малодушествую, стою прямо лицемъ къ горю, отдаюсь ему вполнѣ; но Господь надѣлилъ меня особенною чувствительностью, и потому, вполнѣ понимая, что мнѣ приходится платить лишь обычную дань, не могу не ставить вопроса о томъ, кто кого поборетъ: я ли свое горе, или оно меня. Страшный вопросъ, и Господь одинъ вѣдаетъ, какъ онъ разрѣшится. Понимаю при томъ и мою тяжелую обязанность—быть вмѣстѣ отцемъ и матерью для дѣтей, по мѣрѣ силъ и исполняю ее, начавъ съ того, что для нихъ отказался отъ поѣздки въ Кіевъ; но съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе вижу, что не дамъ имъ рады, и это одинъ изъ мучительнѣйшихъ мотивовъ моей теперешней жизни.

Хотѣлъ бы говорить много о послѣднихъ дняхъ жизни Юлиньки, о ея мученическихъ страданіяхъ, о ея дивной, непре-

рывной почти молитвѣ къ Богу, прощаньѣ со всѣми, ходѣ и средствѣ лѣченія, смерти и погребеніи; но все это невыносимо рѣжетъ по душѣ.

Въ самые страшные для меня дни, предсмертные и посмертные, великимъ утѣшеніемъ и помощью были Ефимъ М., и въ особенности Стефанъ Павловичъ Коршунъ съ его кроткою душею. Видѣлъ я глубокое, неподдѣльное сочувствіе и вездѣ вокругъ, особенно отъ галичанъ. О пресловутой литургіи и парастасѣ вамъ, конечно, говорили. Бѣдная Юлинька! думала ли она, что ея имя возгласятъ рядомъ съ Піемъ IX, а на парастасѣ станутъ поминать по отчеству. Вообще, если въ обстановкѣ погребенія есть что-либо имѣющее значеніе для умершаго и погребающихъ, то на этотъ разъ я имѣлъ горькое утѣшеніе видѣть все это: и молитву, и почесть, и любовь, и скорбь, и плачъ— всеобщіе. Мнѣ удалось даже похоронить Юлинку близъ церкви, что польскій законъ положительно воспрещаетъ. Дѣло было трудное: Іоанникій по телеграфу отвѣтилъ, что согласенъ, *„если гражданское начальство согласится"*. Между тѣмъ начальникъ уѣзда формально запротестовалъ. Я отвѣтилъ ссылкой на телеграмму, не объявивъ условія, а спустя недѣлю написалъ письмо къ Брауншвейгу, и тотъ былъ такъ добръ, что по одному частному письму на другой день испросилъ разрѣшеніе намѣстника и увѣдомилъ меня, равно далъ знать консисторіи и губернатору. Слава Богу и добрымъ людямъ!

Іоанникій потомъ писалъ нарочитое утѣшеніе, поразившее меня теплотою его глубокаго сочувствія. Михневичъ также поспѣшилъ письмомъ, въ которомъ вылилась его кроткая, любящая душа. Воздай имъ Господи за сіе сторицею! Витте предъ отъѣздомъ заграницу прислалъ глубоко-трогательное письмо съ цѣлью утѣшить меня въ тяжкой болѣзни Юлиньки.

Какъ устроить мнѣ свою жизнь, пока не могу рѣшить. Съ хозяйствомъ устроился; но въ жизни дѣтей слишкомъ замѣтная пустота. Необходимо какъ можно скорѣе приставить кого-либо къ нимъ, особенно къ Алешѣ, который обнаруживаетъ большую пытливость и видимо тяготится играми и сказками. Я просилъ

Коршуна общимъ совѣтомъ пріискать мнѣ надежную особу въ родѣ Людмилы Егоровны, что Ефимъ М. взялъ; но разумѣется, что многія личности попадаются случайно, какъ рѣдкость, а нарочито, притомъ скоро, трудно отыскать.

Письмо 11.

Г. Холмъ.—5 ноября 1867 г.

Я только что возвратился изъ Варшавы и спѣшу написать нѣсколько строкъ.

Письмо я вамъ послалъ давно. Какого именно числа, не помню; но это было за недѣлю до отъѣзда моего въ Варшаву, а выѣхалъ 23 числа. Хотѣлъ было предъ отъѣздомъ написать; но меня, что называется, нагло схватили. Дѣло въ томъ, что Витте, пользуясь неожиданнымъ пріѣздомъ министра Толстаго, пригласилъ меня пріѣхать въ Варшаву, самое же письмо его получено 22 числа. Я едва успѣлъ собраться и распорядиться съ дѣтьми и прислугой, да хозяйствомъ.

Вызывая меня, Витте имѣлъ въ виду болѣе оторвать меня отъ моего нескончаемаго горя, но у меня накопилось много дѣла въ Варшавѣ, и потому я поѣхалъ охотно и располагалъ пробыть тамъ дней 10.—Министръ оставилъ насъ съ Ефимомъ М. послѣ общаго представленія и бесѣдовалъ съ нами болѣе часу; но разговоръ вышелъ какъ то неудаченъ, т. е. не пришлось сказать многаго изъ того, что хотѣлъ я сказать. Рѣчь шла больше объ уніатскихъ дѣлахъ, которыя Толстой хочетъ взять въ свои руки, вырвавъ ихъ изъ рукъ Берга и не допуская Валуева, которые изо всѣхъ силъ бьются, чтобы оставить за собой. Іоанникію онъ горько жаловался на недостатокъ на высшихъ постахъ людей, которые поддерживали бы интересы православія и русской народности. Сидорскому говорилъ, что для уніатскихъ дѣлъ можетъ быть учреждено 5 отдѣленіе собств. Его Величества Канцеляріи, подъ завѣдываніемъ его—Толстаго. Намъ сказалъ, что епископа мудрено посвятить для уніатовъ, но что

Войцицкаго смѣнить надо. Толстой вообще человѣкъ серьезный, какъ видно, и, конечно, умный, а главное, онъ того мнѣнія, что за уніатовъ пора приняться рѣшительно, чтобы постепенно вести ихъ къ православію, и что церковныя ихъ дѣла необходимо связать съ народнымъ у нихъ образованіемъ въ одномъ главномъ управленіи (послѣдняя мысль была высказана мною, и онъ назвалъ ее своею). Потому можно надѣяться, что и наше дѣло и вообще дѣло уніи пойдетъ успѣшнѣе, если этимъ последнимъ станетъ заправлять Толстой. На весну онъ собирается къ намъ мѣсяца на два, т. е. не только въ Холмъ, но вообще въ Польшу. Надо готовиться помаленьку.

На клубъ въ Холмѣ мнѣ удалось таки получить 3000 р. За неимѣніемъ денегъ, представляли о семъ Государю, и Государь разрѣшилъ изъ какихъ-то суммъ. Слава Богу! Дѣломъ этимъ я обязанъ Брауншвейгу, который (спасибо ему) весьма благосклоненъ къ моимъ просьбамъ. Нужно теперь позаботиться и о братствѣ; но у меня голова еще слишкомъ слаба. Занимаюсь меньшимъ: передѣлкою костела св. Духа въ прав. церковь, костела реформатскаго въ уніатскую, прошу земли для церкви морговъ 300, которую Маркусъ на словахъ уже обѣщалъ; прошу одинъ изъ уступовъ горы холмской подъ кладбище для православныхъ, хлопочу и о перенесеніи знаменитой здѣсь ленченской ярмарки изъ Ленчно въ Холмъ. Если удастся завладѣть горою, будетъ великолѣпное кладбище,—совершенный образъ и подобіе Щекавики [1]).

[1]) Нѣкоторыя изъ писемъ, какъ не заключающія въ себѣ интересныхъ свѣдѣній, нами опущены. *Ред.*

НОВОРОССІЙСКІЙ САРДАНАПАЛЪ.

I.

Та часть Новороссійскаго края, которая лежитъ между Нижней Синюхой и Днѣпромъ, даже въ первой половинѣ настоящаго вѣка была мало населена; но крѣпостное право господствовало здѣсь въ столь-же сильной степени, какъ и въ Малороссіи. Новые насельники-державцы на новой землѣ сѣяли старыя сѣмена.

Однимъ изъ такихъ сѣятелей былъ Гервасій Котъ.

Отъ гряды казенныхъ лѣсовъ до іудейскаго владѣнія тянется пологая черноземная полоса. Потомственный дворянинъ и коллежскій регистраторъ Гервасій Котъ, владѣлецъ этого большого пространства, началъ хозяйничать здѣсь въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ и силъ. Вскорѣ онъ женился на вдовушкѣ,—это было въ 20-тыхъ годахъ настоящаго вѣка.

Вдовушка отъ перваго мужа имѣла сына Виссаріона и обладала *родовымъ* достояніемъ въ количествѣ 1900 десятинъ земли. Она была женщина очень добрая и вѣроятно робкая, такъ-какъ не могла устранить того, что дѣлалось съ сыномъ ея Виссаріономъ: онъ не былъ допускаемъ въ барскія палаты, а по приказанію Кота обрѣтался въ кухнѣ. Здѣсь, въ обществѣ поваровъ, кухарокъ, конюховъ и дворовыхъ мальчишекъ, Виссаріонъ провелъ свое дѣтство. Обстановка, подъ вліяніемъ которой слагались физическія и моральныя силы мальчика, была,

такимъ образомъ, неправильна; а когда Виссаріону пошелъ 15-ый годъ, Котъ далъ ему унизительную работу: чтобы не даромъ хлѣбъ ѣлъ, онъ сдѣлалъ его *конюхомъ*, т. е. повелѣлъ ему завѣдывать чисткой конюшенъ, надзирать за лошадьми, за кормовымъ зерномъ, соломою, сѣномъ, половою, экипажами и сбруей. Постоянное пребываніе въ конюшняхъ, невозможность отлучиться отсюда даже во время праздничныхъ дней, строгія взысканія за малѣйшій недосмотръ побудили Виссаріона бросить эту каторжную работу. Онъ убѣжалъ въ Полтавскую губернію къ своимъ родственникамъ и здѣсь провелъ всю свою юность.

Гервасій Котъ былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Виссаріонъ ускользнулъ отъ него: жестокою работой ему хотѣлось довести насынка до тяжкой болѣзни и до смерти. Но вскорѣ Котъ утѣшился: онъ пріобрѣлъ иныхъ особъ для того, чтобы повергать ихъ въ страдальческое положеніе.

У жены Гервасія Кота была сестра, а у той сестры были дѣти и земля. Гервасій уговорилъ сестру переѣхать къ нему на жительство, а онъ будетъ хозяйничать въ имѣніи ея и будетъ доставлять ей изъ этого имѣнія прекрасные доходы. Бушева (сестра жены) повѣрила сладкимъ рѣчамъ свояка и поселилась у него. Сначала своякъ благородно обходился съ Бушевой: помѣстилъ ее въ барскихъ своихъ палатахъ и сносную пищу давалъ ей; но вскорѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, она съ дѣтьми своими переведена была въ полуразвалившуюся избу,—и уже отсюда не удалось ей вырваться. Сырость и холодъ въ этой развалинѣ были ужасны. Сколько ни плакала Бушева, сколько ни просила дать ей лучшее помѣщеніе, Котъ остался непреклоненъ, не внималъ ни слезамъ, ни просьбамъ. Онъ постарался еще болѣе отравить жизнь этой семьи: онъ кормилъ Бушевыхъ скудными остатками изъ людской кухни; зачастую-же по цѣлымъ днямъ они не получали и этихъ жалкихъ объѣдковъ. Котъ морилъ ихъ голодомъ и холодомъ, чтобы они *поумирали*, а тогда онъ завладѣетъ землею ихъ. Дѣти вынесли нѣсколько жестокихъ болѣзней—и остались живы; мать ихъ отъ мучительной жизни потеряла зрѣніе но надежды

на скорую смерть не подавала. Все-таки Гервасій Котъ отчасти достигъ цѣли: 100 десятинъ земли онъ выморочилъ у несчастной семьи, попавшей въ капканъ его.

Гервасіемъ Котомъ придуманъ былъ еще одинъ способъ для пріобрѣтенія земель. Этотъ соособъ примѣнялся къ особамъ, не состоящимъ въ родствѣ съ нимъ.

Вблизи панскаго двора красовалась громаднѣйшая вѣтряная мельница. Она сдѣлана была такъ, что, казалось, при малѣйшемъ вѣтрѣ должна была рухнуть.

Однажды Котъ пригласилъ къ себѣ на угощеніе особу, у которой желательно было пріобрѣсти землю за самую ничтожную плату; а на эту плату особа та рѣшительно не соглашалась. Пріемъ—радушный и пышный: прелестные завтраки и обѣды, охота, верховая ѣзда, женщины и другія удовольствія. Потомъ веселаго гостя во время сильнѣйшаго вѣтра ведутъ въ мельницу осмотрѣть диковинное устройство ея. По разсмотрѣніи устройства, мельничная дверь моментально захлопывается—и гость остается тамъ, внутри чудовищнаго вѣтряка. По мановенію невидимой руки, мельница начинаетъ работать, что называется, на всѣхъ парусахъ и на пустыхъ камняхъ. Она трещитъ, дрожитъ, вотъ-вотъ, кажется, разсыпится въ дребезги. Грохотъ и лязгъ въ ней ужасны; изъ камней миріады искръ сыпятся во всѣ стороны, зловѣще освѣщая темное пространство. При такой обстановкѣ гость благимъ матомъ кричитъ, вопитъ о спасеніи. Въ отвѣтъ на эти вопли въ щель просовывается купчая, перо и чернильница; предлагается жертвѣ подписать эту купчую, въ противномъ случаѣ Котъ грозитъ не выпустить плѣнника изъ ужаснаго вмѣстилища.

Плѣнникъ отвергъ предложеніе. Мельница снова и съ бóльшимъ трескомъ начала работать,—и работала до тѣхъ поръ, пока плѣнникъ не подписалъ купчей, просунутой въ туже щель.

Такимъ манеромъ совершено было два земельныхъ пріобрѣтенія—Чорнышъ и Вара.

Посредствомъ этой инквизиціонной мельницы *куплена была и жена* у отставного поручика Вара. Поручикъ, заключенный въ эту страшную пасть, при необычайномъ грохотѣ и чудовищныхъ искрахъ, подписалъ просунутый въ щель актъ отреченія отъ своей жены. По выходѣ изъ пыточнаго вмѣстилища, Варъ получилъ денежную плату, а его жена Агафоклія поступила къ Гервасію Коту въ вѣчное и потомственное владѣніе. Потомъ мужу, вынужденному продать свою Агафоклію, оказано было удовольствіе: онъ былъ принятъ Котомъ на прокормленіе; но не смѣлъ прикасаться къ бывшей своей сожительницѣ, а долженъ былъ довольствоваться лицезрѣніемъ ея.

По отношенію къ евреямъ практиковались иного рода пыточные способы. Одинъ изъ этихъ способовъ былъ болѣе ужасенъ, чѣмъ вѣтряная мельница, а другой былъ весьма унизительнаго и отвратительнаго свойства.

Гервасій Котъ всегда имѣлъ у себя медвѣдей—одного или двоихъ, которыхъ покупалъ у цыганъ. Былъ у Кота человѣкъ, крестьянинъ Чернобольный, умѣвшій ухаживать за медвѣдями; а баринъ забавлялся ими: они предъ нимъ плясали, на заднихъ лапахъ ходили и другія штуки продѣлывали.

Котъ усмотрѣлъ, что евреи могутъ быть для него порядочнымъ источникомъ дохода. Вблизи своей усадьбы онъ построилъ нѣсколько десятковъ хатъ; а въ тѣхъ хатахъ поселились евреи, которые здѣсь, какъ и вездѣ, стали быстро размножаться. За хаты и дворы они обязаны были взносить владѣльцу установленную плату—чиншъ. Случалось, что нѣкоторые неисправно давали чиншъ, а другіе уклонялись отъ него. Тогда къ таковымъ посылался медвѣдь. Чернобольный вводилъ страшнаго гостя въ жидовскую хату. Мишенька здѣсь ревѣлъ и ходилъ на заднихъ лапахъ, намѣреваясь схватить въ свои объятія кого-либо изъ обитателей хаты. Послѣ такой визитаціи немедленно же приносили барину чиншъ. Въ противномъ случаѣ медвѣдь снова явился бы.

Если чиншевикъ или посторонній жидъ и жидовка оказывали Коту малѣйшее сопротивленіе, какую-нибудь даже незначительную непріятность, то были ввергаемы въ *свинюшникъ*.

Инквизиціонный свинюшникъ былъ очень обширенъ и совершенно темный; стѣны изъ дикаго камня изумительно высокія. Сухія мѣста въ этомъ громадномъ пространствѣ чередовались съ лужами, издававшими зловоніе ужасное. Еврей или еврейка, заключенные въ это чистилище, когда ступали на сухое мѣсто, то были облѣпливаемы блохами съ ногъ до головы. Уязвляемые этими паразитами, они пускались бѣжать—и попадали по уши въ вонючую и полужидкую массу. Выбравшись отсюда, плѣнникъ становился добычею блохъ. Иные мучились здѣсь по цѣлымъ суткамъ и шабашовали тамъ-же.

Свинюшникъ предназначался только для наказанія іудеевъ; а медвѣдь иногда устрашалъ и русскихъ благородныхъ особъ.

Гервасій Котъ имѣлъ множество тяжбъ. По одному тяжебному дѣлу, самому непріятному для Кота, долженъ былъ вотъ-вотъ пріѣхать къ нему становой приставъ. Передъ пріѣздомъ этого гостя введенъ былъ въ комнату медвѣдь и поставленъ въ углу. Этого медвѣдя часто вводили въ комнату. Сюда вступалъ Котъ съ хлѣбомъ, а медвѣдь подступалъ къ Коту и получалъ отъ него лакомство. Какъ только приставъ отворилъ двери, предъ нимъ въ полумракѣ появилось косматое чудовище и протянуло свои громадныя лапы для полученія подачки. Приставъ тутъ-же на дверяхъ, грохнулся навзничь; и послѣ обморока больной, поспѣшилъ восвояси.

Одинъ бѣдный дворянинъ не соглашался уступить Коту одну красивую дѣвушку; на требованія настойчивыя и назойливыя отвѣтилъ, наконецъ, солиднымь отпоромъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Котъ при встрѣчахъ съ этимъ бѣднымъ дворяниномъ былъ весьма любезенъ и показывалъ видъ, что совершенно забылъ о хорошенькой дѣвушкѣ и рѣшительномъ отказѣ получить ее. Убѣдившись, что господинъ довѣрчиво относится къ этимъ любезностямъ, Котъ пригласилъ его къ себѣ для пріятнаго препровожденія времени. Между прочимъ гость былъ приглашенъ въ садъ для испитія пунша. Здѣсь онъ моментально былъ схваченъ и привязанъ къ дубу. Скоро привели къ тому дубу двухъ медвѣдей и привязали ихъ такъ, что они

могли простирать къ нему свои морды и лапы очень близко. Въ сообществѣ съ такими пріятелями гость находился нѣсколько часовъ, долженъ былъ лицезрѣть косолапыхъ, чувствовать ихъ дыханіе, слушать ихъ ревъ.

II.

Изъ всего ранѣе сказаннаго можно себѣ представить, какъ Гервасій Котъ относился къ своимъ крѣпостнымъ людямъ,—если онъ такъ жестоко обращался съ особами, равными ему по происхожденію, и былъ тороватъ на злостныя продѣлки съ ними.

Мало того, что крѣпостные работали Коту неустанно изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ,—имъ не было отдыха въ воскресные и праздничные дни.

Въ воскресные и праздничные дни устраивалась *охота* на медвѣдя. Всѣ крѣпостные люди мужскаго пола, сколько ихъ было, даже старъ и малъ, выступали съ дрекольями изъ своихъ жилищъ. На выгонѣ они составляли громадный и плотный кругъ. Сюда, въ средину людского круга былъ впускаемъ медвѣдь; и вотъ, люди должны были гонять медвѣдя до тѣхъ поръ, пока онъ не утомится, а когда утомится, взять его руками и принести въ надлежащее мѣсто.

Для большей потѣхи и барскаго наслажденія загоняли иногда медвѣдя въ прудъ. Многіе пускались за косолапымъ вплавь и гоняли его здѣсь по всевозможнымъ направленіямъ. Еще для большей потѣхи и искуса пускали медвѣдя въ поле по направленію къ лѣсу. Медвѣдь пускался сюда во всю прыть, надо было отрѣзать ему вступленіе въ лѣсную чащу. Крѣпостные массой напрягали всѣ усилія, неслись взапуски во всю мочь,—и медвѣдь всегда былъ опережаемъ и недопускаемъ до лѣса.

При этихъ лиходѣйствіяхъ всегда присутствовалъ Котъ. Гарцуя на лихомъ конѣ, онъ слѣдилъ за дѣйствіями толпы и руководилъ ею.

Гервасій Котъ былъ страстный любитель женскаго пола.

Всякій крестьянинъ сейчасъ послѣ вѣнчанія долженъ былъ представить Коту свою новобрачную жену.

— Оце, мылостывый барынъ, я тилько що обвинчавсь зъ нею! Подывиться! снявъ шапку и низенько кланяясь, говорилъ крестьянинъ.

Котъ взиралъ на приведенную *молодыцю.* Если отъ этого поверхностнаго *обзора* получалось пріятное впечатлѣніе, то издаваемъ былъ приказъ: завтра *выгнать* эту *молодыцю* на барщину. Изъ барщины приводили ее въ барскія комнаты *прясть.* Во время пряденія Котъ надлежаще уже осматривалъ новобрачную. Послѣ осмотра, *молодыця,* смотря по качествамъ, или оставалась въ прядильницахъ, или поступала въ *гаремныя.*

Получившая должность прядильницы пользовалась нѣкоторою свободою: она по временамъ ходила въ деревню барина и имѣла общеніе съ мужемъ.

Гаремная становилась полною и неотъемлемою собственностію Кота, дальше барскаго двора она не совершала ни единаго шага. Гаремная должна была отрѣшить себя отъ міра и знать только господина своего—Кота. На избранницъ барина крѣпостные люди даже смотрѣть не смѣли.

Гервасій Котъ имѣлъ своего рода евнуховъ, которые зорко и неустанно оберегали женскій питомникъ отъ постороннихъ поползновеній. Были устроены особые способы для наказанія тѣхъ, которые проявляли симпатію къ гаремной; наказанію подвергались и тѣ, которые случайно—мимоходомъ заигрывали съ гаремной, соблазнившись красотой ея.

Такими способами были *инквизиціонные столбы и набатный колоколъ.*

Набатный колоколъ висѣлъ у барскаго крыльца, а веревка отъ него была протянута въ кабинетъ. Столбы высились въ разныхъ мѣстахъ двора; одни изъ нихъ были видны изъ кабинета, а другіе—изъ прочихъ комнатъ.

— Панасъ грався зъ Анюткою! докладывалъ барину евнухъ.

— Григорій балакавъ зъ Степанидою у саду, такъ заглядавъ ій у вичи та обнимався зъ нею,—доводилось до свѣдѣнія Кота.

Котъ хватался за свору—и раздавался звонъ колокола. Опрометью бѣжалъ въ кабинетъ атаманъ Александръ—самое довѣренное лицо Кота. Немедленно же возлѣ столбовъ появлялись фигуры: то были Панасъ и Григорій. Того и другого полуобнаженныхъ вздергивали на столбы и оставляли ихъ въ висячемъ положеніи или прикрѣпляли къ столбамъ, смотря по изволенію барина. Случалось, что Панасы и Григоріи томились на столбахъ по нѣсколько сутокъ.

Вздергиванію на столбъ подвергались люди и за прикосновеніе къ прядильницамъ, къ горничнымъ и другимъ дворовымъ женщинамъ, вступавшимъ въ кабинетъ Кота. Такого женскаго персонала было очень много въ барскомъ дворѣ. Тутъ же были лакеи, конюхи, повара, садовники, псари. Весь этотъ людъ, по большей части молодой и холостой, не могъ не соблазняться красавицами; а красавицы очень охотно отдавались своему брату и льнули къ нему. Столбы рѣдко, очень рѣдко были свободны отъ жертвъ.

Гервасій Котъ прилагалъ неусыпныя старанія для благосостоянія своего гарема. Одалискъ своихъ содержалъ онъ въ особо устроенныхъ великолѣпныхъ покояхъ, прекрасно одѣвалъ ихъ, кормилъ ихъ изысканными кушаньями и разными сластями, придумывалъ для нихъ интересныя забавы. Одалискамъ пріятно жилось у Кота. Въ число ихъ охотно поступали постороннія особы, а крѣпостныя поневолѣ попадали въ гаремъ.

Барскій гаремъ ежегодно и даже ежемѣсячно обновлялся: однѣ выбывали изъ него за негодностію или болѣзнію, другія вступали въ составъ его; многія были выдаваемы замужъ; случалось, что нѣкоторыя и умирали въ гаремѣ.

Гаремъ составлялся не только изъ крѣпостныхъ дѣвокъ и бабъ; очень часто въ числѣ гаремницъ фигурировали благородныя особы. Одну такую особу, Агафоклію, жену поручика Вара, мы знаемъ. Въ палаты Кота попадала всякая женщина, какою соблазнялось око его. Не одна сотня женщинъ испробовала гаремной жизни.

Къ замѣчательнымъ явленіямъ гаремной жизни у Кота относится также и *крещеніе* евреекъ.

У Гервасія Кота были агенты, которые доставляли ему только-что созрѣвшихъ красотокъ іудейскаго племени. Зачастую во время поѣздокъ въ разныя мѣста Котъ самъ подмѣчалъ красивыхъ евреекъ и уже непремѣнно привлекалъ ихъ къ себѣ. Собственная колонія тоже снабжала его свѣжими плодами.

Всякая еврейка, вступившая въ сераль Кота, черезъ нѣкоторое время была обращаема въ Христіанскую вѣру. Если случалось, что отецъ и мать или родичи выкрестки оказывали барину Коту непріятности, то были ввергаемы въ *свинюшникъ* или устрашаемы медвѣдями, при безуспѣшности первой мѣры.

Всякая серальная еврейка была удаляема изъ барскаго обиталища, когда нѣсколько отцвѣтала.

Удаленіе евреекъ-конкубинъ совершалось съ пріятными для нихъ церемоніями. Онѣ *были выдаваемы замужъ* за отставныхъ поручиковъ, капитановъ, за безчиновныхъ бѣдныхъ дворянъ и даже за унтеръ-офицеровъ, смотря по индивидуальнымъ способностямъ каждой изъ нихъ.

Послѣдній гаремный *выпускъ* тоже состоялъ изъ выкрещенныхъ евреекъ.

Вотъ Гервасію Коту пошелъ уже седмой десятокъ, а гаремъ у него процвѣтаетъ, и онъ тѣшится имъ, какъ и въ пору своей молодости! Только, когда стукнуло ему за 75 лѣтъ, гаремъ видимо началъ клониться къ упадку.

У Гервасія Кота были только сынъ и дочь отъ законной жены. Когда Котъ очень уже одряхлѣлъ, то сынъ не преминулъ воспринять гаремную сокровищницу отца; онъ обновилъ— увеличилъ ее.

III.

Когда умерла жена Кота, то онъ вознамѣрился похоронить ее въ гробѣ, который былъ обтянутъ коленкоромъ чернымъ. Памва (сынъ Кота законный) воспротивился такому намѣренію

и потребовалъ для этого гроба бархатной оббивки. Послѣдовалъ *бой* отца съ сыномъ—Гервасія съ Памвою. Въ этомъ бою отецъ не устоялъ: былъ схваченъ за шиворотъ и изрядно побитъ Гробъ былъ оббитъ бархатомъ.

Вторичный бой Гервасія съ Памвою совершился послѣ похоронъ, по поводу вопроса о раздѣлѣ наслѣдства умершей жены Гервасія и матери Памвы.

Жена Кота, какъ извѣстно, имѣла 1900 десятинъ собственной земли. По смерти ея явился къ Коту Виссаріонъ, уже возмужалый, чтобы получить свою часть. Землю эту надо было раздѣлить между двумя сыновьями умершей и замужнею дочерью. Отецъ, Гервасій Котъ, не желалъ раздѣла; онъ хотѣлъ продолжать обладаніе этою землею, не давая ее никому изъ наслѣдниковъ. Памва настаивалъ на раздѣлѣ материнской земли, желая получить себѣ львиную часть. Отецъ воспротивился настояніямъ Памвы. Послѣдовалъ рядъ бурныхъ сценъ—и наконецъ произошла рукопашная потасовка между отцомъ и сыномъ. И въ этой схваткѣ Памва одержалъ побѣду: онъ опрокинулъ родителя на столъ и *придушилъ его*; родитель сдался на капитуляцію и началъ съ этой поры плясать подъ дудку побѣдителя. Сестрѣ отведено было земли на половину противъ того, сколько слѣдовало; и притомъ, эта доля была крайне неудобная: въ сухомъ безводномъ яру и вдали отъ всякихъ проѣздовъ,—для пользованія ею предлагалось прибѣгать къ воздухоплаванію на опасномъ аэростатѣ. Замужняя сестра, имѣвшая дѣтей, вынуждена была, конечно, продать эту долю—и продать за безцѣнокъ, предложенный Памвою: по 50 рублей за десятину. Такъ обижена была родная семейная сестра! Съ Виссаріономъ также точно было поступлено: ему тоже отведено было въ половину меньше, чѣмъ слѣдовало по закону, только 150 десятинъ; эта земля была настолько же неудобна, какъ и земля сестры. Онъ принужденъ былъ продать Памвѣ эту часть по той же самой низкой цѣнѣ.

Управившись такимъ образомъ съ наслѣдниками, обезпечивъ себя всѣмъ достояніемъ материнскимъ, получивъ потомъ

отъ отца громадное количество земли, Памва началъ хозяйничать вполнѣ самостоятельно и по примѣру отца своего.

Вотъ каковъ былъ баринъ Гервасій Котъ, до конца дней своихъ пребывавшій въ чинѣ „коллежскаго регистратора". Во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ онъ именовалъ себя такъ: „Потомственный дворянинъ, владѣтель громаднаго мѣстечка, записанный въ шестую часть дворянской книги, *отставной старшій канцеляристъ* Духовной Консисторіи, прослужившій въ оной должности 8 лѣтъ, 3 мѣсяца и 5 дней, и по милости Божіей и Монаршескому соизволенію получившій чинъ 14-го класса Коллежскаго регистратора и въ семъ чинѣ до сего дня пребывающій".

КОНЕЦЪ.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе [1]*).*

VI.

Подготовленія со стороны православныхъ къ сейму 1641 г.— Конституція сего сейма о религіи греческой и возстановленіи правъ еп. С. Гулевича.—Тяжелыя жертвы, принесенныя православными для достиженія успѣха въ дѣлѣ Гулевича. –Запоздалый протестъ латино-уніатовъ противъ означенныхъ постановленій помянутаго сейма.—Краткое упоминаніе о событіяхъ послѣдующаго времени, свидѣтельствующихъ о взаимномъ раздраженіи православныхъ и уніатовъ.—Брестскій игуменъ Аѳанасій Филипповичъ, какъ борецъ за православную вѣру; характеристическія черты, выдѣляющія его изъ ряда другихъ борцовъ, и его дѣятельность въ указанномъ направленіи.

На 20 августа 1641 г. назначенъ былъ общій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Среди православныхъ и уніатовъ началось обычное движеніе и шли подготовленія къ обоюдной борьбѣ. Волынское дворянство въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, поручая первѣе всего стараться о томъ, чтобы „пункты примиренія“ всецѣло приведены были въ исполненіе (о чемъ неоднократно говорилось въ предшествовавшихъ инструкціяхъ), особенно настаивало, чтобы исправленъ былъ вредъ, нанесенный православной церкви чрезъ инфамію перемышльскаго епископа Гулевича. „Послѣ прошлаго сейма—говорили они въ своей инструкціи—возникло но-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 4.

вое дѣло: церковныя бенефиціи (dobra), назначенныя „дипломомъ“ для резиденціи перемышльскаго владыки неунита, вслѣдствіе нѣкоего несчастія, по волѣ судебъ, чрезъ его милость пана подскарбія короннаго отняты отъ отца Гулевича, теперешняго перемышльскаго владыки неунита; посему паны послы усердно должны настаивать, чтобы означенная епископія, какъ уже вакующая, въ началѣ сейма отдана была неуниту“. Просило Волынское дворянство также о томъ, чтобы церкви въ Люблинѣ, въ Красномъ-Ставѣ, въ Бельзѣ и Сокалѣ, силою (per vim) отнятыя отъ уніатовъ, возвращены были имъ. Находится въ инструкціи просьба и о кіевскихъ школахъ, фундованныхъ митрополитомъ (Петромъ Могилою), чтобы права ихъ были подтверждены [1]).

На сеймъ 1641. года прибыли многіе изъ духовныхъ православныхъ лицъ: кромѣ митрополита Петра Могилы, мы видимъ здѣсь мстиславскаго епископа С. Косеова, луцкаго—А. Пузыну, перемышльскаго (не пользовавшагося гражданскими правами) С. Гулевича и значительное количество настоятелей разныхъ монастырей. О ходѣ сеймовыхъ преній по вопросу объ „успокоеніи православныхъ“ мы свѣдѣній не имѣемъ. Но, разумѣется, не подлежитъ сомнѣнію, что они—какъ и на предшествовавшихъ сеймахъ—были бурныя, даже можно предполагать наиболѣе бурныя, такъ какъ здѣсь подняты были самые жгучіе религіозные вопросы: 1) о томъ, чтобы разбирательства о правонарушеніяхъ относительно статей примиренія были перенесены на сеймы, 2) дѣло объ отнятіи Люблинской православной церкви уніатскимъ епископомъ Терлецкимъ и, въ особенности, 3) о возстановленіи правъ православной перемышльской епископіи. О результатахъ этихъ преній свидѣтельствуютъ слѣдующія два постановленія, занесенныя въ сеймовую конституцію 1641 года.

1) *О религіи греческой*: „Свободное исповѣданіе греческой религіи для лицъ, не находящихся въ уніи, обезпечено пактами счастливой нашей коронаціи. Тѣми же пактами, коммиссіями и привилегіями распредѣлены между уніатами епископства, братства и церкви. Но такъ какъ установленное между ними спокойствіе нарушено начавшимися процессами, а свобода исповѣданія нарушена отнятіемъ церквей, то постановляемъ: процессы по религіознымъ дѣламъ (исключая возникшихъ вслѣдствіе учиненныхъ насилій) между духовными и свѣтскими лицами всякаго званія и состоянія, въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, начатые тою или другою стороною, въ какой-бы судебной инстанціи эти процессы ни находились, а

1) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. XXIII. стр. 270, 276.

также декреты, банниціи, секвестры, суспенсы, пріостанавливаемъ до другого шестинедѣльнаго сейма, на которомъ обо всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, намъ доложенныхъ, учинимъ разбирательство. А чтобы на будущее время такія дѣла болѣе не затрудняли Рѣчи Посполитой, опредѣляемъ: по всѣмъ уголовнымъ процессамъ между свѣтскими и духовными лицами разбирательство будетъ происходить по специальному реестру уголовныхъ дѣлъ или на сеймѣ, если будутъ позваны дизуниты (православные) въ Коронѣ, или въ „великомъ колѣ", если они будутъ позваны въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ. А если будутъ позваны уніаты, разбирательство всегда (какъ позванныхъ въ Коронѣ, такъ и въ Литвѣ) будетъ производиться на назначенномъ сеймѣ. По дѣламъ же объ отнятіи церквей и церковныхъ имуществъ,—какъ таковымъ, гдѣ рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ значенія привилегій,—разбирательство имѣетъ быть на нашихъ реляційныхъ судахъ; но предварительное разслѣдованіе—въ мѣстномъ гродѣ или земствѣ, которые, сдѣлавъ означенное разслѣдованіе и не постановляя по нему никакого рѣшенія, дѣло со всѣми добытыми судомъ данными должны отсылать въ нашъ реляційный судъ, для чего опредѣляется срокъ шестинедѣльный. А мы по такимъ дѣламъ немедленно, согласно коституціи 1635 г., постановимъ приговоръ, и свое рѣшеніе для окончательнаго приведенія его въ исполненіе будемъ отсылать въ надлежащее судебное мѣсто".

2) „*Возстановленіе правъ благороднаго Сильвестра Гулевича.* Вслѣдствіе просьбы земскихъ пословъ и съ согласія всѣхъ чиновъ, авторитетомъ настоящаго сейма уничтожаемъ декретъ инфаміи съ благороднаго Сильвестра Гулевича, владыки перемышльскаго, неунита, и съ его сообщниковъ, и возстановляемъ его въ прежнемъ достоинствѣ—подъ такимъ однако условіемъ, чтобы епископство перемышльское съ монастыремъ св. Спаса и принадлежащими къ нему имѣніями на вѣчныя времена оставалось за уніатами. Монастырь же св. Спаса съ селеніемъ Нечуткою, монастырь Лавра съ селеніемъ Лавровымъ, монастырь Смолница имѣютъ навсегда de facto находиться во владѣніи неунитовъ, относительно чего имъ предоставляется свободная „реляція". А по смерти теперешняго владыки унита, имъ имѣетъ быть еще придано селеніе Сегмо. Въ остальномъ изложенное въ пактахъ, составленныхъ на счастливой нашей елекціи, остается ненарушимымъ. Но по смерти Гулевича, теперешняго владыки неунита, для тѣхъ монастырей имѣетъ быть назначаемъ архимандритъ, а владыкою будетъ оставаться унитъ" [1]).

---

[1]) Prawa, Konstytucie y Przyw. Krol. Polskiego, изд. 1735 г. въ Варшавѣ, т. IV, стр. 6—7.

Первое сеймовое постановленіе, касающееся успокоенія греческой религіи вообще, должно быть признано благопріятнымъ для православныхъ, такъ какъ стремилось уврачевать самыя больныя мѣста въ судебной практикѣ того времени, отъ которыхъ наиболѣе всѣхъ страдали православные. Судебные процессы по дѣламъ религіознымъ и, въ частности, объ отнятіи церквей, начинаемые въ судахъ гродскихъ и земскихъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ засѣдали латино-уніаты, зачастую принимали неблагопріятное для православныхъ направленіе или (въ ущербъ интересамъ православія) намѣренно затягивались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе предвзятыхъ ультра-католическихъ воззрѣній на „схизму“ большинства судей, безъ сомнѣнія, нерѣдко диктовавшихъ свои приговоры подъ вліяніемъ своихъ „духовныхъ отцевъ“. Поэтому устраненіе означенныхъ судовъ отъ составленія приговоровъ по упомянутымъ дѣламъ и отсылка послѣднихъ для рѣшеній по нимъ въ реляцiйный королевскій судъ, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ король, притомъ чуждый фанатизма, было весьма желательно для православныхъ, и состоявшееся сеймовое постановленіе по сему предмету они вправѣ были считать немаловажнымъ успѣхомъ, достигнутымъ ими при борьбѣ съ латино-уніатами на почвѣ юридической.

Что касается другого приведеннаго нами постановленія сейма, состоявшагося по настоянію православныхъ, именно—„возстановленія“ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича въ его прежнемъ достоинствѣ,—то въ данномъ случаѣ успѣхъ ихъ былъ относительный: онъ пріобрѣтенъ былъ тяжелыми уступками. Православные согласились на измѣненіе „статей примиренія“ относительно перемышльской епархіи,—притомъ измѣненіе весьма существенное. Во-первыхъ, они на вѣчныя времена уступали уніатамъ монастырь св. Спаса, а во-вторыхъ, и это главное, утрачивали перемышльскую епископію, которая оставалась за ними только временно, до смерти Сильвестра Гулевича. Эта уступка вызывала укоры со стороны особенно ревностныхъ борцевъ за православную вѣру. Разумѣется, та постановка вопроса о перемышльской епископіи, которая сдѣлана была волынскими православными дворянами въ инструкціи ихъ посламъ на сеймъ 1641 года, была, въ интересахъ православной церкви, самая лучшая. Въ инструкціи проводилась (и проводилась, надо полагать, по внушенію П. Могилы) такая мысль: всѣ наши просьбы о снесеніи инфаміи съ Гулевича остаются тщетными, и онъ считается лишеннымъ гражданскихъ правъ. Пусть будетъ такъ. Но въ такомъ случаѣ перемышльская епископія должна считаться вакантною. Мы, основываясь на статьяхъ примиренія, требуемъ назна-

ченія на нее другого епископа, который имѣетъ быть избранъ православными". Такая постановка дѣла, съ юридической стороны вполнѣ законная и не могшая встрѣтить при своемъ осуществленіи серьезныхъ препятствій, по всей вѣроятности, и была главною причиною того, что латино-уніатская партія не препятствовала снесенію инфаміи съ Гулевича: она желала только извлечь (и извлекла) изъ этого дѣла наибольшія для себя выгоды. Что касается православныхъ, то они вынуждены были согласиться на означенныя уступки не только въ виду заслугъ для церкви С. Гулевича и его фамиліи, но и потому, что съ дѣломъ перемышльскаго епископа тѣсно связаны были интересы многочисленныхъ (во всякомъ случаѣ не менѣе 130—140) дворянъ, тоже осужденныхъ на инфамію. Возстановленіе въ прежнемъ достоинствѣ Гулевича неразрывно связано было съ возстановленіемъ въономъ и его, какъ сказано въ конституціи, сообщниковъ. Притомъ, православные могли ласкать себя надеждою, что въ будущемъ дѣло о перемышльской епископіи можетъ быть поправлено, о чемъ дѣйствительно впослѣдствіи и старались.

Въ высшей степени замѣчательно, что сеймовая конституція о греческой религіи на первыхъ порахъ не вызвала письменныхъ протестовъ со стороны латино-уніатовъ и только спустя около пяти мѣсяцевъ по обнародованіи ея означенные протесты заносятся въ подлежащія судебныя учрежденія отъ имени представителей католической и уніатской церквей. Такихъ протестовъ извѣстно три: 1) папскаго нунція Филонарда, 2) гнѣзненскаго архіепископа съ четырьмя бискупами и двумя свѣтскими сановниками (Станиславомъ Радзивилломъ и Казимиромъ Сапѣгою) и 3) уніатскаго митрополита Антонія Селявы. Не подлежитъ сомнѣнію, что послѣднія двѣ протестаціи составлены были по настоянію нунція. Это ясно видно изъ протестаціи Селявы, который заявляетъ, что онъ опоздалъ съ своею манифестаціею потому-де, что трудно было ему, бывшему на сеймѣ, достать копію съ конституціи, которая едва получена имъ теперь, вслѣдствіе чего онъ съ опозданіемъ заноситъ свой протестъ противъ состоявшихся на сеймѣ 1641 г. постановленій относительно греческой религіи, повинуясь въ данномъ случаѣ заявленію и приказаніямъ св. апостольскаго престола (declarationi et mandatis s. saedis apostolicae). Что касается молчанія папскаго нунція при обнародованіи сеймовой конституціи 1641 года, то оно можетъ быть объясняемо выжидательною политикою со стороны Рима въ виду неоднократно дѣлаемыхъ Владиславомъ IV обѣщаній привлечь православныхъ къ подножію папскаго престола путемъ мирнымъ (о чемъ скажемъ ниже). Невыполненіе королемъ этихъ обѣщаній и предъявленіе къ

нему въ это время со стороны папы требованій, которыя Владиславомъ IV ни въ какомъ случаѣ не могли быть удовлетворены, какъ идущія въ разрѣзъ съ его политикою по дѣламъ религіознымъ (папа требовалъ уничтоженія привилегій, выданныхъ православнымъ), и побудили нунція, руководившагося въ данномъ случаѣ инструкціями изъ Рима, занести упомянутый протестъ 26-го февраля 1642 года [1]).

Въ теченіе остальныхъ пяти лѣтъ жизни митрополита Петра Могилы (1642—1646 гг.) общіе сеймы въ Польской Коронѣ назначаемы были и собирались четыре раза: въ 1642, 1643, 1645 и 1646 годахъ. Въ сохранившихся инструкціяхъ посламъ на нѣкоторые изъ этихъ сеймовъ мы опять слышимъ горькія жалобы со стороны православныхъ на притѣсненія, испытываемыя ими отъ латино-уніатовъ, и настойчивыя просьбы о возстановленіи правъ православной церкви соотвѣтственно съ сеймовыми конституціями „объ успокоеніи греческой религіи" и выданными на основаніи ихъ привилегіями. Въ инструкціяхъ волынскаго дворянства посламъ, отправляемымъ на сеймы 1645 и 1646 гг., православные заявляютъ, что „греческая религія—древняя, распространенная, упривилегированная, апробованная пактами конвентами и королевскою присягою—такое претерпѣваетъ насиліе въ христіанскомъ католическомъ государствѣ и свободной, независимой Рѣчи Посполитой, какого не испытываютъ даже христіане-греки, находящіеся въ рабствѣ у безбожниковъ („поганъ"). Отняты церкви, монастыри и каѳедры, возбраняется свободное отправленіе богослуженія; убогіе христіане умираютъ безъ напутствія св. тайнами и не могутъ открыто совершать богослуженіе; въ Люблинѣ, вслѣдствіе отнятія у православныхъ церкви, а также въ Сокалѣ, Бельзѣ и другихъ городахъ, они должны хоронить своихъ покойниковъ тайно въ своихъ погребахъ и домахъ [2]). Дѣйствительно, хотя конституціею 1641 года свобода вѣроисповѣданія вновь обезпечена была православнымъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ районѣ Холмской уніатской епархіи, было крайне стѣснительное. Меѳодій Терлецкій, посредствомъ указанныхъ нами насильственныхъ дѣйствій и угрозъ загнавши въ свою „овчарню" многихъ православныхъ, крѣпко держалъ ихъ въ ней, ибо переходъ въ унію подлежавшихъ штрафамъ и смертной казни православныхъ мѣщанъ

---

[1]) Theiner, Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. III. № CCCLXIX, pag. 420—423.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. № XXV и XXVI.

разныхъ городовъ, но за покорность и согласіе признать власть холмскаго уніатскаго епископа прощенныхъ, обставленъ былъ имъ въ случаѣ несоблюденія условій (т. е. возвращенія въ православіе) такими тяжелыми юридическими обязательствами (конфискація имуществъ, приведеніе въ исполненіе задержанныхъ приговоровъ по декретамъ), что вырваться изъ означенной овчарни было дѣломъ весьма рискованнымъ. Поэтому „убогимъ христіанамъ“ поневолѣ приходилось, тая въ душѣ ненависть къ уніи, наружно слѣдовать ей и скрытно, съ большими предосторожностями (у Терлецкаго были шпіоны) исполнять религіозныя обязанности по обряду церкви православной. Сеймовое постановленіе объ отсылкѣ на рѣшеніе королевскаго суда процессовъ по дѣламъ церковнымъ, хотя должно было значительно сдерживать (и сдерживало) порывы латино-уніатовъ къ захвату церквей и „духовныхъ бенефицій“, принадлежавшихъ православнымъ, но по отношенію къ церквамъ и бенефиціямъ, уже передъ тѣмъ захваченнымъ у православныхъ,—значительныхъ, благопріятныхъ для послѣднихъ результатовъ не имѣло, благодаря настойчивости и упорству наиболѣе рьяныхъ представителей латино-уніатской церкви, поддерживаемыхъ въ данномъ случаѣ нѣкоторыми вліятельными лицами изъ ультра-католической партіи, находившимися у кормила правленія. Такъ, напр., Люблинская церковь, несмотря на благопріятное для православныхъ рѣшеніе короля и его неоднократные и рѣшительные приказы люблинскому старостѣ отобрать ее отъ уніатовъ и передать въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа А. Пузыны [1]), по прежнему пребывала подъ властью Терлецкаго, а многочисленные протесты православныхъ и ихъ громовыя рѣчи по этому поводу на сеймахъ и въ судахъ оставались гласомъ вопіющихъ въ пустынѣ. Изъ инструкціи дворянъ посламъ на сеймъ 1645 года мы видимъ, что нѣкоторыя церковныя бенефиціи, пріуроченныя къ перемышльской православной епископіи, еще и въ то время не были переданы С. Гулевичу, хотя—какъ мы видѣли—онъ уже давно былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Не были приведены въ исполненіе и нѣкоторыя другія правительственныя распоряженія о передачѣ православнымъ церквей въ Холмщинѣ [2]).

Разумѣется, все это не могло способствовать успокоенію „разрозненныхъ въ вѣрѣ людей“ и въ свою очередь вызывало со стороны православныхъ поступки, при правильномъ теченіи государ-

---

[1]) Рукоп. сборникъ, наход. въ библ. графа Дзѣдушицкаго во Львовѣ, Miscelanea, № 134, стр. 900—901.

[2]) Древніе акты Холмс. епархіи (въ Холм. ц. арх. музеѣ), к. I.

ственныхъ дѣлъ невозможные. Такъ, напр., не видя никакихъ результатовъ по своимъ жалобамъ о возвращеніи отнятыхъ уніатами церквей, сокальскіе мѣщане „дизуниты“ (православные), а также „собранные изъ разныхъ селъ хлопы“, 13 января 1646 года сдѣлали нападеніе на уніатскую церковь въ Сокалѣ, причемъ уніатскихъ „духовныхъ“ избили и изувѣчили, „сакраментъ“ (св. дары) растоптали ногами и кощунствовали надъ находившимся въ то время въ церкви тѣломъ умершаго „духовнаго лица“ (сорвали съ него одежды) [1]).

О взаимномъ раздраженіи между православными и латино-уніатами можно также заключить изъ той массы вчиненныхъ тою и другою стороною процессовъ (по поводу личныхъ оскорбленій, насилій и т. п., иногда даже убійствъ), которыми переполнены судебныя книги того времени. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на этихъ процессахъ, такъ какъ ознакомленіе съ ними не много намъ прибавитъ характерныхъ чертъ для той картины взаимныхъ отношеній между враждующими сторонами, которая—думаемъ—съ достаточною яркостью красокъ нарисована нами выше. Но эта картина не была бы вполнѣ закончена, еслибы мы не коснулись еще дѣятельности одного изъ борцовъ за православную вѣру, стоящаго какъ бы особнякомъ въ ряду другихъ борцовъ за оную, и въ большинствѣ случаевъ, значительно отличающагося отъ послѣднихъ по пріемамъ и характеру своихъ дѣйствій. Мы говоримъ о брестскомъ игуменѣ Аѳанасіи Филипповичѣ.

Благодаря изданному Археографическою коммиссіею „Діаріушу“ Филипповича [2]), личность этого борца за православіе достаточно извѣстна въ нашей исторической литературѣ. [3]) Мы коснемся его жизни и дѣятельности настолько, насколько это требуется задачею настоящаго очерка.

Аѳанасій Филипповичъ, сынъ православныхъ родителей, по всей вѣроятности, принадлежавшихъ къ бѣдному шляхетству, получилъ образованіе въ церковно-русскихъ школахъ, послѣ чего („по наукахъ церковно-русскихъ“), слѣдуя общему между мелкою шлях-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т VI. № CCCXXI.

[2]) Русс. Историческая Библіотека, изд. Археогр. Коммиссіею, т. IV, столбцы 49—156.

[3]) На основаніи Діаріуша объ А. Филипповичѣ писали: *Н. И. Костомаровъ* (Историч. Монографіи т. XIV, стр. 1—42). *О. И. Левицкій* (Универс. Извѣстія 1878 г., № 5) и *Арсеній Маркевичъ* (Холмско-Варшав. Вѣст. за 1879 г. №№ 22, 24 и 1880 г).

тою того времени обычаю, проходилъ службу при разныхъ панскихъ дворахъ, и наконецъ при дворѣ великаго канцлера литовскаго Льва Сапѣги. Здѣсь онъ пробылъ семь лѣтъ, состоя „инспекторомъ" Яна Фавстина Лубы, которому—какъ извѣстно—поляками съ дѣтскихъ лѣтъ внушена была увѣренность, что онъ—московскій царевичъ (сынъ Марины Мнишекъ). Убѣдившись въ грѣховности міра сего, Филипповичъ отошелъ отъ Сапѣги и въ 1627 году принялъ монашество въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ, откуда посланъ былъ на „послушаніе" въ монастыри, сначала Кутеинскій подъ Оршею, а потомъ Межигорскій около Кіева, въ коихъ „презъ часъ не малый учился воли Бозской и законнаго житія."—Вызванный изъ временнаго своего пребыванія въ Межигорской обители на послушаніе въ Виленскій монастырь, Аѳанасій, при прощаніи своемъ съ межигорскимъ игуменомъ Комментаріемъ, получилъ отъ послѣдняго слѣдующее наставленіе: „Брате Аѳанасій! Сохрани по меньшей мѣрѣ три правила, необходимыя для инока: первое—быть въ послушаніи у старшихъ; второе—строго хранить уставы церковные; третье—остерегаться бесѣдъ женскихъ. Если все это, при помощи Божіей, сохранишь, то спасешься и потребенъ будешь на службу церкви Христовой." На пути въ Вильну Аѳанасій встрѣтилъ какого-то весьма больного человѣка, поднялъ его и немалое время несъ на себѣ. Этотъ человѣкъ послѣ продолжительной бесѣды съ Аѳанасіемъ о чудесныхъ дѣлахъ и тайнахъ Божіихъ, далъ ему, выражаясь словами діаріуша, „имя наисладшее Іисусъ Христосъ на сердце и указалъ, якъ тое заховати (сохранить)". Съ этого времени для Аѳанасія открылся міръ таинственныхъ видѣній и чудесъ, которыми изобилуетъ вся его послѣдующая жизнь. Такъ, получивши въ Вильнѣ посвященіе въ санъ іеромонаха и назначенный послѣ того намѣстникомъ въ Дубойскій монастырь, онъ здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ „бѣдствовалъ" отъ нападеній со стороны враговъ видимыхъ и невидимыхъ. Къ числу видимыхъ враговъ принадлежалъ канцлеръ Литовскій, князь Станиславъ Радзивиллъ, который въ 1636 году отобралъ Дубойскій монастырь для поселившихся въ Пинскѣ іезуитовъ. Въ это время—говоритъ Филипповичъ—(т. е. при отобраніи „монастыря") барзо страшніи видоки на неби и на земли (не презъ сонъ, але въ день и на явѣ, толко якъ въ захвиценю якомъ будучи) видилемъ: на небѣ—хмуры барзо гнѣвливые зъ войсками ушиковаными (выстроенными къ битвѣ), на каране готовыми, и на земли—седмъ огнювъ пекелныхъ, на седмъ грѣховъ смертелныхъ зготованыхъ; зъ тыхъ огнювъ, въ пятомъ жаристомъ огнѣ трохъ особъ выразне видилемъ: нунціуша легата, въ коронѣ папеж-

ской, Жигмунта кроля и Сапегу, гетмана, за преслядоване церкви восточной барзо смутно седячихъ. Которое видѣне, гдымъ другимъ указовалъ, видити не могли. Толко одинъ святобливый мужъ Иларіонъ Денисовичъ, игуменъ Купятицкій и Пинскій, тые справы Бозскіе видѣлъ и диковался".—Послѣ отобранія отъ православныхъ Дубойской обители, Аѳанасій перешелъ въ Купятицкій монастырь, гдѣ первымъ его дѣломъ было составленіе „жалоснаго листа" по поводу притѣсненій, испытываемыхъ православными отъ латино-уніатовъ, каковой листъ послѣ подписи его многими почтенными („годными") лицами, онъ „полецилъ (поручилъ) Пречистой Богородицѣ Купятицкой". Въ это время (въ томъ же 1636 году) въ Купятицкій монастырь присланы были листы Петра Могилы съ просьбою о сборѣ подаяній въ пинскомъ повѣтѣ на возобновеніе митрополитанской каѳедры, Кіево-Софійскаго собора. Просьба митрополита была исполнена, и въ маѣ слѣдующаго (1637-го) года собранныя, по его порученію, деньги были ему чрезъ о Макарія Токаревскаго доставлены. Узнавши отъ послѣдняго, что въ Купятичахъ церковь весьма уже стара, П. Могила сказалъ: „хорошо бы собранныя вами деньги употребить на возобновленіе Купятицкой церкви; но такъ какъ онѣ привезены уже въ Кіевъ, и надобность въ нихъ у меня большая, то пусть здѣсь и остаются; но я дамъ вамъ универсальный листъ: старайтесь посредствомъ ялмужны (милостыни) святой реставрировать свою церковь".—Послушаніе собирать „святую ялмужну на збудоване Купятицкой церкви" возложено было игуменомъ на Аѳанасія Филипповича, состоявшаго уже въ то время намѣстникомъ Купятицкаго монастыря. Во время пламенной молитвы, вызванной предстоящимъ ему труднымъ подвигомъ, Аѳанасій услышалъ голосъ самой Владычицы небесной: „царь московскій построитъ Мнѣ церковь; иди до него",—и, отправляясь въ дорогу, сообщилъ о слышанномъ своему игумену. Тотъ сказалъ Аѳанасію; „брате милый, гдѣ тебѣ всемогущій Богъ и Пречистая Богородица укажетъ путь, туда и иди; а я здѣсь съ братіею буду молиться о твоемъ благополучномъ возвращеніи. А о чемъ ты говоришь, не знаю, что изъ этого выйдетъ, потому что и королевской грамоты (на проѣздъ въ Москву) ты не имѣешь". Простившись съ братіею и уже находясь въ притворѣ церковномъ, Аѳанасій еще разъ, смотря черезъ окно на чудотворный образъ Божіей Матери, обратился къ ней съ мольбою, воскликнувъ: „о Пречистая Богородице, будь со мною!" Тогда изъ церкви отъ означеннаго образа послышался явственный голосъ: „иду и Я съ тобою!" Вслѣдъ затѣмъ онъ увидѣлъ стоящаго на лѣвомъ крылосѣ (скончавшагося послѣ благочестивой жизни въ мо-

лодыхъ лѣтахъ) діакона Неемію, который изрекъ: „иду и я при своей Госпожѣ!“—Сборъ пожертвованій въ Бѣлоруссіи шелъ весьма туго и не безъ огорченій для Аѳанасія. Въ Слуцкѣ архимандритъ Шицикъ, намѣстникъ митрополита, весьма разгнѣвался на купятицкаго игумена за то, что тотъ не извѣстилъ его, архимандрита, о посылкѣ за сборомъ подаяній Аѳанасія, и отобралъ отъ послѣдняго данные ему „листы“, и только спустя немалое время, „пристрашоный презъ сонъ видѣньемъ якимсь“, возвратилъ ихъ, сказавъ Аѳанасію и его спутнику: „дѣлаю это для Пречистой Богородицы, а не для вашего игумена; идите съ Богомъ куда хотите“. Въ Кутеинскомъ монастырѣ подъ Оршею Аѳанасій былъ принятъ ласковѣе: тамошній игуменъ Іоиль Труцевичъ сочувственно отнесся къ миссіи купятицкаго намѣстника и хотя не далъ ему просимаго „свѣдоцтва до Москвы“, снабдилъ однако рекомендательными письмами къ протопопамъ и православнымъ братствамъ. Съ этими письмами Аѳанасій былъ въ Копысѣ, Шкловѣ, Могилевѣ, Головчинѣ; но здѣсь не получилъ „ялмужны“: „выбирано ее пилно (старательно) еписконови своему Сильвестрови Коссови на справу съ Селявою, владыкою полоцкимъ уніатомъ.“ Вторично прибывши въ Кутеинскій монастырь, Аѳанасій сообщилъ игумену о своей неудачѣ и хотѣлъ было возвращаться въ свою обитель со скудною милостынею; но намѣстникъ кутеинскій посовѣтовалъ ему попытаться проникнуть въ Московское государство чрезъ пограничный городъ Трубчевскъ. Игуменъ Іоиль Труцевичъ благословилъ Аѳанасія и далъ ему рекомендательное письмо къ князю Петру Трубецкому. Но Трубецкой принялъ Аѳанасія крайне неласково и подъ угрозою „великаго наказанія“ приказывалъ ему возвратиться назадъ, какъ не имѣющему надлежащаго документа (паспорта). Аѳанасій вернулся было назадъ, но дорогою ему опять было видѣніе; когда онъ молитвенно взывалъ: „о Боже мой и Пречистая Богородица, смилуйтесь надо мною; не знаю что дѣлается“,—былъ слышанъ имъ голосъ, произносившій такія слова: „зачѣмъ ты требуешь людской помощи? Иди въ Москву—и Я съ тобою“! Ободренный этимъ голосомъ и другими чудесными видѣніями, Аѳанасій вновь отправился къ границѣ, благополучно перебрался черезъ нее и, встрѣчая по пути ласковые пріемы со стороны народа, приписывавшаго необычайный переходъ Филипповича черезъ границу помощи Пресвятой Богородицы, безпрепятственно достигъ наконецъ главной цѣли своей поѣздки—Москвы. Здѣсь, лично представленный государю Михаилу Ѳеодоровичу, онъ вручилъ ему записку о положеніи православной церкви, угнетаемой латино-уніатами, съ просьбою „народъ православный отъ несноснаго преслѣдованія за-

щитить,“—исторію чудотворной иконы Купятицкой Божіей Матери съ ея живописнымъ изображеніемъ для хоругвей военныхъ „въ помножене православной вѣры“ и описаніе своего чудеснаго путешествія въ Московское государство. Мирно отпущенный изъ Москвы, безъ сомнѣнія, съ обычною милостынею, Аѳанасій 16 іюля 1638 года возвратился въ свой Купятицкій монастырь.—Спустя нѣкоторое время (1640 г.) иноки Брестскаго Симеоновскаго монастыря обратились къ купятицкому игумену съ просьбою прислать къ нимъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Но купятицкій игуменъ, по совѣщаніи съ братіею, нашелъ болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священноинока Климента Несвѣцкаго, „а насъ ободвохъ—пишетъ Филипповичъ—охороняль на тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ“. Однако, „посланный братіею Брестскаго монастыря“ не пожелалъ принять о. Климентія. Тогда Купятицкій игуменъ съ братіею рѣшили кинуть жребій между о. о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъ ѣхать въ Брестъ. „По волѣ Божіей—говоритъ Филипповичъ—жребій палъ на меня“.

Съ этого времени и начинается та борьба Аѳанасія съ латиноуніатами, которая, поставляя его на ряду съ выдающимися ревнителями православія того времени, однако рѣзко выдѣляетъ его изъ числа большинства ихъ по своей горячности и страстности, не сдерживаемыхъ обычными житейскими соображеніями.—Первымъ дѣломъ Аѳанасія Филипповича по прибытіи въ Брестъ („гдѣ фундаментъ уніи проклятой сталея“) было собрать документы, обезпечивавшіе права и имущество Брестскаго монастыря, и занести ихъ въ гродскія книги. Сдѣлавъ это, онъ „по волѣ Божіей смѣлѣе сталъ дѣйствовать“. Въ церкви и другихъ мѣстахъ онъ открыто началъ заявлять, что „унія зъ старымъ Римомъ, не ведлугъ порядку церкви всходней принятая, вечне проклята“,—и мысли объ этомъ подкрѣплялъ многими доказательствами. Подобныя нападки на унію производили „тревогу“ между уніатами въ Брестѣ и во всемъ брестскомъ повѣтѣ. Между тѣмъ приближалось время, на которое назначенъ былъ сеймъ (1641 г). На него отправился и новый Брестскій игуменъ съ цѣлью исхлопотать у короля новую привилегію своему монастырю. Просимую привилегію король далъ, но для приданія ей законной силы надобно было, чтобы канцлеръ или подканцлеръ приложили къ ней печати. Но ни тотъ, ни другой сдѣлать этого не хотѣли, не смотря на то, что Филипповичъ предлагалъ имъ „за печать“ тридцать талеровъ.—„Будьте уніатами—говорили они Аѳанасію,—тогда мы и даромъ запечатаемъ; знайте, что намъ

отъ святого отца, папы римскаго, подъ клятвою запрещено, чтобы греческая вѣра въ нашемъ краѣ не множилась". Находившійся въ то время въ покояхъ канцлера князь Клецкій, прочитавъ данную королемъ привилегію, попросилъ было канцлера исполнить желаніе брестскаго игумена—приложить печать,—но тотъ наотрѣзъ отказался отъ этого.—Тогда Филипповичъ обратился за совѣтомъ и помощью къ своимъ „старшимъ", т. е. епископамъ, архимандритамъ и вобще вліятельнымъ духовнымъ лицамъ, пріѣхавшимъ на сеймъ. Но и здѣсь успѣха не имѣлъ: всякъ думаетъ—говоритъ Филипповичъ—только о своихъ личныхъ интересахъ („свою привату угоняетъ"): „господинъ отецъ Коссовъ двухъ тысячей золотыхъ въ каждый рокъ на владыцтво могилевское доходитъ; отецъ Гулевичъ баницію зъ себе зноситъ, владыцтво Премыское пустивши въ вѣчность (якъ въ конституціи написано) на унѣю; отецъ Жолудь цегельню (кирпичный заводъ) только въ Вилню правомъ сталюетъ (упрѣпляетъ); отецъ Шицикъ привиля, оденъ собѣ на архимандрію Овруцкую, а другой Филатею на игуменство Золотоверхого Михаила набываетъ. Единъ господинъ Варлаамъ Дидковскій святобливе въ справахъ церкви Печерской зъ розсудкомъ духовнымъ працовалъ. Иншіе отцове всѣ и законники въ своихъ приватахъ пріѣхали, и мовятъ зъ собою: я маю, маю зъ потребу у себе церквей; якъ собѣ хочетъ, нехай домавляетъ; я не дбаю (я имѣю мною хлопотъ по нуждамъ своихъ церквей; пускай каждый хлопочетъ, какъ знаетъ; это не моя забота)"... Рисуя печальное положеніе многихъ православныхъ, пріѣхавшихъ съ разными просьбами на сеймъ, Аѳанасій Филипповичъ говоритъ, что православная церковь терпитъ въ христіанскомъ государствѣ „бо́льшую неволю", чѣмъ въ Турціи. „Нельзя имѣть вольности уже и за гроши". Бѣдные Оршане за то, что построили въ братствѣ своемъ новую церковь, давали подканцлеру двѣсти червонныхъ золотыхъ, да еще пятьдесятъ коровъ пригнали въ фольваркъ къ одной особѣ—и это только за одно ходатайство („за причину") съ ея стороны. И другіе много тратились, хотя и безуспѣшно.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Аѳанасію Филипповичу опять было видѣніе. Разстроенный мрачными мыслями о печальномъ положеніи православной церкви и объ упадкѣ ревности въ средѣ ея представителей, онъ горько плакалъ, и когда въ своей квартирѣ сталъ читать акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, то при словахъ: „отъ всѣхъ насъ бѣдъ свободи",—услышалъ весьма явственный голосъ отъ Ея образа: „о Аѳанасій! подавай прошеніе на сеймъ черезъ образъ мой, на крестѣ изображенный, и грози королю

и Рѣчи—Посполитой праведнымъ гнѣвомъ и страшнымъ судомъ Божіимъ, который постигнетъ ихъ, если не опомнятся и не уничтожатъ проклятой уніи".

Вслѣдствіе такого приказанія Богородицы, Аѳанасій Филипповичъ ѣхалъ на слѣдующій шестинедѣльный сеймъ (1643 г.)—по его словамъ—какъ игрокъ, имѣющій въ рукахъ хорошую карту, и какъ Илія, ревнующій о вѣрѣ. Онъ взялъ съ собою образъ Купятицкой Божіей Матери „въ седми штукахъ (экземплярахъ) на полотнѣ малёваныхъ", съ „исторіею московскою" (описаніемъ своего путешествія въ Москву) и „надписаніемъ", заключающимъ въ себѣ предостереженія о гнѣвѣ и страшномъ судѣ Божіемъ (за преслѣдованіе православія и неискорененіе уніи). Глубоко убѣжденный въ правотѣ своего дѣла и съ непоколебимою вѣрою въ помощь свыше, Аѳанасій Филипповичъ, вмѣсто прошенія („суплики") отъ имени восточной церкви, вошелъ въ „сенаторскую избу", а своего діакона отправилъ въ посольскую съ привезенными имъ иконами Купятицкой Божіей Матери и, раздавши ихъ „нѣкоторымъ знатнымъ особамъ", обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „Найяснѣйшій король, панъ мой милостивый! Испытываемъ невыносимую несправедливость. Не хотятъ намъ, людямъ православнымъ, въ благочестивыхъ нашихъ церковныхъ дѣлахъ прикладывать къ привилегіямъ печатей; не хотятъ насъ охранять согласно съ правами, ствержденными присягой вашей королевской милости. Уже пятьдесятъ лѣтъ подъ вами, христіанскими панами, правдивая вѣра и церковь восточная претерпѣваютъ великія преслѣдованія въ угоду проклятой уніи,—и все это дѣлается при содѣйствіи и помощи ненавистныхъ каплановъ римскихъ, а въ особенности іезуитовъ наимудрѣйшихъ. Эти-то іезуиты, посредствомъ красныхъ словъ, суетныхъ наукъ и заманчивыхъ титуловъ, овладѣвши сердцами молодыхъ людей, устрояя въ школахъ комедіи, имѣя въ костелахъ каѳедры, книжки перепорченныя и измышленныя сатанинскими кознями, безбожно соблазняютъ простыхъ людей, своихъ потаковниковъ, а правовѣрныхъ христіанъ, сами будучи неправовѣрными, предаютъ позору и преслѣдуютъ". Аѳанасій Филипповичъ просилъ короля, чтобы вѣра правдивая греческая совершенно успокоена была, „а унія проклятая вынищена и вничечъ обернена (совершенно истреблена)".—„Если—говорилъ онъ—унію проклятую искорените, а восточную истинную церковь успокоите, то будете проводить счастливыя лѣта; если же вѣру правдивую греческую не умиротворите и проклятой уніи не уничтожите, то воистину испытаете на себѣ гнѣвъ Божій... Образъ Пресвятой Богородицы да служитъ вамъ трубою и знакомъ, предупреждающимъ страшный

судъ Божій, когда благословенные унаслѣдуютъ царство небесное, а проклятые ввержены будутъ въ пекло (адъ) на вѣчныя муки. Я знаю, найдется противящійся такому предостереженію и болѣе невѣрный, чѣмъ съ окаменѣлымъ сердцемъ фараонъ; но надѣюсь, что обрящется и вѣрный Богу, создателю своему, Авраамъ, который всему сему увѣруетъ".

До крайности рѣзкія рѣчи Филипповича, безъ сомнѣнія, должны были поразить короля и сенаторовъ: его сочли человѣкомъ не въ своемъ умѣ, тѣмъ не менѣе тогда не арестовали и даже обнадежили, чтобы онъ по своему дѣлу обратился къ маршалку, пану Опалинскому. Къ послѣднему о. Аѳанасій дѣйствительно на слѣдующій день и явился. Тотъ направилъ его къ познанскому бискупу Андрею Шолдровскому, человѣку—по словамъ Филипповича—весьма разсудительному, о которомъ митрополитъ Петръ Могила отзывался какъ о добромъ своемъ пріятелѣ („добрый то мой пріятель" [1]). Шолдровскій, пріѣхавъ вечеромъ изъ сената, сообщилъ брестскому игумену радостную вѣсть: „король,—сказалъ онъ—панъ нашъ милостивый, приказалъ запечатать привилей, о которомъ вы хлопочете; приходите завтра къ ксендзу подканцлеру, а теперь идите на квартиру."

Но къ подканцлеру Аѳанасій Филипповичъ не былъ допущенъ,—и не былъ допущенъ „отъ своихъ отцевъ старшихъ, которые его вмѣстѣ съ діакономъ Леонтіемъ посадили подъ стражу („въ вязаню держали"), обвиняя въ томъ, что онъ безъ ихъ совѣта и благословенія явился на сеймъ съ прошеніемъ отъ имени всей православной церкви. „Я (пишетъ Аѳанасій) остался поруганнымъ, оплеваннымъ и обвиненнымъ, и все это за то, что не доложилъ имъ (старшимъ) о своей супликѣ. Какъ будто слѣдовало идти съ докладомъ о такихъ „таемницахъ Бозскихъ!" О горе! до чего довело ихъ знакомство съ латинскою мудростью! Уже ни мало не заботятся о вѣрѣ и не слушаютъ воли Божіей, но, надѣясь на себя и на свой разумъ, свою волю творятъ, и свои своихъ же угнетаютъ".

Разумѣется, нареканія Филипповича на духовныхъ „старшихъ" были несправедливы. Очевидно, дѣло происходило такъ. Брестскій игуменъ хотя и признанъ человѣкомъ, находившимся не въ своемъ умѣ, и отпущенъ изъ сената, тѣмъ не менѣе рѣчь его должна была вызвать рѣзкія укоризны со стороны католиковъ и уніатовъ, желавшихъ сдѣлать за нее отвѣтственными всѣхъ православныхъ, въ особенности представителей православной церкви. Послѣдніе, естественно, слагали съ себя всякую вину въ этомъ дѣлѣ и, ставъ

---

[1]) Шолдровскій былъ *кіевскимъ* бискупомъ съ 1633 по 1635 г.

на точку зрѣнія самихъ католиковъ на Филипповича, какъ человѣка не въ своемъ умѣ, заключили его, вмѣстѣ съ его діакономъ, подъ стражу, гдѣ и предполагали держать ихъ до окончанія сейма, опасаясь какихъ-либо новыхъ оригинальныхъ выходокъ со стороны брестскаго игумена. Но заключеніе, въ которомъ находился А. Филипповичъ, надо полагать, не было особенно строгимъ. Ему удалось ускользнуть изъ него и дальнѣйшимъ образомъ своихъ дѣйствій привести „духовныхъ старшихъ“ еще въ бо́льшее смущеніе. Подражая Христа ради юродивымъ, Филипповичъ выбѣжалъ на улицу совершенно нагимъ, имѣя на себѣ только клобукъ и парамантъ, вывалялся въ первомъ попавшемся болотѣ (въ то время были на улицахъ грязь и лужи) и, колотя себя палкою, побѣжалъ по варшавскимъ улицамъ, громогласно восклицая: „бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! бѣда проклятымъ и невѣрнымъ! vae maledictis et infidelibus!“. Аѳанасій намѣревался было „въ костелы вбѣгати и волати тые же слова“, но былъ догнанъ владычнею челядью, которая его задержала и препроводила обратно въ заключеніе. Разумѣется, нареканія на православныхъ со стороны латино-уніатовъ еще болѣе увеличились, и духовныя власти вынуждены были поступить съ брестскимъ игуменомъ очень строго: его лишили игуменства и пресвитерства и, по окончаніи сейма, отправили въ Кіевъ на судъ самого митрополита (въ то время на сеймѣ не находившагося), такъ какъ Филипповичъ осужденіе свое въ Варшавѣ признавалъ несправедливымъ. Въ Кіевѣ къ брестскому игумену отнеслись гораздо снисходительнѣе. Митрополитанская консисторія оправдала его, прежнее варшавское опредѣленіе было уничтожено, Петръ Могила возстановилъ Аѳанасія въ священноиноческомъ званіи и весьма часто позволялъ совершать богослуженіе въ лаврскихъ храмахъ, а когда брестское православное братство обратилось къ митрополиту съ просьбою вновь прислать къ нимъ на игуменство о. Аѳанасія, П. Могила исполнилъ и эту просьбу, хотя въ данной по этому поводу грамотѣ братству поставлялъ на видъ, что Аѳанасій своими поступками „всей церкви Россійской нанеслъ былъ великого жалю и трудности“, поэтому онъ—митрополитъ—надѣется, что „по исправленіи“ отъ него, митрополита, брестскій игуменъ „осторожнѣй будетъ себѣ поступовати въ справахъ церковныхъ, а звлаща (особенно же) предъ кролемъ его милостью, паномъ нашимъ милостивымъ, и всѣмъ пресвѣтлымъ его сенатомъ“.

По возвращеніи въ Брестскій монастырь Аѳанасію Филипповичу съ братіею приходилось много претерпѣвать „отъ своевольныхъ іезуитскихъ студентовъ и уніатскихъ поповъ“.

Были неоднократныя „битя, мордованя, уруганя"; а кобринскій уніатскій архимандритъ Овлочинскій напалъ на „законниковъ", посланныхъ въ Брестъ къ Аѳанасію изъ Купятицкаго монастыря, и изъ нихъ одному, священнику, урѣзалъ бороду, а другого, діакона, „обнажилъ" и затѣмъ обоихъ выгналъ, забравши себѣ двухъ коней. Эти притѣсненія, а также дошедшее до Филипповича извѣстіе, что привилей Брестскому монастырю уже запечатанъ, — побудили его отправиться (въ 1644 г.) въ Краковъ и Варшаву. Въ Краковѣ онъ обратился къ новогродскому воеводѣ, пану Сапѣгѣ, на грунтѣ котораго жила брестская братія, съ просьбою ходатайствовать предъ королемъ о „напоминальномъ листѣ" къ притѣснителямъ означенной братіи. На каждомъ мѣстѣ—говорилъ Филипповичъ—во дворахъ и судахъ ругаются надъ нами и гукають: „гугу, русинъ, люпусъ (lupus), реліа, господи-помилуй, схизматикъ, турко-гречинъ, отщепенецъ, Налевайко". Но Сапѣга отнесся къ жалобамъ Филипповича совершенно равнодушно. „Попъ съ попомъ побился, говорилъ онъ, а мнѣ какое до этого дѣло? Будьте уніатами—и будете жить покойно. А если не хотите, ищите справедливости черезъ своихъ старшихъ".—Въ Краковѣ Филипповичъ видѣлся съ московскимъ посломъ, отправившись къ нему, по всей вѣроятности, за милостынею для обители. Посолъ спрашивалъ его о Фавстинѣ Дмитріевичѣ. „Я—говоритъ Аѳанасій—якъ невѣдомый жадной хитрости и не маючи полиценя ни отъ кого въ таемницахъ о немъ, далемъ картку его, до мене зъ господы (квартиры) писаную, зъ подписомъ руки въ тые слова: Янъ Фавстинъ Дмитровичъ".

Изъ Кракова Филипповичъ поѣхалъ въ Варшаву съ цѣлью выкупить запечатованный привилей. Но юристъ Зычевскій, который хлопоталъ по этому дѣлу, просилъ съ брестскаго игумена большую сумму—6000 злотыхъ, говоря, что онъ достигъ успѣха, благодаря содѣйствію іезуитовъ, и все это стоило большихъ денегъ. Аѳанасій, кромѣ данныхъ ранѣе въ задатокъ 10 червоныхъ золотыхъ, предлагалъ еще 20 червоныхъ; но Зычевскій не соглашался. Такъ привилей Филипповича и не былъ выданъ. Тѣмъ не менѣе, видѣвши привилей запечатаннымъ, онъ въ знакъ побѣды заказалъ въ бернардинскомъ кляшторѣ изобразить красками образъ Купятицкой Божіей Матери со скипетромъ. Въ это время Филипповичу вновь было видѣніе. Когда онъ молился предъ новымъ образомъ, услышалъ исходящій отъ него голосъ: „о Аѳанасій, супликуй еще черезъ Купятицкій мой образъ на ближайшемъ сеймѣ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою объ окончательномъ искорененіи проклятой уніи. Хорошо будетъ, если послушаются и искоренятъ ее: по-

живутъ еще въ даруемыхъ имъ лѣтахъ щасливо, ибо и планеты указываютъ Меркуріуша для Венеры ласкавость въ тыхъ лѣтахъ". Разумѣется, въ данномъ случаѣ, Аѳанасій, раздѣлявшій со многими людьми своего времени астрологическія суевѣрія (всегда отвергаемыя православною церковію), свои собственныя мысли приписалъ чудесному голосу, исходящему отъ образа.—Этимъ видѣніемъ Филипповичъ былъ престрашенъ и пять дней не принималъ пищи и питія, размышляя, что ему дѣлать?—„Бѣда мнѣ (пишетъ онъ) говорить такія рѣчи въ столь высокомъ мѣстѣ, но бѣда и не говорить о дѣлахъ Божіихъ!". Наконецъ Филипповичъ рѣшилъ, что онъ долженъ говорить, и началъ готовить сочиненіе объ уніи съ цѣлью поднести его, съ образомъ Купятицкой Божіей Матери и своею „московскою исторіею", королю въ костелѣ, во время проповѣди, а также намѣревался широко распространить свое сочиненіе между разными чинами коронными и Великаго Княжества Литовскаго, чужеземными купцами и вообще по разнымъ мѣстамъ. Но тутъ произошло неожиданное для брестскаго игумена злоключеніе. Упомянутое посѣщеніе имъ въ 1644 году московскаго посла и разговоръ о Лубѣ, въ связи съ переданною послу запискою мнимаго царевича, не прошли безслѣдно: „взято мя—пишетъ Филипповичъ—до вязеня одъ короля пана (якъ бы о Дмитровича, царевича Московскаго) до Варшавы, и былемъ въ оковахъ презъ рокъ и болше" [1]).

Находясь въ оковахъ, Филипповичъ не переставалъ писать королю прошенія объ успокоеніи православія и окончательномъ искорененіи уніи. Побужденіемъ къ этому служила непоколебимая увѣренность Аѳанасія въ своемъ призваніи свыше на дѣло Божіе, возложенное на него, какъ „на быдлятко Валаама". Въ этихъ прошеніяхъ яркими чертами изображается бѣдственное положеніе православныхъ и выставляется на видъ необходимость уничтожить унію, корень всѣхъ несчастій для Рѣчи Посполитой и въ будущемъ ея погибель.—„Какъ Каинъ Авеля и Измаилъ Исаака, такъ прокля-

---

[1]) Н. И. Костомаровъ пишетъ: „не знаемъ, гдѣ и когда именно это случилось: взятъ ли былъ Аѳанасій въ Брестѣ и увезенъ въ Варшаву, или самъ, сообразно своему намѣренію, уѣхалъ въ Варшаву ратовать за интересы православія и по пріѣздѣ туда былъ арестованъ" (Моногр. XIV. 31).—А. Филипповичъ арестованъ былъ *въ Брестѣ въ ноябрѣ 1645 г.* Свѣдѣніе объ этомъ находится въ дневникѣ Радзивилла, гдѣ подъ 20 ноября сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Temi dniami onego popa, ktory przed carem Moskiewskim Łubę udał za cara ze krwi Moskiewskiey, Osinski ekonom Brzeski, złapał, i do Warszawy przysłał, gdzie był zatrzymany aż do sesmei (Pamiętniki, II. 153).

тый унитъ забивалъ и преслѣдовалъ своего родного брата, что при помощи похлѣбцевъ, противниковъ правды святой, а временемъ по попущенію Божію, дѣлаетъ и теперь"... „Во многихъ розныхъ мѣйсцахъ въ панствѣ томъ христіанскомъ непотребные колотнѣ (раздоры) для той проклятой уніи ажъ по сесьчасъ дѣялися. На остатокъ и съ козаками внутрняя война непотребная для тоей уніи проклятой была. Для тоей милость (любовь) не маль во всѣхъ высхла; для тоей похлебства, лакомства, зазрости, зрады, нецноты, а найбарзѣй пыха ся проклятая замножила; для тоей и порядокъ духовный и свѣтскій южъ южъ погинулъ, о которомъ сами южъ волаютъ: нерядомъ стоимо. Отожъ теперь порядокъ, ведлугъ воли Бозской, стаетъ; теперь часъ наступилъ роздѣленья благословенныхъ отъ проклятыхъ, теперъ гнѣвъ справедливый Бозскій и судъ его страшный на лѣвицу пришолъ. Хто маетъ уха до слуханя, нехай слухаетъ, што то голоситъ ведлугъ часу, мѣстца и потребы!" Одно изъ прошеній Филипповича дошло до рукъ короля: оно, оправленное въ зеленый атласъ, незамѣтно положено было въ его карету. Король, пріѣхавъ въ замокъ, приказалъ вслухъ читать его пану Пацу. Другое прошеніе, тоже оправленное въ атласъ и тоже предназначенное для передачи королю во время его переѣздовъ, имъ не было принято. „Не нужно, не нужно больше ничего — сказалъ онъ—я уже приказалъ его (т. е. Филипповича) выпустить". Дѣйствительно, въ началѣ ноября 1645 г. Аѳанасій былъ освобожденъ изъ заключенія и съ двумя драгунами препровожденъ въ Кіевъ къ митрополиту Петру Могилѣ, причемъ послѣднему сообщено было желаніе короля, чтобы онъ Филипповича послалъ въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ не могъ производить шума. Могила нашелъ удобнымъ держать Филипповича при себѣ, гдѣ онъ и пребывалъ до самой кончины митрополита. Прибывшій на погребеніе П. Могилы луцкій епископъ Аѳанасій Пузына, при отъѣздѣ изъ Кіева, взялъ съ собою Филипповича, какъ духовное лицо, принадлежавшее его епархіи, и по желанію Брестскаго братства, вновь отправилъ его въ качествѣ игумена въ Брестскій монастырь, гдѣ во время козацкаго возстанія онъ схваченъ былъ поляками и за свою ревность къ православію 5 сентября 1648 г. воспріялъ мученическую кончину.

Выступая на общей картинѣ, изображающей борьбу православныхъ съ латино-уніатами за права своей церкви, какъ человѣкъ съ своеобразными пріемами, обусловливаемыми индивидуальными особенностями міросозерцанія и характера, Аѳанасій Филипповичъ,—какъ мы сказали—дополняетъ эту картину новыми красками,—и нельзя

не отмѣтить, что, несмотря на своеобразіе означенныхъ пріемовъ, доставлявшихъ немало хлопотъ другимъ ревнителямъ православія, общій взглядъ Филипповича на послѣдствія уніи для Польши былъ глубоко вѣренъ, и нѣкоторыя его рѣчи на эту тему дышатъ пророческимъ вдохновеніемъ.

С. Голубевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА КУЛИША КЪ Д. С. КАМЕНЕЦКОМУ.

1857—1865.

Печатаемыя здѣсь письма писаны къ Данилу Семеновичу Каменецкому, котораго Кулишъ называетъ своимъ „секретаремъ“ (К. Ст. 1898 г., февр., 236). Завѣдывая типографіей Кулиша, Д. С. К—ій велъ большую переписку съ людьми, работавшими по исторіи и этнографіи Малороссіи. Переписка эта отчасти сохранилась и вмѣстѣ съ настоящими письмами принадлежитъ Гр. Ст. Вашкевичу, предоставившему ее въ распоряженіе редакціи. Пользуясь этою перепиской, мы въ другомъ мѣстѣ постараемся представить очеркъ личности Д. С. К—аго, а здѣсь лишь скажемъ, что умеръ онъ лѣтъ 12 назадъ въ Петербургѣ, бездомнымъ холостякомъ, и вся его переписка, брошенная послѣ смерти, лишь случайно была спасена отъ гибели.

А. Л.

1.

Сейчасъ только возвратился я въ Москву и скоро явлюсь къ Вамъ. Наймите для меня на мѣсяцъ квартиру съ мебелью и съ прислугою для уборки комнатъ, умыванья и самовара утромъ и вечеромъ. Можно дать 30 р. въ мѣсяцъ. Вамъ извѣстно, что для тишины я долженъ имѣть глухую стѣну съ одной стороны и двѣ лишнія комнаты съ другой. Вотъ почему и нужно

для меня не меньше 2-хъ комнатъ и третьей передней. Мебель должна быть удобна для лежанья и писанья, а не для одного только сидѣнья. Если хозяйка Ваша Яценкова можетъ отдать мнѣ верхъ за 35 р. и если онъ хорошо меблированъ и не имѣетъ съ ея жилищемъ неудобной связи, то можно нанять у нея до 1-го апрѣля. Впрочемъ, какъ бы Вы ни наняли, одинъ мѣсяцъ не бѣда, хотя бы Вы выбрали квартиру и неудачно: послѣ пріищемъ лучшую. Можно на верху взять и двѣ только комнатки, поелику я пріѣхалъ зимовать одинъ. Во всякомъ случаѣ я явлюсь прямо въ типографію съ желѣзной дороги и займу на одни сутки Вашу комнату, если квартира еще не нанята. Не знаю, завтра ли выѣзжаю, или еще останусь дня на два.

Предложеніе объ изданіи Основаній физ. геогр. и метеорологіи не представляетъ намъ никакихъ выгодъ.

Вашъ П. К.

1857. окт. 18. Москва.

2.

Тула. 4 февр. 1858.

Въ повѣсти: *Отъ Тоби й Скарбъ!* зачеркните сейчасъ примѣчаніе о томъ, какъ ловятъ окуней и напишите просто „кунялы“.

Въ Тулу пріѣхалъ я во вторникъ, часовъ въ 9, и остановился у Гусева, который взялся устроить мнѣ подорожную и разныя разности.

Въ Москвѣ купилъ на станціи кибитку за 10 р. и успѣлъ запастись чаемъ, да для А. М. купилъ шубку изъ бѣлокъ, соотвѣтствующую моей короткой. Эта вещь необходима даже и лѣтомъ, потому что въ квартирахъ заграницею бываетъ холодно.

Прощайте! Да хранятъ Васъ небеса! Живите мирно.

Какъ мнѣ совѣстно, что не простился съ Сергѣемъ Семеновичемъ! Мнѣ представилось, что онъ ушелъ на службу, и только на желѣзной дорогѣ вспомнилъ, что это воскресенье! Извините меня передъ нимъ.

Въ Тулѣ буду обѣдать, но ночевать не буду.

Вашъ П. Кулишъ.

P. S. Въ Борзнѣ я, по всей вѣроятности, пробуду недѣлю. Пишите, если нужно будетъ, на имя Викт. Мих. Бѣлозерскаго и увѣдомьте о Галаганѣ, еслибъ до того времени увидѣлись. О письмѣ, которое Галаганъ можетъ Вамъ передать, упомяните и послѣ—такъ: *Выписки Галагана спрятаны до Вашего возвр.* [1]) Я не вижу проку въ этой перепискѣ и радъ, что отъѣздъ мой прерветъ ее благовидно. Мудрено заставить людей жить и дѣйствовать такъ, какъ желалъ бы. Мудрено возвести на поэтическую высоту низко ходящихъ по землѣ. Много разъ въ жизни приходилось мнѣ восклицать съ Пушкинымъ:

Мнѣ стыдно идоловъ своихъ!

Но пребываетъ въ душѣ неутомимая жажда искать въ людяхъ высокихъ проявленій чувства и направлять его къ высокимъ цѣлямъ. А между тѣмъ сколько изъ этого выходитъ предположеній, недоразумѣній и проч.! Но довольно.

3.

Пишите къ Тихменеву, чтобы онъ прислалъ деньги Вас. Мих., который-де заплатитъ мнѣ за него. Если же деньги посланы, то истребуйте росписку, а меня увѣдомьте.

Пошлите Чуйкевичу 20 р. для врученія моему крестнику въ самый день Христова Воскресенія, по выходѣ изъ церкви. Жаль, что Чуйкевичъ лѣнивъ и не возьметъ на себя труда сдѣлать это такъ, какъ любятъ описывать романисты, а призоветъ его къ себѣ выспавшись и скажетъ зѣвая: „Вотъ тебѣ деньги присланы“, точно почтмейстеръ.

Перцу объявите, что я написалъ къ матери Гоголя, согласна ли она? а между тѣмъ вывѣдайте посредствомъ Гербеля, что ли, сколько заплатилъ онъ за выборку изъ сочиненій Пуш-

---

[1]) Спросите у Г., на догадъ буракивъ, нѣтъ ли письма отъ Тарн. и что Вы нерешаете. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы *выписки* остались у него въ рукахъ.

кина, и меня увѣдомьте. Принявъ въ соображеніе то и другое, я назначу плату и напишу изъ Брюсселя. Время терпитъ. Перецъ не долженъ знать о нашихъ справкахъ, т. е. что мы намѣрены забрать справки. Онъ спекулянтъ и, вѣроятно, станетъ хитрить съ нами. Но спросите у него мимоходомъ, за какую плату пріобрѣлъ онъ отъ владѣтелей Пушкина право на выборку. Послѣ Вы увидите, что это за человѣкъ и стоитъ ли имѣть съ нимъ дѣло.

Дамъ я Вамъ полезный совѣтъ. Одѣвайтесь Вы почище, не пренебрегайте бѣльемъ, не жалѣйте маленькмхъ издержекъ на туалетъ. Отъ этого многое будетъ зависѣть въ вашей частной службѣ у журналистовъ въ качествѣ дѣлопроизводителя и проч. Я бы желалъ, чтобъ Ваши доходы возросли до 1000 р., а для этого необходимо *казаться* человѣкомъ порядочнымъ, ибо *быть* только имъ въ Петербургѣ не достаточно.

Біографію Основьяненка пишу. А. М. уѣхала съ братомъ проститься съ крестной матерью. Она такъ здорова и весела, какъ я давно уже не видѣлъ. Разумѣется, что она Васъ помнитъ и цѣнитъ, и кланяется Вамъ очень усердно.

Вашъ П. Кулишъ.

1858. февр. 16. Мотроновка.

4.

1858, Марта 2. въ 7 часовъ вечера. Мотрон.

Пошлите инструкцію о книгахъ Ник. Дан. Бѣлозерскому, на имя студента университета Карпа Ив. Бѣлозерскаго въ Харьковъ. Она еще дойдетъ пока получатся книги.

Письмо Ваше о Перцѣ получено и отвѣчено.

Костомарова я извѣщу, что Ев. отъ Іоанна давно уже мною переведено и находится у Ник. Дан. Бѣлозер.

Возвратите Ив. В. Вернадскому деньги, взятыя съ него излишне противъ Метциха, но съ другими заказчиками всегда говорите о томъ, что чѣмъ совершеннѣе печать и дороже чернилы, тѣмъ и плата должна быть выше: иначе не можетъ быть

никакого успѣха въ типографскомъ искусствѣ. Я самъ платилъ Якобсону дороже обыкновеннаго—и за то мои Записки о Ю. Р. и Чорна Рада напечатаны лучше другихъ книгъ. Можете отыскать и показывать мои счеты съ Якобсономъ.

300 р. получилъ. Не бойтесь за деньги: деньги будутъ. Смотрите только на дѣло, да не смущайтесь такими пустяками, какъ мѣсто столонач. Это Васъ Богъ спасъ отъ него. Не бойтесь, со мной не пропадете, и даже *послѣ меня* не пропадете.

Отъ изданія Гоголя я и не думаю отказываться, а только біографія мнѣ надоѣла. Но Вы забываете, что чѣмъ больше труда, тѣмъ больше наша природа требуетъ отдыха. А трудъ для біогр. Гоголя я понесъ страшный. Для новаго же изданія я напишу живую статью, которая потечетъ отъ начала до конца, какъ пѣсня. На дняхъ попала мнѣ подъ руку біографія Байрона при его сочиненіяхъ, и я почувствовалъ уже расположеніе написать нѣчто о Гоголѣ. Заграницей я напишу о Гоголѣ непремѣнно, если не увлекусь чѣмъ-нибудь гораздо болѣе. Но во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ пустить свою мысль при сочиненіяхъ Гоголя по всей Россіи. Это еще лучше, чѣмъ въ Русскомъ Вѣстникѣ. На этотъ счетъ будьте соверш. спокойны.

Буду въ Берлинѣ скоро и посмотрю шрифты, а также и о машинѣ рѣшу словесно.

Побывайте у Галагана отъ моего имени.

Пишу за часъ до выѣзду изъ Мотроновки.

Кланяется Вамъ Александра Мих. и Николай Михайловичъ.

Будьте мужественны и не смущайтесь ни чѣмъ. Это мнѣ всего нужнѣе отъ Васъ. Отъ этого зависитъ вся моя заграничная дѣятельность. Сдѣлайте такъ, чтобъ я нисколько не думалъ: что то дѣлается въ Петерб.! и не рвался въ Россію для веденія своихъ дѣлъ. Великую и приснопамятную службу мнѣ и многимъ другимъ Вы сослужите энергическимъ веденіемъ моихъ дѣлъ съ увѣренностію въ важныхъ результатахъ, которые отъ нихъ получатся. Обнимаю Васъ отъ всей души.

Вашъ П. К.

5.

Я надѣялся застать отъ Васъ что-нибудь въ Брюсселѣ,—ни одного слова! Пишите же теперь ко мнѣ: Suisse, Genéve, poste restante. Можетъ быть, я тамъ буду и не скоро,—мѣсяца черезъ полтора, но лучше пускай Ваше письмо подождетъ меня, чѣмъ не застать мнѣ ничего.

Мы здоровы. Кланяемся.

П. Кулишъ.

1858, апр. 16 н. ст. Брюссель.

Василію Михайловичу.

Ко мнѣ никто не пишетъ. Естественно и мнѣ молчать. Меня болѣе интересуютъ дѣла русскія, чѣмъ Васъ иностранныя; но ко мнѣ никто ни слова, кромѣ Макарова, который прислалъ съ векселемъ пять строкъ.

Прошу Васъ *настоятельно* потребовать отъ Тихменева 231, кажется, рубль и вручить Макарову для пересылки ко мнѣ въ видѣ векселя, въ Вѣну на имя банкира, котораго имя сообщить мнѣ въ Римъ, poste restante.

Саша и я обоимъ Вамъ кланяемся.

Вашъ П. Кулишъ.

1858, апр. 16 н. ст. Брюссель.

Вы съ Тихменевымъ распорядились очень неудачно. Почемъ онъ знаетъ, *какъ* и куда посылать мнѣ деньги, да притомъ этимъ Вы предоставили ему произволъ. Надо было къ себѣ деньги вытребовать.

6.

1858, апр. 23 н. ст.

Я не получилъ отъ Васъ послѣ Борзны ни строчки. Пишите же теперь по слѣдующему адресу: Suisse. Genève. Poste restante. Доставьте Макарову 500 р. для пересылки ко мнѣ. У меня еще довольно денегъ; но лучше пускай эти 500 р. поле-

жатъ у меня, чѣмъ мнѣ опасаться: „а что, если не придутъ деньги"! Иностранцы безчувствены, какъ жиды, къ путешественнику, и на деньги здѣсь смотришь, какъ на талисманъ противъ злыхъ духовъ. Можетъ быть, я больше отъ Васъ и не потребую. Теперь мы въ Литтихѣ, онъ же и Liége. Отсюда въ Кёльнъ, онъ же и Cologne, а оттуда вверхъ по Рейну въ Женеву. Отъ Вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой ранній или поздній возвратъ въ Россію, но зажиться здѣсь покамѣсть я не чувствую большой охоты. Чудесъ много, да негдѣ успокоиться такъ, чтобъ не хотѣлось перемѣнять мѣста: *Куды ни пійду, куды ни погляну, то все чужына*!

Вашъ П. Кулишъ.

7.

Безцѣнный другъ Данило Семеновичъ!

Письма Ваши я получу изъ Брюсселя въ другомъ городѣ. Теперь же пишите ко мнѣ въ Лембергъ, котораго я миновать не могу, какъ бы далеко ни забился въ Европу. (Autriche. Lemberg, poste restante).

Основьяненка выпускайте безъ предисловія, а предисловіе пошлите къ Крузе, давши такое заглавіе: „Грыгорый Квитка и ёго повисти. Слово на новый выходъ Квитчыныхъ повистей". А на конци: „П. Кулишъ. Хутиръ Мотроновка. Р. Б. 1858, февраля 18". Сю брошюрку напечатать тѣмъ форматомъ, что и повѣсти и продавать при повѣстяхъ, а отдѣльно не продавать. Все это, разумѣется, въ такомъ случаѣ, когда Крузе пропуститъ съ небольшими помарками.

Такъ какъ Вы меня увѣдомили, что Вы отвѣчали на вопросъ Тихменева, чтобы онъ выслалъ мнѣ вексель (на что не было съ моей стороны никакого распоряженія), то я и ждалъ отъ него векселя, а отъ Васъ росписки съ почты и увѣдомленія, какъ именно посланы деньги, т. е. по какому адресу. Скажите Вас. Мих., чтобы онъ, вырвавши отъ Тихменева деньги, немедленно вручилъ Вамъ, а Вы ужъ будете знать, что съ ними дѣлать.

Тоска моя родилась отъ всеобщаго молчанія. Я думалъ, что я совершенно равнодушенъ къ Петербургу и буду радоваться, не видя его передъ глазами; а здѣсь оказалось, что всякое извѣстіе о немъ для меня дорого, и что я не могу существовать, оторвавшись отъ него совершенно.

Состояніе Вашего духа для меня совершенно понятно. Я и опасался, чтобъ Вамъ не опротивѣла жизнь въ лѣтнее время. Мужествуйте, пока можете. Когда же выбьетесь изъ силъ, я займу Ваше мѣсто. Не воображайте меня слишкомъ далекимъ отъ черной работы, въ которую Вы для меня впряглись. То, что Вы дѣлаете, можетъ быть, важнѣе по своимъ послѣдствіямъ того, что́ я дѣлаю. Одна моя забота, чтобъ Вы не проиграли въ матеріальномъ отношеніи, связавшись со мною, и для этого я готовъ трудиться надъ чѣмъ угодно. Смотрите веселѣе впередъ, не смущайтесь несбывшимися ожиданіями. Терпѣніе и воля многое могутъ сдѣлать наперекоръ самымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Съ типографіею поступайте по усмотрѣнію. Можетъ быть, Лей не самъ дѣйствуетъ, а по коварнымъ внушеніямъ управляющаго. Объяснялся ли Ив. Ив. съ нимъ лично? Хорошо бы нанять такую квартиру, въ которой бы и мы могли жить отдѣльно и спокойно. Въ наше отсутствіе можно отдавать помѣсячно холостому барину (дѣти портятъ мебель) со всею мебелью и со всѣми вещами, списавши ихъ и означивъ цѣну на случай порчи, какъ дѣлаютъ иностранцы. Мы явимся въ Петербургъ, по всей вѣроятности къ концу сентября. Здоровье обоихъ насъ очень поправилось. Это одно стоитъ денегъ, не говоря уже о томъ, что человѣкъ не напрасно видитъ иную жизнь въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Были мы въ Намюрѣ, Литтихѣ, Ахенѣ, Кельнѣ, Страсбургѣ, Базелѣ, Нейшателѣ и въ разныхъ мелкихъ городахъ. Нельзя того начитать въ книгахъ, что видишь собственными глазами, потому что каждая душа читаетъ исторію природы и человѣка особымъ способомъ. Писать мнѣ, покамѣсть, было невозможно за множествомъ ѣзды и ходьбы, послѣ которыхъ думаешь только о пищѣ и отдыхѣ. Александра Мих. ведетъ дневникъ, который и для меня будетъ напомина-

ніемъ изгладившихся впечатлѣній. Вѣроятно также, что и въ остановившихся моихъ сочиненіяхъ рѣчи мои потекутъ, послѣ всего видѣннаго и испытаннаго, шире и глубже. Меня безпокоитъ мысль объ издержкахъ, но я не сомнѣваюсь, что все это воротится потóмъ съ избыткомъ. Мужествуйте же я Вы, и твердо стойте на своемъ постѣ, побѣждая высшими идеями безотчетную тоску, отъ которой нельзя быть совершенно свободнымъ на чужбинѣ. И мы здѣсь, видя вокругъ себя рай, часто то скучаемъ и рвемся, то въ Петорбургъ—къ друзьямъ, то въ Малороссію—къ простому нашему народу, лучше котораго мы ничего не встрѣчаемъ. А всё же покоряется мысли—что душѣ человѣческой необходимо скитанье по чужбинѣ для уразумѣнія самой себя и окружающаго ея міра. Всѣ мы находимся въ школѣ и до конца должны учиться, переходя отъ легкихъ книгъ къ болѣе и болѣе труднымъ. А потомъ уже откроется намъ смыслъ книги живота вѣчнаго. Этого каждый своимъ путемъ добивается, и никто не хочетъ остановиться на томъ, чтò знаетъ.

Обнимите и поцѣлуйте за меня Тараса. Извѣстіе, что онъ въ Петербургѣ, было для насъ торжествомъ.

Сочиненій моихъ покамѣсть не печатайте. Вы сами увидите впослѣдствіи, слѣдуетъ ли ихъ печатать. Тогда и дѣлайте по своему усмотрѣнію.

Александра Мих. Вамъ усердно кланяется.

Вашъ душою П. Кулишъ.

Женева. 1858, мая 15 н. ст.

8.

Женева. 1858, мая 26 н. ст.

Получили мы 500 р. отъ Макарова. Теперь возвратимся домой—но не въ Петербургъ, а въ Малороссію. Боюсь оставаться долго заграницей, чтобъ не истратить много денегъ. Какъ ни разсчитываешь своихъ издержекъ, всегда выходитъ больше, и это дѣлается почти сверхъестественнымъ образомъ,—точно какая то невидимая рука перекладываетъ деньги изъ рус-

скаго кармана въ иностранные кошельки. Сіи 500 рублей употребятся на проѣздъ черезъ Туринъ, Миланъ, Венецію и Вѣну въ Лембергъ, на покупку въ Лембергѣ нетечанки, или чего-нибудь подобнаго, и на возвращеніе въ Мотроновку. Петербурга я избѣгаю, чтобы изъ Сциллы не попасть въ Харибду: тамъ жизнь тоже дорога, а Вы пишете, что присутствіе мое не нужно. Останусь въ Малороссіи дотолѣ, доколѣ Вы сдѣлаете это для меня возможнымъ, заступая мое мѣсто,—хотя бы и цѣлый годъ. Буду писать и посылать для печати въ журналъ. Теперь мнѣ нужна только тихая комната. Но въ тоже время мнѣ нужна и независимость отъ людей, среди которыхъ я буду жить. Сія независимость пріобрѣтется покупкою тройки лошадей, которыя дадутъ мнѣ возможность кой съ кѣмъ видѣться и обновляться размѣномъ мыслей или новыми впечатлѣніями. Если бы нужно было возвратиться въ Петербургъ надолго, лошадей можно продать; убытокъ будетъ небольшой, а пожалуй и совсѣмъ не будетъ, какъ это я знаю по опыту. Все это Вамъ сообщаю для того, чтобы Вы видѣли ясно ходъ моихъ душевныхъ и матеріальныхъ дѣлъ. Думаю, что и Вы найдете выгоднѣйшимъ пребываніе мое въ Малороссіи, если только я примусь за работу, а мнѣ хочется приняться. Я бы расположился работать и здѣсь, но дорогая жизнь меня тревожитъ. Итакъ пришлите въ Борзну, на мое имя, пятьсотъ рублей серебромъ. Если же въ типографской кассѣ у Ив. Ив. нѣтъ къ предполагаемому времени денегъ на машину и у Васъ мало, то пришлите только 400 р. Я, однакожъ, думаю, что Ив. Ив. собралъ уже малую толику денегъ и что типографія начинаетъ Вамъ возвращать забранное изъ Вашей казны. Увѣдомьте меня объ этомъ. Дайте мнѣ краткій, въ пяти строкахъ, отчетъ о состояніи нашихъ финансовъ, ибо я не могу всего содержать въ головѣ. Я только знаю, что мнѣ надобно поуменьшить свои расходы и приняться за работу, что̀ и сдѣлаю всенепремѣннѣйше. А когда увижу, что дѣла идутъ хорошо, тогда только позволю себѣ что-нибудь въ родѣ путешествія. Это самое дорогое изъ удовольствій, а до какой степени здѣсь вознаграждаются издержки, я еще не знаю, осмо-

трѣвшись и пообдумавши свои дѣла, я испугался дальнѣйшихъ странствованій и рѣшился немедленно возвратиться домой. А видѣлъ я великолѣпныя явленія! Какъ бы только сдѣлать, чтобъ это было не даромъ! Посмотримъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Александра Мих. Вамъ кланяется.

9.

Вотъ я и въ Львовѣ. Отъ Васъ письмо очень грустное. Выѣзжаю. Купилъ экипажъ такой, что, въ случаѣ надобности, у меня его перекупятъ съ лихвою. Денегъ у меня осталось только на переѣздъ до Борзны. Я далъ росписку. Отнесите 500 р. сер. Штиглицу, на Англійской набережной, и попросите послать отъ себя не деньги, или вексель (что дороже), а только наказъ одному изъ Лембергскихъ банкировъ—выдать эту сумму австрійскими ассигн. (а не звонкою монетою, чтò дороже) въ руки *профессору университета Лемберґскаго Якову Головацкому.* Штиглицъ (или его контора) напишетъ въ росписке̌, какому банкиру пошлется наказъ, а Вы, удержавъ росписку у себя, увѣдомьте о ея содержаніи сего Якова Головацкаго въ Лембергъ немедленно. Сіе прошу исполнить на послѣднія деньги, какія имѣете, или достать можете, потому что за меня поручились люди только по моей физіономіи. Очень обяжете. Пишите въ Борзну. Мы здоровы. Кланяемся.

Вашъ П. Кулишъ.

Чиновникамъ скажите объ Украинскомъ журналѣ, что еслибъ только довольно было денегъ въ запасѣ на рискъ въ теченіе двухъ лѣтъ, то взялся бы я такъ за дѣло, що ажъ ворогамъ було бъ тяжко! Но безъ грошей и не думаю о журналѣ.

10.

1858, іюня, кажется, 10. Мотроновка.

Здравствуйте, безцѣнный другъ

Данило Семеновичъ!

Возвратились мы въ Мотроновку здравы и невредимы. Здѣсь, къ великому моему удовольствію, застали Вас. Мих., который сообщилъ намъ о Васъ разныя подробности. Жаль мнѣ Васъ крѣпко, но ничего не могу сказать Вамъ въ утѣшеніе, кромѣ: *мужайтеся и да крѣпится сердце Ваше.* Сидя на своемъ мѣстѣ и дѣлая мое присутствіе въ Петербургѣ покамѣсть ненужнымъ, Вы приносите мнѣ столько пользы, что я не въ состояніи достойно вознаградить Васъ. Но мзда Ваша впереди и не отъ меня одного. Это я очень ясно вижу. И такъ мужайтеся. Принимаюсь за работу послѣ дѣятельной праздности. Александра Мих. Вамъ кланяется, находясь въ добромъ здоровьи.

Вашъ душою П. Кулишъ.

Колы Вамъ, панычу, не дуже николы, то моглы бъ Вы сотворыты кныгу, рекомую: „Словарь для чтенія малороссійскихъ народныхъ и литературныхъ произведеній". Для сёго взялы бъ Вы вси печатни писни наши, а потимъ и все печатне наше, повыпысувалы всяке слово зъ ёго найкращымы фразами да й була бъ кныжка, дуже потрибна теперъ товарыству. Словарь народнёго языка—велыка праця, а словарь того, що надруковано—просте и неубыточне дило. Не треба для сего никуды йиздыты и прыслухатысь. Що Вы на се скажете? А мыни здаетця, що безъ такого словаря и журналъ нашъ не такъ то розійдетця.

Касательно дозволенія извѣстному Вамъ лицу составить томикъ выбранныхъ соч. Гоголя, я получилъ отъ матери Гоголя отвѣтъ утвердительный, который и сообщите кому о томъ вѣдать надлежитъ, вспомнивъ мои условія въ прежнемъ письмѣ.

11.

1858, іюля 7. Мотроновка.

За 300 р. и за выговоръ очень благодаренъ и воспользуюсь тѣмъ и другимъ какъ нельзя лучше. Но не называйте издержанныхъ денегъ *чужими.* Еще есть надежда все пополнить; а еслибы и нельзя было, то можно продать типографію, а еслибы и тогда не хватило, то знайте, во-первыхъ, что у меня есть письма Маріи Ивановны, въ которыхъ она проситъ меня увеличить мою мзду; во вторыхъ, при свиданіи, она неоднократно просила меня пользоваться ея частью капитала, какъ собственными деньгами на путешествія мои. Итакъ я совершенно спокоенъ, тѣмъ болѣе что Трушковскій недавно получилъ огромное наслѣдство. Пребываніе мое въ Петербургѣ обойдется несравненно дороже отсутствія; поэтому я остаюсь здѣсь; а мѣсто мое относительно рѣшенія затрудненій, вопросовъ и хлопотъ по пріисканію работы заступятъ Симоновъ и Бѣлозерскій, которымъ передаю всю мою власть, какъ хозяина. Я теперь пишу и дорожу тѣмъ, что могу здѣсь писать. Послѣ обзора Европы, я влюбленъ въ Малороссію и даже въ ея жизнь. Желалъ бы никогда съ ней не разставаться. Продайте мою мебель съ нѣкоторой уступкой, черезъ Вас. Мих. Каждую штуку могутъ купить отдѣльно, какъ изящное произведеніе. Цѣны: столъ 140 р., шкафъ 75 р., диванъ 75 р., другой столъ 40 р., стулья по 12 р., лампа 30 р. Если же не купятъ, то обратитесь къ Мари въ Пассажѣ, и что онъ дастъ за то и отдайте. Эти деньги вышлите мнѣ немедленно на устройство моего хутора Баивщины, который давно уже отданъ мнѣ Симоновымъ въ пожизненное владѣніе, а если хочу владѣть потомственно, я могу взнести за него 2600 р. сер. (Это секретъ). Другихъ денегъ я больше отъ Васъ не потребую, пока Вы не увѣдомите, что балансъ между книгами и типографіей сведенъ.

Съ Тарасовыми сочиненіями нечего спѣшить. Пускай сперва позволятъ. А когда позволятъ, пускай Тар. отнесется ко мнѣ самъ, а я набиваться съ выправками не хочу, имѣя и у себя много работы.

Что же до Вовчка, то рука моя къ нему болѣе не прикоснется. Пускай сличаетъ мою печать съ своими оригиналами и выправляетъ по даннымъ мною образцамъ художественной редакціи. Если же въ себѣ сомнѣвается, то пусть ему помогутъ другіе люди со вкусомъ. Я сдѣлалъ для *новаго* писателя такъ много, какъ никто никогда ни для кого новаго и никому невѣдомаго. Этого съ него довольно. Не вѣкъ же мнѣ разрываться изъ великодушія. Печатаніе же новыхъ пьесъ должно опредѣлиться количествомъ проданныхъ экземпляровъ. Писать о перемѣщеніи не буду къ Аѳ. Вас.,*) находясь нынѣ не у дѣлъ. Но полагаю, что для него очень вредно являться впередъ, не имѣя ничего вѣрнаго и безъ средствъ. А впрочемъ, какъ знаете и какъ знаютъ другіе. Я теперь хуторянинъ и въ подобныя дѣла не мѣшаюсь.

Пишите ко мнѣ почаще увѣдомительныя письма. Я ни съ кѣмъ больше не переписываюсь, а мнѣ надобно же кое-что знать о сѣверныхъ дѣлахъ. Распрашивайте и будьте, по мѣрѣ возможности, газетою. Проникните въ судьбу „Граматки“ у министра. Я гоненія на автора не ожидаю.

Вашъ П. Кулишъ.

Александра Мих. Вамъ кланяется.

Мебель же, сдѣланную моими руками, прошу хранить, еле возможно,

Пьесъ, о которыхъ Вы пишете, печатать не надобно по ихъ ничтожеству. Съ Основьяненкомъ я поступаю такъ, какъ будто онъ живой проситъ меня объ этомъ. Я самъ былъ бы доволенъ на томъ свѣтѣ, когда бы опытная и добрая рука распорядилась такъ съ моими сочиненіями. А на прицѣпки щелкоперовъ нечего смотрѣть. У нихъ свой взглядъ на литературу, а у меня свой.

Прошу Васъ не трубить, сколько экземпляровъ Гоголя остается, а выражаться неопредѣленно на вопросы любопытныхъ и упоминать неясно о городахъ, въ которыхъ-де много

---

*) Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ.

лежитъ книгъ у коммиссіонеровъ. Я буду у матери Гоголя и объяснюсь съ нею. Вы же никому отчета не давайте, кромѣ меня. Это для того, чтобы не дать вмѣшаться между насъ зятевьямъ Гоголя, которые выразили разныя мнѣнія на счетъ новаго изданія. Я же отвѣчалъ матери Гоголя, что желаю имѣть сношенія съ одною ею, въ противномъ случаѣ, распродавъ настоящее изданіе, отъ новаго отказываюсь. У матери Гоголя я буду видѣться и съ зятемъ, который особенно охотится вмѣшаться въ наши дѣла и скажу, что если Трушковскій, сестра, мать и другой зять Гоголя дадутъ ему письменную довѣренность, тогда я готовъ заключить съ нимъ условіе на бумагѣ, а безъ того ни за что не берусь.

О тихомъ состояніи нашихъ дѣлъ сохраняйте тайну, если даже и не надѣетесь ихъ поправить.—Чтобъ порадовать Васъ чѣмъ-нибудь, скажу, что я пишу далѣе Липовыя Пущи, и вижу, что не напрасно я путешествовалъ.

Прошу Васъ выслать мнѣ по почтѣ въ Лубны, на мое имя: Современникъ, Отечественныя Записки, Русскій Вѣстникъ и Атеней. А потомъ ежемѣсячно высылать эти журналы, четыре въ одной посылкѣ. Я въ Петербургъ на зиму не пріѣду, а можетъ быть и никогда. О своемъ положеніи не безпокойтесь. Если дѣла пойдутъ хорошо, постъ Вашъ высокоблагороденъ, мѣсто въ 5-мъ классѣ по литературѣ; если же худо, то Вы получите единовременное пособіе, которое Васъ на долго обезпечитъ.

Пришлите съ книгами мою печатку и сургучу.

Кто захочетъ войти со мной въ непосредственныя сношенія, пускай пишетъ на мое имя—*въ Лубны, Полтавской губер.*

Прошу Васъ уничтожить полученныя Вами письма отъ извѣстной особы и никогда о нихъ не упоминать. Но исполните это немедленно. При свиданіи, если оно случится, я скажу, что они не получены вовсе и этимъ положу конецъ отношеніямъ страннымъ въ глазахъ другихъ и которыя вовсе не ладятся съ жизнью и ни къ чему не ведутъ путному.

12.

У меня здѣсь есть кое-что написанное для 3-го тома Замѣтокъ о Южной Руси, который хорошо было бы теперь выдать. Пришлите мнѣ все, что для него есть въ Петербургѣ, да присоедините къ этому пачки пѣсенъ. Подлиннаго сборника Костомарова, подлиннаго сборника Руликовскаго, сказокъ и проч. не надо. Тутъ-же приложите и дорожную книжку съ пѣснями и картинками. Да еще: листа три карты Шуберта—Малороссію. Напечатаемъ 600 экз. Бумагу подобрать поближе, а не заказывать.

Тарасъ можетъ попробовать здѣсь, нельзя-ли ему печатать подъ своимъ именемъ, не говоря ни слова?

Пришлите реестрикъ всѣхъ доставленныхъ матери Гоголя денегъ, съ самаго начала. Все это посылкою въ Лубны, (а реестрикъ въ письмѣ).

Въ Нѣжинъ-же на имя Попова благоволите отправить надежный ящикъ, въ который хорошенько уложите:

1) Шубы наши, присланныя Вамъ изъ Варшавы.

2) Мои книги чисто научнаго значенія и книжки на малороссійскомъ языкѣ. Прочія сложите въ сундукъ, обернувши переплеты.

3) Самоваръ и прочее, присланное Хильчевскимъ.

4) Чернильницу и другія пригодныя для мени мелочи. Портретовъ не надо. Деревянныя ложки и вещицы.

5) Осеннее пальто. Образа. Серебро.

6) Корабликъ и подаренныя Вами А—рѣ М—нѣ шитья.

7) Изъ бѣлья и прочаго, что признаете нужнымъ и стоющимъ пересылки. Шелковое одѣяло, и еще что есть тамъ?

Однимъ словомъ — все, что жаль отдать за безцѣнокъ, пришлите въ одномъ или двухъ ящикахъ,—въ томъ числѣ и подушки, и даже пуховикъ, на которомъ хоть и не слѣдуетъ спать образованному человѣку, но изъ котораго выйдутъ головныя подушки для гостей. Все же прочее продайте и очистите себя отъ этого дрязгу, чтобы о немъ больше и не вспоминать.

Я рѣшительно водворяюсь въ Малороссіи, и только въ случаѣ необходимости навѣдаюсь въ Петербургъ. Пожалуйста все, о чемъ я просилъ и прошу, выполните по-братски и по-дружески, а будущность мою предоставьте Провидѣнію.

Просилъ я Васъ докончить выписки изъ Публичной библіотеки. Онѣ теперь нужны для 3-го тома. О сихъ выпискахъ будетъ написанъ трактатъ. Пѣсни также нужны для 3-го тома. Мы не скоро соберемся издать всѣ вдругъ. Обработаю я сотню и приложу свой взглядъ на пользу такой обработки для юной нашей словесности.

Ахъ да? Креселъ, стола и шкафа моей работы не сбывайте и всячески храните. А великолѣпную мебель продайте безъ милосердія. Если лампу можно уложить въ ящикъ, то уложите.

Прилагаю реестръ проданнымъ въ Харьковѣ книгамъ. Остальныя лежатъ у Гулака-Артемовскаго неподвижно. Если имѣете довѣреннаго и преданнаго человѣка, поручите ему продажу.

Напоминайте Вас. Мих. о Тихменевѣ, чтобъ онъ истребовалъ деньги.

Вашъ П. К.

1858, іюля 12. Мотроновка.

Такъ какъ ящики будутъ и безъ того набиваться, то уложите и лучшія изъ ненаучныхъ книгъ, отбросивъ только разную даренную чепуху, или накопившуюся безъ надобности дрянь.

Портреты передайте для храненія Василію Михайловичу.

Матерію изъ занавѣсокъ, оторвавши отъ дерева, благоволите уложить въ ящикъ. Всякую пригодную мнѣ здѣсь мелочь уложите, кромѣ сущей дряни, которую всегда можно достать или безъ которой можно обойтись.

Уложите въ ящикъ и разныя мои бумаги, которыхъ не нужно сжечь, а то сожгите для порядка, чтобъ никто больше о нихъ не думалъ.

Пришлите черновую рукопись ненапечатанныхъ еще статей. Кажется, о богомольцахъ кіевскихъ есть, да чуть-ли нѣтъ и о святкахъ. А еще лучше: напишите къ Ив. Серг. Аксакову отъ себя письмо, что я поручилъ Вамъ, уѣзжая заграницу, просить

его возвратить двѣ мои статьи, если онъ не имѣетъ намѣренія ихъ печатать. Адресъ: въ Москву, въ редакцію Русской Бесѣды (на его имя).

У Надежды Александровны Бѣлозерской возьмите вышитую для меня ея швеями сорочку и вложите въ ящикъ.

Вмѣсто Лубенъ адресуйте все въ Борзну *на мое имя*, потому что, пока устроюсь тамъ на зиму, проведу здѣсь большую часть времени частями. А что туда послано, я получу.

13.

Найдите въ бумагахъ Гоголя письма А. А. Иванова, да между неизданными письмами—письма Гоголя къ Иванову и пришлите мнѣ. Я составлю нѣчто объ ихъ сношеніяхъ. У меня тамъ есть связочка: „Для біографіи Гоголя". Тамъ поищите и въ пакетѣ: „Письма отъ разныхъ лицъ".

Адресуйте все, о чемъ я просилъ Васъ, не въ Лубны, а въ Борзну, на мое имя. Что же послано въ Лубны, то я получу.

Антикритика противъ Максимовича написана и посылается къ Крузе.

Написана еще статья о разнохарактерности Сѣв. и Ю. Руси—на статью И. Аксакова: „Украинскія Ярмарки". Но что скажетъ цензура!

Пишется большая статья о Галиціи. Но цензура, цензура! Возьмите у Надежны Александровны вышитую ея швеями для меня сорочку и пришлите.

П. К.

1858, іюля 17. Мотроновка.

Сапоговъ я еще не получилъ. Посылая къ Крузе мои статьи, я пишу къ нему, что если въ Петерб. возможно теперь невозможное къ пропуску въ Москвѣ,—то чтобы онъ отправилъ къ Вамъ. Вы же передайте Н. Я. Макарову и просите его напечатать, въ которомъ угодно журналѣ, на возможно выгодныхъ для автора условіяхъ. Но цензура—на первомъ планѣ, а плата на второмъ.

14.

Въ послѣднее время написано мною не менѣе 10-ти печатныхъ листовъ разнообразнаго содержанія, и между прочимъ двѣ статьи: *Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ малороссійской жизни и исторіи*, которыя сегодня и отправлены въ Русскій Вѣстникъ. Вы увидите, что это только начало большого этнографо - критическаго труда. Писательнаго запасу теперь у меня много. Я веду впередъ прежде начатую и началъ новую очень важную вещь, которой объемъ еще мнѣ не извѣстенъ, но которую хочу кончить въ августѣ. Итакъ Вы видите, что я живу здѣсь не даромъ. Петербургъ не могъ бы возвратить мнѣ спокойствія, необходимаго для литературныхъ занятій, а, пожалуй попридержалъ бы меня со стороны физическихъ силъ, которыхъ свѣжесть играетъ важную роль въ умственномъ трудѣ.

Еслибъ у меня былъ капиталъ, то я тратилъ бы его на типографію до послѣдней тысячи; но когда Вы представили такую перспективу, что типографія съѣстъ весь мой заработокъ, да еще угрожаетъ и моей репутаціи, то, разумѣется, я не могу смотрѣть на нее съ нѣжностью и не охладѣть къ ней. Я просилъ Матвѣя Тер. *) помочь Вамъ осмотрѣться, не на краю-ли мы денежной пропасти. Если Вы, онъ и Вас. Мих. рѣшите, что дѣло еще не проиграно, то, разумѣется, вести типографію далѣе и далѣе, а недостатки печатанія по возможности исправлять. Въ противномъ случаѣ, лучше остановится во-время и свести концы съ концами посредствомъ продажи типографіи, напримѣръ, Катенину, который вызывается купить. Если - бы понадобилось мое присутствіе, я готовъ явиться во всякое время года; но, покамѣсть, я думаю, что для меня лучше оставаться въ Малороссіи, читать и писать.

О томъ, что вы берете будто бы даромъ жалованье, не безпокойтесь: дѣлая мое присутствіе ненужнымъ, Вы уже дѣлаете слишкомъ много. Азбука самобытной дѣятельности трудна, но вы ее не бросайте. Не сидите дома, выходите почаще

---

[1]) Симонова.

хоть на короткое время въ люди. Макарову я послалъ статью: *О народной поэзіи.* Читали Вы ее? доволенъ ли ею Тарасъ, которому я просилъ Макарова прочесть?

Скажите Тарасу, что изданіе его сочиненій я приму на себя. Пускай онъ не подвергается зависимости отъ Кушелева. Скажите ему также, что въ разныхъ моихъ статьяхъ, напримѣръ, о Гоголѣ, я подготовляю мысль о разрѣшеніи выписками изъ него и толками о немъ. Грустно мнѣ будетъ отречься отъ печатнаго Шевченка въ пользу рукописнаго, если онъ выйдетъ въ свѣтъ, Богъ знаетъ въ какомъ видѣ. Внушите ему, что теперь онъ находится въ зенитѣ своей славы, и всякій шагъ долженъ дѣлать очень осторожно, а особенно не оставлять безъ вниманія совѣтовъ того, кто такъ горячо принялъ къ сердцу его литературное значеніе. Я для него сдѣлался изъ повѣствователя критикомъ. Пускай же онъ не зневажыть мене необачнымъ диломъ. Между прочимъ покажите ему переписанныхъ мною Гайдамакъ. Тамъ всякая запятая обдумана. Пускай онъ хоть этимъ поруководствуется.

Вовчкомъ заняться мнѣ некогда. Вас. Мих. имѣетъ довольно вкуса. Онъ можетъ сдѣлать исключенія, а это едва-ли не главное въ редакціи. Шевченка можно призвать на совѣтъ. Но, право, было бы страшно пріостановить мнѣ свои работы, чтобы опять вести писателя, которому уже отворены мною настежь двери и показана дорога! Я послалъ Вовчку замѣчанія на его переводъ въ Русск. Вѣстникѣ.

Основяненка не выпускайте, пока не удостовѣритесь, что предисловія нельзя напечатать. Когда напечатается предисловіе, переплетите съ нимъ 1 экз. для А—ры Мих., 1 для Н. Д. Бѣлоз. и, приложивъ еще непереплетенныхъ, вышлите на имя Виктора Мих. Бѣлозерскаго въ Борзну. Да вышлите Николаю Дан. Бѣлоз. по экземпляру печатавшихся у насъ книгъ.

Пишите къ Щепкину и просите выслать вексель [1]), да сейчасъ и отправьте къ матери Гоголя. Посылайте какъ можно

[1]) Вамъ съ нимъ церемониться нечего: Вы—де лицо отвѣтственное.

чаще ей хоть маленькіе билеты, а мнѣ въ Лубны пришлите реестрикъ всѣхъ высланныхъ ей денегъ, или лучше—прямо въ Полтаву на ея имя, для передачи.

Посовѣтуйтесь съ моими намѣстниками, застраховывать ли, или рискнуть. Теперь типографія у Васъ въ рукахъ больше, чѣмъ у меня. Такъ поступайте, какъ знаете.

Я замедлилъ выѣздомъ въ Баивщину (хуторъ мой) по причинѣ непрерывной работы, которую хотѣлось довести до нѣкотораго предѣла.

Отъ графа Толстого получилъ недавно письмо, изъ котораго вижу, что слухъ о Граматкѣ до него не дошелъ еще.

Съ Ив. Аксаковымъ обождите до удобнаго случая. Макаровъ и Марковичъ къ нимъ вхожи. Сообщите Макарову о предисловіи и о Щепкинѣ. Онъ найдетъ случай для словесныхъ переговоровъ черезъ кого-нибудь изъ его знакомыхъ.

Сапоги и плащъ получены очень кстати. Я ѣду одинъ—на перекладной. Послѣ путешествія на собственныхъ лошадяхъ и на батьковскихъ, это самый лучшій способъ.

Вашъ П. Кулишъ.

1858, авг. 8. Мотроновка.

Жаль мнѣ мебели! Если не дадутъ моей цѣны или близкой къ ней, то подумайте: не лучше ли ее попридержать и потомъ переслать въ Малороссію для украшенія моего хуторскаго кабинета. Я въ нѣсколько дней теперь заработалъ эту мебель. Но если вы признаете, что глупо имѣть такія дорогія вещи, то продавайте и не щадите меня ни мало.

Пишите ко мнѣ дубликаты въ Лубны и въ Полтаву, куда неизвѣстно, скоро-ли подоспѣю.

15.

Лубны. 1858, августа 25.

На почтѣ я не нашелъ на мое имя ничего. Видно, вы пришлете бумаги для 3-го тома въ Борзну, или въ Полтаву. Но въ Борзну слѣдовало Вамъ прислать вмѣстѣ съ письмами Г. и Иванова, а

если вы намѣрены выслать въ Полтаву, то слѣдовало меня предувѣдомить. И вообще надобно увѣдомлять, когда, гдѣ и въ какомъ видѣ я получу отъ Васъ что-нибудь. Теперь 3-й томъ откладывается единственно потому, что Вы ничего мнѣ не прислали. А я не во всякое время могу имъ заняться. Если бумаги адресованы въ Борзну, то я ихъ вытребую, если же Вы до сихъ поръ не посылали, то вышлите въ Новомосковскъ, на имя Никол. Дм. Мизко.

Поищите въ связкахъ разныхъ бумагъ переписанныя на синей почтовой бумагѣ въ осьмушку „Похороны козака“ и вышлите въ письмѣ на имя Мизко.

Надѣюсь, что Вы хоть на имя матери Гоголя выслали мнѣ счетецъ высланныхъ ей съ самаго начала денегъ.

21 августа отправлена Макарову посылкою рукопись: *Переписка Гоголя съ Ивановымъ*, содержащая въ себѣ не меньше 4-хъ печатныхъ листовъ.

Пожалуйста не опаздывайте письмами, Вы причинили мнѣ много тревоги заграницею, не написавши своевременно въ Брюссель. Теперь та же исторія съ Лубнами, куда Вы должны были послать хоть полстранички.

П. К.

Скажите М. Т. Симонову, что и съ его стороны очень странно не написать ко мнѣ ни строчки въ Лубны.

Скажите Ив. Ивановичу, что не отвѣчать мнѣ на письмо такая грубость и глупость, которой я никогда не могу забыть. Скажите, что я требую отвѣта, а не прошу, и чтобы впередъ онъ ничего подобнаго не позволялъ себѣ, если желаетъ пользоваться моею безпримѣрною довѣренностью.

Какъ я могу въ чемъ-нибудь успѣть, когда люди, повидимому толковые, не понимаютъ своего долга! По неволѣ я долженъ или продать типографію, или сидѣть совою въ Петербургѣ и ничего, кромѣ Петербурга, не видѣть. Разумѣется, на первое я рѣшусь скорѣе, если Вы этакъ будете мнѣ *вторить*.

16.

У матери Гоголя не нашель я ни отъ Васъ, ни отъ Макарова, ни отъ Вас. Мих. ни строчки. Теперь ужъ я жду отъ Васъ только объясненія Вашей непостижимой для меня медленности или совершеннаго невниманія къ моимъ просьбамъ. Вѣроятно, Вы избрали этотъ этотъ способъ для вызова меня въ Петербургъ. Вы не ошиблись: онъ очень дѣйствителенъ, и еслибъ я не былъ связанъ обѣщаніями, которыя долженъ сперва выполнить, то Вы увидѣли бы меня передъ собой прежде нежели дошло бы до Васъ это письмо. Ѣду завтра въ Новомосковскъ къ Мизко; оттуда долженъ заѣхать, на обратномъ пути къ Тарновскому, а потомъ возвращусь въ Мотроновку для сборовъ въ дорогу.

1858, сент. 13. Полтава.

Если собрались деньги, то вышлите матери Гоголя въ ассигнаціяхъ рублей до 500; а когда 500 нѣтъ, то 200 или 300.

Ко мнѣ пишите въ Борзну. А. М. пишетъ, что письмо М. Т. Симонова получено тамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЕБНЫЕ И ДРУГІЕ НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ
въ Червоной-Руси
СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

Въ старинномъ польскомъ журналѣ: Nowy Pamiętnik Warszawski, dziennik historyczny, polityczny, tudzież nauk i umieiętnosci, 1805 года (томы XVIII и XIX), была помѣщена этнографическая статья анонимнаго автора подъ заглавіемъ: Swactwa, wesela, urodziny i zabawy u ludu Ruskiego, na Rusi Czerwoney, przez obywatela tamecznego kraiu opisane. Несмотря на ея незначительный объемъ, статья эта заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, полнаго вниманія со стороны современныхъ южнорусскихъ фольклёристовъ. Прежде всего любопытенъ самый фактъ, что сто лѣтъ назадъ среди немногочисленнаго круга польскихъ ученыхъ нашелся изслѣдователь, заинтересовавшійся обычаями крестьянскаго люда и описавшій ихъ хотя далеко не полно, но съ очевиднымъ сознаніемъ, что народные обряды, повѣрья и даже мелкія, повседневныя черты простонароднаго быта могутъ представлять достойный науки интересъ. Вотъ почему авторъ, безъ сомнѣнія польскій шляхтичъ, изображая бытъ чуждой ему среды и народности, умѣлъ до конца выдержать совершенно трезвый и правильный тонъ, одинаково далекій отъ приторности тогдашнихъ нашихъ сентименталистовъ и отъ полупрезрительной снисходительности къ „хлопкамъ“ иныхъ изъ тоговременныхъ польскихъ мемуаристовъ. При такомъ трез-

венномъ и внимательномъ отношеніи наблюдателя къ явленіямъ народной жизни можно заранѣе поручиться, что какъ бы ни были несовершенны и отрывочны его наблюденія, они будутъ драгоцѣнны уже по одному тому, что сдѣланы безъ малаго сто лѣтъ назадъ и при томъ въ такомъ уголкѣ южнорусскаго міра, гдѣ серьезное народоизученіе возникло лишь въ недавнее время. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ червоно-русскихъ народныхъ обрядовъ, какъ они описаны анонимнымъ польскимъ ученымъ, носятъ черты глубокой старины, теперь давно уже отжившей; въ особенности это можно сказать о крайне оригинальномъ обрядѣ „заручинъ". Любопытна и другая подробность тогдашняго свадебнаго ритуала — присылка невѣстой жениху (утромъ въ день вѣнчанья) сплетеннаго ею вѣнка и затѣмъ прибытіе жениха въ домъ невѣсты, въ сопровожденіи музыкантовъ, съ этимъ самымъ „вѣнцемъ", прикрѣпленнымъ къ шапкѣ. Подобный обычай существовалъ на Волыни еще въ XVII ст.; по крайней мѣрѣ въ одномъ, намъ извѣстномъ, документѣ 1638 г. упоминается о томъ, какъ женихъ, сопровождаемый боярами, прибылъ въ домъ невѣсты „зъ вѣнцомъ, яко то обычай есть" *). Безъ сомнѣнія, спеціалисты этнографы отыщутъ немало любопытныхъ аналогій, объясняющихъ многое, что кажется неяснымъ въ современной народной обрядности. Въ этихъ видахъ мы извлекли изъ статьи польскаго анонима все наиболѣе существенное и предлагаемъ здѣсь въ переводѣ.

О. Л.

Сватовство.

Надо знать, что въ каждомъ почти селѣ существуютъ особыя лица, которыхъ приглашаютъ какъ-бы руководить исполненіемъ установившихся обычаевъ, касающихся сватовства, заручинъ и свадьбы. Тотъ, кто помогаетъ въ этомъ дѣлѣ жениху, принимаетъ титулъ „*старосты браньскаго*", — очевидно отъ

---

*) Актовая книга Кіевскаго Центральнаго Архива, 1638 г., № 2473, листъ 836.

слова *„брать“* (въ замужество), а сватъ со стороны невѣсты титулуется *„старостой даньскимъ“*—отъ слова *„дать“* замужъ.

Паробокъ, высмотрѣвъ себѣ невѣсту, прежде всего идетъ вмѣстѣ съ отцомъ къ „свату“, или къ „старостѣ браньскому“, и оба просятъ его отправиться съ ними къ родителямъ дѣвушки для переговоровъ. Сватъ представляетъ имъ жениха и вмѣстѣ съ его отцемъ проситъ ихъ позволить своей дочери выйти за него замужъ. Когда совершается это предложеніе, женихъ остается безучастнымъ зрителемъ сцены, а дѣвушка, хотя обязана присутствовать въ это время въ комнатѣ, но, какъ-бы изъ скромности, она начинаетъ усердно „пóраться“ возлѣ печи, дѣлая видъ, что очень занята и, заступая мать въ хозяйствѣ, не имѣетъ досуга прислушиваться къ тому, о чемъ говорятъ старшіе.

Родители невѣсты за первымъ разомъ никогда не даютъ рѣшительнаго отвѣта, ограничиваясь заявленіемъ, что сначала имъ нужно посовѣтоваться между собою и поговорить съ дочкой; однако назначаютъ день, когда сватъ, паробокъ и его отецъ имѣютъ вторично прійти къ нимъ, и уже за вторымъ разомъ слѣдуетъ или рѣшительный отвѣтъ, или новая отсрочка. Послѣдняя чаще всего служитъ худымъ предзнаменованіемъ для исхода сватовства; поэтому сватъ, вернувшись въ домъ жениха, тщательно обдумываетъ и обсуживаетъ отвѣтъ, данный родителями невѣсты, и если признаетъ, что надежда на удачный исходъ дѣла не совсѣмъ потеряна, тогда только рѣшается въ третій разъ идти съ женихомъ въ домъ невѣсты, въ противномъ же случаѣ совѣтуетъ ему прекратить дѣло.

Родители невѣсты, прежде чѣмъ дать окончательное согласіе жениху, подробно сообщаютъ, чтó именно намѣрены дать за нею, и при этомъ напоминаютъ ему, чтобы онъ вовремя обсудилъ, не можетъ ли незначительность „пóсага“ ослабить его привязанность къ ихъ дочери. Женихъ выражаетъ свое согласіе въ формѣ приглашенія родителей невѣсты къ себѣ на обѣдъ или „вечерю“, гдѣ они застаютъ его родственниковъ и близкихъ пріятелей. Этотъ обѣдъ или вечеря имѣютъ значеніе

какъ-бы предбрачнаго контракта. Здѣсь женихъ и его родня стараются какъ можно лучше угостить и расположить къ себѣ родителей невѣсты; въ благодарность за это послѣдніе увеличиваютъ „пбсагъ“; здѣсь же назначается и день свадьбы.

Заручины.

Канунъ свадьбы обыкновенно бываетъ днемъ заручинъ. Онѣ происходятъ въ домѣ родителей невѣсты, которые приготовляютъ по этому случаю богатую „вечерю“. Музыку нанимаютъ на все свадебное празднество обѣ стороны сообща. Въ этотъ день пекутъ „*короваи*“, т. е. особаго рода хлѣбъ изъ пшеничной муки, наверху украшенные разными подѣлками (rożnemi wyrabianiami), а въ продолговатыя стороны этихъ короваевъ кладутъ два яйца, чтобы потомъ, испеченныя, они служили для угощенія молодыхъ.

Невѣста въ тотъ день, въ сопровожденіи одной или двухъ „дружекъ“, съ распущенной косой ходитъ по селу изъ дома въ домъ и приглашаетъ „на весилье“. Почти въ каждомъ домѣ ей дарятъ кусокъ полотна или другое что-нибудь и выражаютъ ей благожеланія.

Когда наступитъ вечеръ и соберутся родные, пріятели и сосѣди, „*староста даньскій*“ вступаетъ въ роль распорядителя и припрашиваетъ гостей къ забавамъ, танцамъ и угощенію. Невѣста раздаетъ гостямъ короткіе ручники домашняго издѣлія, въ родѣ хустокъ, а жениху должна дать „хустку крамарскую“, т. е. покупную, а онъ тутъ же, въ присутствіи гостей, возвращаетъ ей деньгами стоимость подарка. Пока продолжаются забавы, накрываютъ скатертью столъ, кладутъ небольшой круглый хлѣбъ, женихъ затыкаетъ въ него четыре крейцара, мать невѣсты прикрываетъ этотъ хлѣбъ хусткою, и затѣмъ женихъ, невѣста, ихъ родители и всѣ присутствующіе родственники и гости кладутъ на него руки, одна на другую; тогда священникъ сложенныя такимъ способомъ руки связываетъ епитрахилью, читаетъ молитвы съ призываніемъ Божьяго благословенія,—и этимъ собственно оканчивается обрядъ заручинъ. По

окончаніи этой церемоніи, „панъ молодой“ даритъ своей своей будущей женѣ „рантухъ“ *), которымъ она должна, ставши замужней, повязывать голову, а она въ свою очередь даритъ ему новую сорочку. Послѣ „вечéри“ и танцевъ, прежде чѣмъ разойдутся гости, „панна-молода“ беретъ непримѣтно шапку жениха и пришиваетъ къ ней сбоку вѣнокъ, сплетенный изъ зелени; онъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого, и съ тѣмъ вѣнкомъ уходитъ. Когда вернется домой, мать его дѣлаетъ видъ, будто первая замѣчаетъ вѣнокъ на его шапкѣ, неожиданно срываетъ ее съ головы, отрываетъ вѣнокъ и бросаетъ его въ печь.

Свадьба (весилья).

Въ день свадьбы „панна-молода“ идетъ рано къ сосѣдкамъ и проситъ ихъ прійти къ ней на помощь дѣлать „вѣнки“, или „короны“. Обыкновенно сплетаетъ она два вѣнка, одинъ для себя, другой для жениха; послѣдній долженъ быть такъ великъ, чтобы опоясывалъ собою шапку. Этотъ вѣнокъ она отсылаетъ жениху тремя паробками, въ сопровожденіи музыкантовъ, а сама садится одѣваться. Прежде всѣхъ долженъ расчесать ей волосы „староста даньскій“, потомъ родители, наконецъ каждый изъ присутствующихъ. Идя къ вѣнцу, она въ послѣдній разъ расплетаетъ косу и отправляется въ церковь съ распущенными волосами.

Женихъ, лишь только узнаетъ, что ему несутъ „вѣнецъ“, также садится за уборъ, и „староста браньскій“ первый расчесываетъ ему волосы, потомъ родители; когда онъ одѣнется, ему надѣваютъ шапку съ „вѣнцомъ“ и въ сопровожденіи музыкантовъ отправляютъ въ домъ невѣсты. Тамъ, въ ожиданіи „панамолодого“, ставятъ столъ на срединѣ избы, покрываютъ скатертью и кладутъ хлѣбъ. На порогѣ жениху заступаютъ дорогу

*) Рантухъ—длинное головное покрывало замужнихъ женщинъ, въ родѣ современной „намитки“. Въ XVI—XVII вв. рантухъ былъ въ употребленіи не въ одномъ простонародномъ, но и въ дворянскомъ быту Волыни и Украины.

„панна-молода“ съ матерью; онъ беретъ невѣсту за руку, а за другую его руку берутся отецъ и мать молодой и другіе, и въ такой группѣ всѣ обѣгаютъ три раза вокругъ стола. Послѣ этого молодые садятся рядомъ на лавѣ, мать обвиваетъ ихъ шеи „рантухомъ“, велитъ имъ поцѣловаться, и затѣмъ отправляютъ ихъ въ церковь.

Когда молодые возвратятся изъ церкви, мать невѣсты, покрывшись вывороченнымъ кожухомъ, выбѣгаетъ имъ навстрѣчу съ кочергой въ рукѣ, выноситъ хлѣбъ, подаетъ зятю рюмку водки, которой онъ отвѣдавъ, бросаетъ рюмку за голову; тѣмъ временемъ мать обсѣваетъ молодыхъ овсомъ. Это обсѣванье означаетъ пожеланіе изобилія въ хлѣбѣ, а вывороченіе кожуха должно означать пожеланіе, чтобы хлѣбъ родилъ такъ густо, какъ густъ волосъ въ кожухѣ.

Послѣ обѣда пиршество переносится въ домъ родителей жениха. Сначала въѣзжаетъ на дворъ возъ или два, на которые съ тщеславнымъ оказательствомъ складываютъ „пóсагъ“ молодой, т. е. перину, двѣ подушки, скрыню съ бѣльемъ, одежей, и другіе „спряты“; за тѣми возами вся компанія сопровождаетъ молодыхъ. Если женихъ изъ другого села, то онъ долженъ приготовить подводы для всѣхъ гостей. Родители невѣсты, въ видахъ какъ-бы соблюденія своего достоинства, навѣщаютъ зятя лишь на другой или на третій день, послѣ того, какъ онъ пріѣдетъ просить ихъ объ этомъ.

Есть обычай, что невѣстѣ, выходящей замужъ въ другое село, передъ выѣздомъ прячутъ въ волосы головку чесноку. Смыслъ этого обычая тотъ, что какъ чеснокъ прогоняетъ всякую заразу, такъ, думаютъ, онъ будетъ охранять отъ всего дурного молодую женщину, удалившуюся изъ-подъ крова родительскаго.

Молодая, вступая въ домъ родителей своего мужа, разомъ съ нимъ привѣтствуется его матерью обсѣваніемъ овсомъ.

Родители обоихъ молодыхъ дарятъ взаимно другъ друга; такъ мать невѣсты даритъ отцу жениха сорочку, а мать послѣдняго даритъ „рантухъ“ матери молодой.

Далѣе трудно описать всѣ свадебныя забавы, пѣсни и особенно присказки, не всегда скромныя, которыми старосты обѣихъ сторонъ стараются забавить гостей; однако нужно сказать, что сущность акта отъ этого не перестаетъ быть священной и важной.

Кто изъ поселянъ не въ состояніи отправить „весилья“ со всѣми этими церемоніями, тотъ почитается послѣднимъ бѣднякомъ, и потому каждый тянется изъ послѣднихъ силъ, чтобы справить свадьбу получше, хотя нерѣдко порядочный хозяинъ становится послѣ того убогимъ человѣкомъ.

Родины и крестины.

Какъ только дитя родится, отецъ даетъ знать объ этомъ сосѣдямъ и родственникамъ, а потомъ идетъ просить священника, чтобы онъ въ домѣ окрестилъ новорожденнаго; но церемоніи отлагаются на нѣсколько дней *). Пока мать не въ состояніи сама кормить ребенка, ее временно заступаютъ сосѣдки, конечно, тѣ, которыя сами имѣютъ грудныхъ дѣтей.

День крещенія и связанныхъ съ нимъ церемоній служитъ у Русиновъ вмѣстѣ и днемъ памяти умершихъ, и потому простой человѣкъ старается справить поминальный обѣдъ, какъ только позволяютъ его матеріальныя средства. При этомъ соблюдается слѣдующій обрядъ: варятъ пшеницу (кутью?), наливаютъ въ стаканъ прѣснаго меду, берутъ жареную курицу, небольшой хлѣбъ, восковую свѣчу —и все это относятъ въ церковь и кладутъ предъ алтаремъ. Священникъ, облачившись въ ризы, совершаетъ молитвы надъ этимъ приношеніемъ (ofiarą), правитъ обѣдню (mszą) и затѣмъ отправляется съ пріятелями въ домъ отца новорожденнаго на обѣдъ. Самъ же хозяинъ забираетъ изъ церкви только кутью и, вернувшись домой, ставитъ ее на

---

*) Здѣсь, очевидно, разумѣется не обрядъ крещенія, которое, какъ видно, совершалось тотчасъ, а другія церковныя церемоніи, о которыхъ рѣчь идетъ ниже. Примѣч. переводчика.

столъ. Всѣ гости берутъ ее горстями и ѣдятъ, а потомъ господарь потчеваетъ ихъ яствами и напитками.

Вдумываясь въ этотъ обычай, можно видѣть въ немъ остатокъ греческой жертвы и вмѣстѣ пережитокъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда нѣкоторые древніе народы, при рожденіи ребенка, вмѣсто проявленія радости, печалились и заранѣе оплакивали несчастную судьбу новорожденнаго.

Забавы и танцы.

Нѣтъ, кажется, на свѣтѣ страны, гдѣ люди послѣ трудовъ не нуждались бы въ отдыхѣ, забавахъ и развлеченіяхъ; только родъ ихъ различенъ, въ зависимости отъ вѣка и общественнаго положенія. Игры и забавы молодежи не нравятся старикамъ; наоборотъ, молодые не любятъ солидныхъ бесѣдъ старыхъ людей; ученый предпочитаетъ уединеніе или находитъ удовольствіе только въ обществѣ ученыхъ же. Люди богатые, утопая въ роскоши и излишествахъ, находятъ удовлетвореніе въ сознаніи, что далеко не каждый можетъ равняться съ ними. И только простой людъ остался при самыхъ невинныхъ, естественныхъ развлеченіяхъ, которыя, при всей ихъ простотѣ, заслуживаютъ полнаго уваженія и признанія ихъ полезности. Общественному спокойствію и благосостоянію они нимало не угрожаютъ, такъ какъ происходятъ въ дни отдыха и при томъ открыто, на глазахъ у всѣхъ.

Бесѣды простолюдиновъ въ корчмѣ всегда громки и крикливы. Собравшіеся покупаютъ напитки по очереди и угощаютъ другъ друга; женщины, прикидываясь скромными, дѣлаютъ видъ, будто пьютъ по принужденію.

Пьяный человѣкъ обычно становится склоннымъ къ ссорамъ и дракѣ. Случается, что взаимно избитые и окровавленные легко мирятся между собою, слагая вину на чрезмѣрное потребленіе напитка. Присутствующіе только тогда бросаются разводить дерущихся, когда одинъ другого повалитъ на землю

и драка принимаетъ опасный характеръ, въ остальныхъ же случаяхъ остаются спокойными зрителями поединка.

Если во время такого пиршества къ корчмѣ подъѣдетъ проѣзжій, то, кто бы онъ ни былъ, присутствующіе не обратятъ на него никакого вниманія; и когда бы тотъ вздумалъ потребовать, чтобы они ушли изъ корчмы или притихли, то всѣ дерзко вооружатся противъ него. Если же сюда зайдетъ мѣстный управляющій или кто-либо изъ дворовыхъ съ компаніей, всѣ ему рады и усердно станутъ потчевать. Предъ паномъ же своимъ крестьянинъ, какъ бы ни былъ сильно пьянъ, не забудетъ обнажить голову.

Этотъ людъ имѣетъ особую, ему только свойственную музыку: *скрыпки*, большею частью самодѣльныя, *цымбалы* и *басетлю* (bassetla)*), на которой тотъ найлучше умѣетъ играть, кто, ударяя оборотной стороной (tylcem) смычка по струнамъ, издаетъ сильный звукъ. Цымбалистъ также заслуживаетъ похвалу, когда въ состояніи заглушить скрыпку. Эта музыка играетъ танцы польскіе, „козаки", „мазуры", пѣсенки, вообще все, что только музыканты усвоили себѣ по слуху.

Разъ начнется танецъ, онъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ играть музыканты. Танцующіе образуютъ кругъ, держась за руки. Танецъ начинаютъ женщины, потомъ къ нимъ пристаютъ „паробки", и кто изъ послѣднихъ доведетъ свою пару до наибольшаго утомленія, тотъ считается лучшимъ танцоромъ. То плохой танецъ, когда танцующіе не доведутъ себя до обильнаго пота.

---

*) Въ польскомъ Словарѣ Линде это слово такъ объясняется: Bassetla (нѣм. der Bassetel, die Bassgeige) narzędzie muzyczne, na ktorym bas graią.—Видимо, это былъ струнный инструментъ, въ родѣ контръ-баса.

РОДЫНЫ и ХРЕСТЫНЫ.

(Матеріалъ собранъ въ м. Мринѣ, Нѣжинскаго уѣзда).

I.

Едва молодая женщина почувствуетъ себя беременной и подѣлится своей радостью съ сосѣдками, эти послѣднія спѣшатъ снабдить ее совѣтами, какъ слѣдуетъ вести себя, чтобы роды сошли благополучно. Совѣты эти сводятся, главнымъ образомъ, къ ознакомленію будущей матери съ разнаго рода примѣтами и обрядами, невѣжество по части которыхъ можетъ повлечь за собой такія печальныя послѣдствія, какихъ не въ силахъ будетъ исправить потомъ и самая опытная повивальная бабка. Забеременѣвъ женщина должна сбросить у себя съ шеи монисто; позволяется носить только крестикъ или образокъ на черномъ шнуркѣ; если же будущая мать—по невѣжеству-ли, или по упрямству—продолжаетъ носить монисто, то у ребенка пуповина замотается вокругъ шеи; кромѣ того, если монисто у матери краснаго цвѣта, то, помимо указанной бѣды, дитя будетъ рости „въ пороку и стыду", если же монисто черное, ребенокъ „буде заходыця" во время плача и будетъ страдать дѣтскими припадками. Увидитъ беременная женщина пожаръ и въ ужасѣ готова схватиться руками за голову; опытныя женщины должны удержать ее отъ этого; въ противномъ случаѣ у ребенка на той же части тѣла будетъ красное родимое пятно.

Родимыя пятна у ребенка объясняются также еще тѣмъ, что мать во время беременности украла что-либо. „Не остереглась якось я, якъ була важка“, передавала одна старуха: „треба було побилыть хату, а крейды у мене не хватыло; отъ я пійшла до сусидки да ныщечкомъ й узяла грудку; дакъ у мого Ивана на нози наче та грудка крейды и означылась“. Указывали и другой случай: беременная женщина стащила у своей сосѣдки „кожушанку“; слѣдствіемъ этого было то, что у родившейся дѣвочки часть лица была покрыта черными волосами. Если беременной женщинѣ отказать въ какой-либо просимой ею вещи, то мыши изгрызутъ этотъ предметъ. Залѣзетъ сосѣдская свинья въ огородъ; не дай Богъ, если беременная хозяйка въ гнѣвѣ толкнетъ ногой эту свинью: въ спинкѣ ребенка будетъ колоть, точно щетиной. „Не годыться“ беременной ходить съ раскрытымъ ртомъ или ѣсть что-либо во время ходьбы: дитя будетъ прожорливымъ и крикливымъ. Если беременной вслѣдъ бросить „печунку“ (кусокъ глины, выпавшей изъ печи), то ребенокъ будетъ страдать запоромъ; если же какой-либо добрый человѣкъ броситъ ей въ слѣдъ кусочекъ хлѣба, то дитя не будетъ болѣть желудкомъ. Чтобы избѣжать трудныхъ родовъ, беременная не должна сидѣть на порогѣ, а то и дитя во время родовъ долго „буде стоять на порози“. Не должна она также переступать черезъ „вой“: волы ходятъ медленно, поэтому и роды будутъ медленными, тяжелыми; черезъ оглоблю, наоборотъ, „годыться“ переступать: какъ лошадь быстро и легко бѣгаетъ, такъ и роды быстро и легко сойдутъ.—

Наступаетъ время родить. Всѣ члены семьи, сосѣди и вообще всѣ, кому это извѣстно, избѣгаютъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, чтобы излишними разговорами „не наклыкать лыха“ на родильницу. Поэтому и будущій отецъ, отправляясь за повивальной бабкой, часто приглашаетъ ее къ своей женѣ одними намеками: „ходимъ до насъ на щось“. Вообще, чѣмъ меньше лицъ знаетъ про наступленіе родовъ, тѣмъ они легче сойдутъ.

„Бабувать", т. е. помогать при родахъ, женщины идутъ только послѣ прекращенія у нихъ менструацій, приблизительно послѣ 45 лѣтъ, когда потеряна уже надежда имѣть собственныхъ дѣтей и не придется поэтому самой просить къ себѣ бабку. Рожденіе ребенка у женщины, начавшей „бабувать", считается верхомъ неприличія; такого ребенка зовутъ въ селѣ „бабынцёмъ", и это прозвище всегда ужасно конфузитъ его мать. Вслѣдствіе этого, даже послѣ прекращенія менструацій въ первое время женщины не рѣшаются итти въ повитухи.

При выборѣ бабки имѣютъ въ виду слѣдующія два главныхъ ея качества: 1) бабка должна быть честной, „щобъ внучата чесно рослы", и 2), главное, она должна быть богатой и щедрой, чтобы послѣ родовъ „шановала хороше" и не скупилась на водку и закуски. Опытность и искусство хорошей бабки измѣряется не столько знаніемъ акушерскаго дѣла,—въ этомъ отношеніи бабка стоитъ ничуть не выше всякой другой женщины, рожавшей нѣсколько разъ,—сколько полнотой свѣдѣній по части всякаго рода необходимыхъ примѣтъ и обрядовъ. Въ этомъ случаѣ опытность бабки пополняетъ невѣжество молодой матери: если женщина во время беременности сдѣлала какой-либо промахъ, который грозитъ отдалить на продолжительное время роды, или сдѣлать ихъ тяжелыми, или можетъ повредить здоровью матери и ребенка, то всѣмъ подобнымъ промахамъ бабка должна своевременно найти надлежащее противоядіе. Если, напримѣръ, беременная натыкалась на случку лошадей, то и ей предстоитъ носить въ утробѣ ребенка столько времени, скольконоситъ кобылица лошенка, т. е. около 11 мѣсяцевъ; чтобы устранить эту бѣду, бабка въ то время, когда по расчету надлежитъ уже рожать, насыпаетъ овса въ запаску своей паціенткѣ, и та даетъ кобылѣ выѣсть этотъ овесъ. Есть и другое средство, ускоряющее наступленіе родовъ: бабка стружитъ серебряную монету или крестикъ и даетъ пить этотъ порошокъ въ водѣ беременной женщинѣ.

Но какъ бы трудны ни были роды, больная никогда не обратится къ помощи доктора или фельдшера: этому мѣшаетъ

ея стыдливость и, кромѣ того, обычай, чтобы при родахъ, кромѣ замужнихъ женщинъ, никто (а особенно изъ мущинъ) не присутствовалъ. Быть можетъ, въ этомъ случаѣ огромную помощь простому народу окажутъ возникающіе теперь женскіе медицинскіе курсы; съ теченіемъ времени по селамъ появятся женщины-врачи, которые будутъ помогать родильницамъ и практически подучать нашихъ самоучекъ-бабокъ болѣе раціональнымъ пріемамъ при родахъ. Теперь же, пока бабки не имѣютъ у кого поучиться повивальному искусству, съ нихъ нельзя много и спрашивать. Намъ, впрочемъ, извѣстна попытка одного земства прійти на помощь въ этомъ отношеніи простому населенію, устроивъ нѣчто вродѣ курсовъ для сельскихъ повитухъ. Но время обученія было слишкомъ коротко, само обученіе велось не практически, а теоретически, по рисункамъ, и потому эта попытка желанныхъ результатовъ не имѣла. Вотъ что разсказывала одна изъ бойкихъ ученицъ про окончательный экзаменъ; докторъ повѣсилъ на доскѣ рисунокъ, изображающій неправильное положеніе ребенка, и обратился къ своимъ слушальницамъ съ вопросомъ: что дѣлать въ подобномъ случаѣ? „Уси бабы наче воды въ ротъ набралы, дывляться та здвыгають плечыма: а хто-жъ ёго знае? А я не втерпила: „а щожъ, кажу, робыть? Богу Мылосердному, кажу, треба молыться“. Дакъ уси, хто тутъ бувъ у комнати, якъ одынъ, уси въ долошки заляскотилы: „отъ, кажуть, молодець бабка!“—Вѣроятно, и другія ученицы, по окончаніи курса, остались при прежнихъ своихъ знаніяхъ и убѣжденіи, что только милосердіе Господа можетъ помочь въ подобныхъ случаяхъ.

Непосредственно передъ родами, или даже во время родовъ, за бабкой отправляется мужъ или какой-либо другой пожилой родственникъ родильницы. Баба сразу не соглашается итти на помощь: „Выбирайте кого луччу; я не дуже-то вмію“. И посолъ, и сама бабка прекрасно понимаютъ, что этотъ отказъ не больше, какъ соблюденіе установленнаго для подобнаго случая этикета, и потому, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ (тянуть ихъ не позволяютъ уже сами обстоятельства дѣла,

не терпящаго отлагательствъ), бабка, захвативъ все необходимое, спѣшитъ на помощь. Вотъ какъ разсказывается о приглашеніи бабки къ родильницѣ въ пѣсняхъ:

№ 1. У новуй комнáти крóвать стояла;
На новуй кровати Ганнуся лежала,
По комнáти ходыла,
Свого Грыця просыла:
„Ты, Грыцику, муй голубчику,
Бижы жъ скорей по бабусеньку!"
А бабуся догадалася,
Въ одномъ чоботи обувалася,
До онучечки спотыкалася,
Въ однуй руци лучыночку,
А въ другуй—простыночку:
Подывимось на дытыночку.

№ 2. Та й за купкамы, та й за гýркамы,
Й-а за хыжкамы, й-а за будкамы
Тамъ Ганночка сына вродыла (2)
Та соби на помощъ Андрійка просыла:
„Андрійчыку, муй голубчыку (2),
Бежы-жъ, бежы и скоресенько, и хутесенько,
Бежы-жъ, бежы по бабусеньку!"
А бабусенька догадалася
И сама йде объ однумъ чоботи (2),
Въ однумъ чоботи и безъ пояса,
А у лѣвуй руци и простынь несе.
Ой просты-жъ, помылуй, Боже, ажъ дви душечки:
И старенькую, и маленькую (2),
Що старенькую у подушечкахъ,
А маленькую у пелюшечкахъ!—

Въ первой пѣснѣ сообщается, что бабка, отправляясь къ больной, беретъ съ собой „лучыночку" и „простыночку"; во второй пѣснѣ упоминается только о простынѣ; но при чтеніи

этой пѣсни передъ словами: „А у лѣвой руци...“ замѣчается пропускъ: пропущено, что́ несетъ бабка въ правой рукѣ.

Собираясь итти къ паціенткѣ, бабка беретъ съ собою уголекъ (это, вѣроятно, „лучиночка“, о которой упоминается въ первой пѣснѣ), нѣсколько льняныхъ зеренъ и ржаныхъ рожковъ *). Вотъ и все, что должно быть подъ руками у бабки при трудныхъ родахъ. Этотъ уголь, впрочемъ, и льняныя зерна не простыя. Случается иногда, изъ горящей печи выскакиваетъ съ трескомъ уголекъ; бабка собиретъ такіе угли; при трудныхъ родахъ она растираетъ ихъ и даетъ порошокъ въ водѣ пить больной, „щобъ и дытя такъ скоро выскочыло изъ тисного миста, якъ сей уголь изъ гарячои печи“. Есть лёнъ „лущыкъ“; когда онъ созрѣетъ, то головка его трескается и сѣмена высыпаются; бабы подбираютъ эти сѣмена и даютъ родильницѣ ѣсть съ хлѣбомъ или же пить въ видѣ настоя на горячей водѣ, для того чтобы и дитя, подобно зернамъ, скоро появилось на Божій свѣтъ. Кромѣ того, дается иногда настой ржаныхъ рожковъ,—„Ну, казала кушерка, що ёго безъ умыслу (т. е. безъ знанія, безъ умѣнія) не можна давать; на чарку воды три капли ёго; а румку (т. е. чистаго настоя) якъ выпыть, дакъ самъ дохторъ казавъ, що й не перенесе (т. е. больная)... давать треба пры послиднихъ порахъ; а якъ яка дурна баба, дакъ вона не знае, колы дать, а нужно, шобъ зъ умысломъ, а то збросыть...“ Подобное дѣйствіе этихъ рожковъ признаетъ и медицина. Нѣкоторыя бабки даютъ еще и „корычневу воду“,—настой корицы на водкѣ или водѣ.

Придя къ больной, бабка посылаетъ ее перейти три раза дорогу такъ, чтобы никто этого не видѣлъ; затѣмъ, войдя въ хату, больная трижды обходитъ вокругъ стола; передъ нимъ разстилаются штаны ея мужа, и бабка переводитъ черезъ нихъ родильницъ. Если послѣ этого роды все еще тянутся, то бабка приказываетъ развязать въ хатѣ и въ амбарахъ всѣ узлы, гдѣ какіе есть, отпереть всѣ замки. Все это продѣлывается для

*) Спорынья, secale cornutum; Sclerotium Clavus Dec. (слов. Роговича).

ускоренія и облегченія родовъ. Но если всѣ указанныя средства оказываются недѣйствительными и больная терпитъ страшныя муки, то бабка рѣшается прибѣгнутъ къ послѣднему, очень, впрочемъ, рѣдкому средству: къ священнику снаряжается посолъ съ просьбой растворить въ церкви царскія врата; просьба эта ставитъ священника въ затруднительное положеніе; съ одной стороны, въ число его пастырскихъ обязанностей входитъ—отучать пасомыхъ отъ всякаго рода суевѣрій; но, съ другой стороны, какъ отказать въ этой невинной просьбѣ существу, переносящему стрышныя мученія и надѣющемуся, что это средство положитъ конецъ мукамъ?

Бываютъ случаи, когда, не смотря на всѣ средства бабки, роды имѣютъ печальный исходъ: смерть новорожденнаго или самой матери. Слѣдующая пѣсня передаетъ одинъ изъ подобныхъ случаевъ:

№ 3. Ой пойихавъ королевычъ на погуляньня,
Та й покынувъ Марусыну на гореваньня.
Та-й прыснывся королевычу дывнесенькій сонъ:
Съ-пудъ правойи да ручeньки вылетивъ соколъ,
Съ-пудъ лѣвойи, съ пудъ билойи брязнувъ колоколъ *).

---

*) Звонъ колокола въ нашей народной поэзіи служитъ предвѣстникомъ чего-то особеннаго и, по большей части, печальнаго, ужаснаго. По одной, напр., былинѣ царь, разгнѣвавшись на царицу, собирается ее постричь; былина эта начинается такъ:

Ужъ что это у насъ въ Москвѣ пріуныло,
Заунывно въ большой колоколъ звонили?

(Кир. VI, 202)

Былина про смерть Алексѣя Михайловича начинается словами:

У насъ было, братцы,... въ каменной Москвѣ
Заунывные большіе колоколы звонили;
У насъ знать-то въ каменной Москвѣ
Не здорово...

(Кир. VII, 46).

Въ сборникѣ Ричарда Джемса пѣсня о смерти Скопина-Шуйскаго тоже упоминаетъ о звонѣ колокола:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося?
Съ полуночи у насъ въ колокомъ звонили.

Побигъ же королевычъ до бабусеньки въ двиръ:
„Бабусеньку, голубонько, одгадай сей сонъ:
Съ-пудъ правойи да рученьки вылетивъ соколъ,
Съ-пудъ лѣвойи, съ-пудъ билойи брязнувъ колоколъ“.
— Сидлай, сидлай, королевычу, вороного коня,
Бежы-жъ, бежы, королевычу, и въ день и въ ночи,
Свою мылу Марусыну на скамьи застаючи!
Й-уже жъ твоя Марусына вчора звечора сына родыла,
Й-а сёгодни у досвиту сама померла.—

Якъ осидлавъ королевычъ вороного коня,
Бежыть—бежыть и въ день и въ ночи,
Прыбегае пудъ новы ворота:
„Выйды-выйды, Марусыне, краще золота!“—
Ей не выйшла Марусына, выйшла ёго свисть,
Дай вынесла королевычу смутнесеньку висть:
— Здоровъ, здоровъ, королевычу, чужый зять—не нашъ!
Й-а вжежъ твою Марусыну давно зрадылы:
Й-ай учора Марусына сына вродыла,
А икъ свиту Марусына сама померла.—

Въ былинѣ, передающей о свержeніи съ престола Вас. Шуйскаго, читаемъ:

Ужъ на той-ли на высокой колокольнѣ
Въ большой колоколъ звбнили.
Охъ, и братцы, что то у насъ дѣлается,
Ужъ не чудо-ли какое совершается?

(Кир. VII, 17).

Полетъ же сокола служитъ символомъ появленія или удаленія добраго молодца:

1) Соколонько та на вылети,
Козаченько та на выйизди.

(Сборн. Метлинск. 179).

2) Налинувъ соколъ изъ чужихъ сторонъ...
Найихавъ Ивашко изъ чужихъ силъ.

(Тр. Этн. Эксп. IV, 70).

3) Наляцѣли соколы зъ стороны...
Ужо ѣдуць козацинькi со войны.

(Зап. Р. Геогр. Общ. V, 337).

4) Ясёнъ соколъ вонъ вылётывалъ...
Выѣзжалъ воевода Московскій князь Скопинъ.

(Кир. VII, 12).

Якъ й-увыйшовъ королевычъ въ свитлоньку одну,
Ажъ тамъ седять бабки-няньки, дытя колышуть:
— Ой ну люли, мале дытя, ой ну люли спать!
Уже-жъ тоби своей матеры до вику не знать.
Уже жъ тоби своей матеры треба забувать,
А вже жъ тоби, королевычу, тутъ не гостювать.—
Якъ ударыця королевычъ объ нову скамью:
„Ой Боже жъ муй мылостывый, я жъ сёго не перенесу“!
Якъ пойшовъ же королевычъ у другу нову,
Лежыть ёго Марусына на й-усю скамью;
Стоять вже тамъ попы—дяки, „надгробне“ поють,
А вже въ того королевыча дробны слёзы льлють...

Наконецъ, раздается крикъ новорожденнаго. Первымъ долгомъ бабка отрѣзываетъ у него пуповину слѣдующимъ образомъ: взявъ въ руки ленъ—прядиво, она расчесываетъ его гребнемъ; потомъ отмѣриваетъ пуповину пальца на три отъ живота и перевязываетъ ее въ этомъ мѣстѣ льномъ.

„А скульки жъ разъ заматувать?“ спрашиваетъ бабка у матери.—Завъязуйте булшъ, Богъ зъ йимы,—отвѣчаетъ измученная только-что перенесенными болями женщина, твердо вѣря, что, если пуповину перевязать больше трехъ разъ, то уже не придется рожать дѣтей. Отъ перевязаннаго мѣста бабка отмѣриваетъ пуповину еще на три пальца и отрѣзываетъ ее— у мальчика на топорѣ (чтобы изъ мальчика въ будущемъ вышелъ хорошій работникъ), а у дѣвочки на гребнѣ, „шобъ умила добре прясты“. Отрѣзаннымъ концомъ пуповины бабка крестообразно мажетъ ребенка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ при крещеніи помазываетъ мvромъ, и при этомъ приговариваетъ: „Шобъ уроковъ не боялось, и всяка болизнь, и нечыстоты, и все зле-лыхе обходыло“.—Когда выйдетъ дѣтское мѣсто, то бабка прикладываетъ его трижды къ темени ребенка „шобъ не було тименого зуба“, т. е. чтобы не опадало нёбо (?).— Послѣ этого она купаетъ ребенка въ теплой водѣ. Въ этой же

водѣ обмываетъ и дѣтское мѣсто и заворачиваетъ его въ чистую тряпочку; подъ „поломъ", т. е. помостомъ изъ досокъ, возлѣ лѣвой стѣны отъ входа въ хату, или подъ печью выкапывается ямка; въ нее выливается эта вода и кладется мѣсто, обернутое посолонь пуповиной и обсыпанное тоже посолонь—ржаными зернами; затѣмъ бабка засыпаетъ ямку землею, приговаривая: „Шобъ усе родыло, и породиля ище дитей водыла". Если же мать не желаетъ имѣть больше дѣтей, то мѣсто „кладеця догоры", а пуповину заворачиваютъ и обсѣваютъ зернами противъ солнца.—Все это бабка должна продѣлать съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ малѣйшая ошибка при этомъ влечетъ за собою смерть будущихъ дѣтей женщины, у которой она „бабуе".—Былъ случай, что бабка недостаточно глубоко закопала дѣтское мѣсто; собака отрыла и унесла его; на посыпавшіеся со всѣхъ сторонъ упреки находчивая бабка отвѣтила, что тб была не собака, а вѣдьма.—Если родившееся дитя умретъ, то откапываютъ это мѣсто и разбрасываютъ его по огороду, чтобы и дѣти такъ росли, какъ растетъ трава въ огородѣ. Если и это средство не помогаетъ и слѣдующія дѣти умираютъ, то вмѣстѣ съ дѣтскимъ мѣстомъ закапываются живыми пѣтухъ и курица или же двѣ куклы изъ тряпокъ—мущина и женщина, своего рода умилостивительная жертва какому-то свирѣпому и кровожадному божеству.

Закопавъ дѣтское мѣсто, бабка наливаетъ въ „зри́зокъ",—чанъ, покрытый сверху рядномъ, теплой воды и купаетъ въ ней „породи́лю". Послѣ ванны матери дается водка и закуска—подкрѣпить силы. Вода, въ которой обмывалась родильница, не выливается вонъ, а разливается по „чугунамъ", котламъ, нагрѣвается въ печи и выливается опять въ „зризокъ" для новой ванны; такъ устраивается ванна три раза, „шобъ кости у породили роспарылысь и въ жывоти попарылось, шобъ не боливъ жывотъ и вси члены".—Послѣ этого тройного купанья, бабка перевязываетъ животъ родильницы пенькой и укладываетъ больную въ постель, подъ которую кладется ножъ или кусокъ желѣза и ставится въ мискѣ вода, „шобъ уси уроки и зглазиньне

на желизо шло, а не на дытя и породилю". Съ той же цѣлью, куда бы ни шла въ первое время послѣ родовъ молодая мать, она должна брать съ собой это желѣзо.

Вода изъ „зриска" выливается на слѣдующій день до восхода солнца гдѣ-либо подъ плетнемъ, гдѣ никто не ходитъ, „нищечкомъ", чтобы никто не видѣлъ и не сглазилъ. „Зризокъ" же, покрытый рядномъ, цѣлый день стоитъ возлѣ „полу", на которомъ лежитъ больная; всѣхъ молодыхъ женщинъ, навѣщающихъ больную, бабка приглашаетъ присѣсть на „зризокъ", „шобъ и тоби Богъ давъ скоро систы у „зризокъ", т. е. разрѣшиться отъ бремени, родить дитя.

Обмывъ и уложивъ въ постель родильницу, бабка съ паляницей, бутылочкой водки-сивухи и мелкой монетой (коп. 2—5) идетъ къ священнику „за молытвой". Священникъ читаетъ молитву, даетъ новорожденному имя, угощаетъ бабку рюмкой принесенной ею водки, поздравляетъ ее съ внукомъ и назначаетъ время крещенія. Бабка беретъ обратно бутылочку изъ-подъ водки; если же она забудетъ эту бутылочку у священника, то это служитъ примѣтой, что бабѣ скоро снова придется „бабувать" у кого-нибудь.—Имя ребенку обыкновенно дается въ честь того святого, память котораго празднуется въ этотъ день; если имя попадется неудобовыговаримое, то бабка проситъ перемѣнить его: „Ой, батюшко, дайте инше яке, а то сёго и зроду не донесу". И дѣйствительно, такіе случаи, когда баба не въ силахъ „донесты" имени и перевираетъ его до неузнаваемости, не рѣдкость, почему священникамъ и предписано давать болѣе употребительныя среди народа имена.

Пригласивъ къ женѣ бабку, мужъ беременной женщины уходитъ изъ хаты и не присутствуетъ при родахъ: присутствіе въ данномъ случаѣ мущины считается неприличнымъ, это—исключительно бабье дѣло. Существуетъ разсказъ, что бабка, не имѣя возможности оставить больную женщину съ родившимся ребенкомъ, послала къ священнику отца ребенка условиться, когда быть крестинамъ; на вопросъ священника, съ чѣмъ его поздравить—съ сыномъ или дочкой.—счастливый ро-

дитель махнулъ только рукой: „А ей-Богу, батюшко, не знаю: я въ бабськи дила никóлы не мишаюсь“. Впрочемъ, это только анекдотъ; на самомъ же дѣлѣ, и мать и отецъ интересуются поломъ новорожденнаго, предпочитая въ большинствѣ случаевъ имѣть мальчика:

„За вамы, сыночкы, получатыму подарочки,
Тонки серпаночкы,
А за вамы, донечкы, пролыватыму слёзочкы“,

поетъ мать въ одной пѣснѣ.

II.

Послѣ возвращенія бабки отъ священника, мужъ родильницы (а если онъ въ отсутствіи, то сама бабка) идетъ приглашать кумовъ. Въ кумы приглашаются обыкновенно родственники, пользующіеся въ семьѣ почетомъ. Если же въ этой семьѣ дѣти постоянно мрутъ, то приглашаются „стриньне кумовъе“, т. е. первые встрѣчные мущина и женщина. Во всякомъ случаѣ, отношенія родителей ребенка къ кумамъ и бабкѣ устанавливаются самыя дружественныя.

№ 4. Запрежите коня вороного
Да одвезите кума молодого;
Запрежите кобылу гнидую
Да отвезите куму молодую;
Запрежите корову рябую
Да одвезите бабусю старую *).
Да колы-бъ же я знала, да колы-бъ видáла,
Хто въ мене бабусею буде,
Посадыла-бъ іи на покути у себе
Да обсадыла-мятою кудрявою.

---

*) Въ этихъ 2 строкахъ не нужно усматривать насмѣшки надъ бабой; здѣсь скорѣе выр жается заботливость: волы (вмѣсто которыхъ запрягаю.ъ коровъ) везутъ медленно, спокойно, что для старухи покойнѣе, чѣмъ ѣзда на быстрыхъ лошадяхъ.

Да колы-бъ же я знала, да колы-бъ вида́ла,
Хто въ мене кумомъ буде,
Посадыла-бъ у садочку у себе,
Обсадыла-бъ барвинкомъ хрещатымъ.
Да колы-бъ я знала, да колы-бъ вида́ла.
Хто въ мене кумою буде,
Хто въ мене голубкою буде,
Посадыла-бъ іи коло 'коньця въ себе,
Обсадыла-бъ іи рутою зеленою земчузною.

Кумъ и кума приходятъ съ хлѣбомъ; имъ предлагаютъ закуску. Затѣмъ бабка кладетъ дитя на вывороченный шерстью вверхъ „кожу́хъ" (символъ богатства); кумъ беретъ ребенка и передаетъ кумѣ. Баба отрѣзываетъ „окра́ець",—горбушку хлѣба, принесеннаго кумомъ, и даетъ кумѣ за пазуху, а куму—завернутые въ тряпочку уголь и „печунку"; идучи къ священнику, кумъ, не оглядываясь, долженъ бросить назадъ этотъ свертокъ на распутьѣ дорогъ, чтобы отогнать отъ ребенка всякую нечисть. Если родился мальчикъ, то отъ хлѣба кума, а если дѣвочка—то кумы́ отрѣзывается маленькій кусочекъ хлѣба и съ „дробко́мъ" соли заворачивается въ пеленку. (Пеленкой для мальчика служитъ разрѣзанная рубаха отца, а для дѣвочки—рубаха матери). Этотъ хлѣбъ съ солью дается на другой день матери, чтобъ у нея былъ „по́кормъ" (молоко].—Ребенка крестить къ священнику несетъ кума, а кумъ несетъ ему въ благодарность хлѣбъ, бутылочку водки и монету, коп. 2—5 *).

Когда кумы уйдутъ къ священнику (а иногда по возвращеніи ихъ домой), устраиваются „*злывки*". Этотъ обрядъ очищенія родильницы производится слѣдующимъ образомъ. Бабка беретъ „непоча́ту воду" изъ ведра, изъ котораго не бралъ еще никто воды, наливаетъ ею миску до краевъ (вообще все, что ни наливается, наливается до краевъ, чтобы у родильницы

---

*) Такое вознагражденіе священнику давалось года полтора назадъ, когда собирался данный матеріалъ; какое дается теперь, не знаю.

было много „покорму“); въ миску съ водой она кладетъ ягоды калины («шобъ породиля була здорова и красыва») и зерна овса (символъ богатства). На полу, какъ разъ подъ «тра́момъ» (сволокъ на потолкѣ), бабка кладетъ на-крестъ топоръ и косу, или, чаще, топоръ и книгу (если ребенокъ мужскаго пола] и серпъ и гребень (если родилась дѣвочка), приговаривая въ первомъ случаѣ: «Шобъ дрова рубавъ и кныжку чытавъ», а во второмъ: „Шобъ хлибъ жала и на сорочку пряла“. Затѣмъ подводятъ родильницу. Правой ногой она становится на лежащіе на землѣ топоръ или гребень; бабка себѣ и „породили“ закатываетъ по локти рукава и становится передъ больной, поднявъ вверхъ миску съ водой, калиной и овсомъ. Родильница правой рукой набираетъ изъ миски воды съ зернами и ягодами и спускаетъ ее себѣ по рукѣ, а лѣвой—подхватываетъ подъ локтемъ текущую воду и пьетъ ее; такъ повторяется три раза. Затѣмъ она трижды набираетъ воду лѣвой рукой, а правой подхватываетъ и пьетъ. Послѣ этого бабка мочитъ свою правую руку въ водѣ и „тылово́й“—обратной стороной руки мажетъ родильницу по лицу, приговаривая: „Омываю (очыщаю) свою руку, а твою душу“. Всѣ женщины, присутствующія при родахъ, моютъ себѣ въ этой водѣ руки. Родильница съ четырехъ краевъ миски (крестообразно) пьетъ три раза воду, а затѣмъ вода съ ягодами льется понемногу за рубаху на спину сперва „породили“, а потомъ всѣмъ находящимся въ хатѣ молодымъ женщинамъ, чтобы и у нихъ рождались дѣти; кому хочется мальчика, той за спину бросаютъ овесъ, а если кто хочетъ имѣть дѣвочку,—то калину.

Послѣ „злывокъ“ баба садится за столъ. Родильница подноситъ ей въ подарокъ 7 паляницъ и ситцу на юбку и угощаетъ водкой со словами: „Благодару вамъ, бабусю, що вы потрудылыся коло мене“. Бабка беретъ рюмку съ водкой и отвѣчаетъ: „Благодару вамъ; шобъ породиля здорова була, и онукъ щаслывый ру́съ, а щобъ уси дождалы ёго женыть и за нымъ подаркы получать“. Угостивъ бабку, родильница ложится въ постель. Свой подарокъ баба ставитъ на „прыпечокъ“; на-

ходящіяся въ хатѣ женщины проворно крадутъ его: „Ось подывысь, бабо, де твоя юбка? Колы хочъ, выкупáй, а то продамо, або понесемъ—заставымо". Баба обѣщаетъ дать потомъ выкупъ.—

Тѣмъ временемъ возвращаются кумы съ окрещеннымъ ребенкомъ. Ихъ усаживаютъ за столъ, при чемъ ребенокъ находится на рукахъ у кумы, даютъ закусить—паляницу, сметану, жареную рыбу или курицу, борщъ и кашу. Послѣ закуски кумы подносятъ ребенка къ матери и отдаютъ ей со словами: „У васъ бралы рожденне, а вамъ прынеслы хрыщенне".

Сейчасъ же послѣ родовъ баба печетъ паляницы и намѣчаетъ первую посаженную въ печь. Эту паляницу бабка кладетъ родильницѣ за пазуху подъ правую руку. Взявъ затѣмъ отъ кумы ребенка, мать кладетъ его къ себѣ головкой на правую руку и начинаетъ кормить правой грудью. До крещенія ребенка не кормятъ. Но прежде, чѣмъ дать ребенку грудь, ему суютъ въ ротъ соску—натертаго бурака, смѣшаннаго съ пескомъ и завернутаго въ тряпочку,—это для того, чтобы дитя было „непрывередлыве" и не болѣло грыжей.

Узнавъ о возвращеніи отъ священника кумовъ, родственники и сосѣди собираются „на хрестыны". При этомъ женщины несутъ въ подарокъ родильницѣ гречневые или ржаные вареники—въ скоромные дни съ сыромъ и примазанные сметаною, а въ постъ—съ капустой, намазавъ ихъ постнымъ масломъ, съ сушеными грушами, и тогда такіе вареники обмазываются медомъ.—„Якъ вареныкъ повный, шобъ така була породиля; шо вийшло зъ еи, тó шобъ наповнылось". Больная должна обязательно отвѣдать хоть понемногу всего, что ей ни приносятъ гости. А кромѣ варениковъ, ей несутъ еще гречневыхъ блиновъ, паляницы, куски хлѣба, жареную курицу, свѣжую рыбу, сельдь, тарань, чехоню, медъ въ сотахъ или патоку, круто сваренныя яйца, колбасу, сало, крупъ на кашу, фрукты... однимъ словомъ чтó подходящаго найдется въ хозяйствѣ. Съ своей стороны, „породиля частуе" —угощаетъ приходящихъ водкой, пьетъ сама и закусываетъ вмѣстѣ съ гостями тѣмъ,

что́ принесено ими. Всю эту снѣдь нужно поѣсть въ теченіе нѣсколькихъ дней, не откладывая ничего сохнуть въ запасъ, чтобы дитя и сама родильница не сохли.

Кумовъ и собравшихся гостей бабка приглашаетъ за столъ. Затѣмъ она подноситъ сперва матери, а потомъ каждому изъ гостей по рюмкѣ водки, настоянной на „калгану" [1]), "муштыковуй голки" [2]), „кальцыби" [3], и „семибратнюй крови" [4]). Выпивъ рюмку этой настойки, мать „дякуе" бабѣ и кумамъ: „спасыби, шо потрудылысь дытя у Божый законъ увесты". На столъ подается закуска—сметана, вареныя яйца, картофель, мясо, а въ постное время—соленая и свѣжая рыба. Послѣ закуски бабка подноситъ на тарелкѣ въ рюмкѣ „варену́хи" (варенная на фруктахъ и меду водка) родильницѣ и гостямъ. Гости, съ своей стороны, кладутъ на тарелку по мелкой монетѣ (1—2 коп.); если у кого не окажется денегъ, тотъ обѣщаетъ зайти когда-либо „поколыха́ть" дитя. Эти деньги бабка вытряхиваетъ родильницѣ за пазуху. Когда въ первый, послѣ этого, разъ купаютъ дитя, то въ воду для купанья кладутъ обручальныя кольца и эти деньги, чтобы у ребенка не было „жовтяныци".—Послѣ закуски женщины усаживаютъ бабку въ ночовки, на борону, или просто на хворостъ и съ пѣснями и громкимъ смѣхомъ везутъ ее въ шинокъ „*замочыть конецъ*" и дать обѣщанный выкупъ за украденный у нея подарокъ. Баба покупаетъ имъ полъ кварты водки; въ свою очередь, и собравшіяся женщины покупаютъ столько-же. Распивъ водку, онѣ расходятся по домамъ, а бабка возвращается къ родильницѣ ночевать. По дорогѣ въ шинокъ и въ самомъ кабакѣ женщины поютъ пѣсни, по содержанію подходящія сколько-нибудь къ данному случаю; а если такихъ не знаютъ, то поютъ «абы-якихъ». Кромѣ приведенныхъ выше (№ 1—4) пѣсенъ, поютъ, напр., еще такія:

---

[1]) „Калганъ"—radix galangae.

[2]) „Муштыкова голка"—мускатный орѣхъ.

[3]) „Кальцыба" или „кыльчыба"—чилибуха, nux vomica, semen strychni.

[4]) „Семыбр. кровъ" (sanguis drakonis?) —красноватый камень, порошокъ котораго всыпается въ водку.

№ 5. Ой задумавъ старый дидъ
Въ середу женыться.
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Въ середу женыться.

Якъ старую жу́нку взять
Не буде робыты;
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Не буде робыты *)
Молодую жу́нку взять,—
Не буде любыты.
«Скажи мини, молода,
Яка въ мене борода»?
—Що у тебе старый дидъ,
Козлиная борода.—
„Скажи мыни молода,
Яка въ мене похода!?“
—Що у тебе, старый дидъ,
Собачая похода́.—
«Скажи мини, молода,
Яка у мене йида?»
«Шо у тебе старый дидъ,
Кошачая йида.—
Якъ пойихавъ старый дидъ
У городъ до торгу;
Якъ купывъ старый дидъ
Плетену нагайку;
Якъ прыйихавъ старый дидъ
Изъ торгу додому,
Якъ ударыть молоду
По шырокому заду́:
„Скажи мыни молода,
Яка въ мене борода?“
— Шо у тебе, старый дидъ

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

Шовковая борода.—
„Скажы мыни, молода,
Яка въ мене похода?“
— Шо у тебе, старый дидъ,
Охвыцерська похода.—
„Скажи мыни, молода,
Якая въ мене йида?“
— Шо у тебе, старый дидъ
Генеральская йида.—

№ 6. (Варіантъ; припѣвъ тотъ же).
Якъ задумавъ старый дидъ
Та въ осень женыться
„А скажы же, молода,
Яка въ дида борода?“
— А въ старого старыка
Козлыная борода, [2]
Медвежая похода, [2]
Совынийи очи, [2]
Недобри для ночы.—
Якъ пойихавъ старычокъ
Та на ярмалочокъ,
Та й купывъ старычокъ
Та ременный батожокъ.
„А скажы же, молода,
Яка въ дида борода?“
— А въ старого старыка
Шовковая борода, [2]
Паньская похода, [2]
Соловъины очи [2]
Добрыйи для ночы.—
Гей, сивъ, думавъ-думавъ,
Добрыйи для ночы.—

№ 7. Колы-бъ мыни, Господы, недили дождаты,
Сюды-туды, ёнъ куды, недили дождаты *)
То-бъ пошла я до-роду гуляты.
А у мене увесь ру́дъ багатый,
Будутъ мене часто частоваты.
— Частуй мене, му́й роду богатый,
А я буду до дна выпываты.—
Ой пойду я додому хутенько
Пу́дъ нове окошко, що му́й мылый робыть?
Шо свекруха варенычки варыть,
А свекорко дубыночку парыть:
— Ой парься, парься, сыра́я дубына,
Шобъ розсилась у невистки спы́на.—
А мый мылый дытыну колыше,
На дытыну важкимъ духомъ дыше:
— Ой ну, мале дытя мое, спаты!
Нехай въ роду погуляе маты.—

№ 8. И лидъ трещыть, и вода плющыть:
Шо кумъ до кумы судака тащыть,
— И кумко моя, и голубко моя.
Звары мени судака, щобъ и юшка була
И юшечка, и петрушечка.
Кума моя, кума моя, кума душечка!—
Я до тебе, кума моя, не гулять прышла:
Я до тебе, кума моя, роботать прышла
Изъ днышечкомъ, зъ гребеныщечкомъ
Напъемося горилочки соби ныщечкомъ,
Захылывшись у куточокъ,
По симъ чарокъ у роточокъ,
Шобъ и люде не зналы,
Пъяныцямы не звалы.

[1]) Припѣвъ за каждой строкой.

Хылю—хылю не тече,
Коло сердця пече.

№ 9. Козакъ коня наповавъ
Дивка воду брала;
Козакъ писню заспивавъ
Дивка танцёвала.
И гыдкый, и брыдкый,
И малаго росту;
Ой пойду жъ я утоплюся
Зъ высокаго мосту.
Я не сама пряла,
Кума помогала;
Дала я юй мыску крупъ
Ще й два кускы сала.
И гыдкый и т. д.

№ 10. Саду муй, саду, да зеленый выноградъ!
И-ай въ тому саду да груша стояла;
Саду муй, саду, да зеленый выноградъ! *)
А пудъ грушою кроватка стояла,
А на кровати перына лежала,
И-а на туй перыни продиля сыдила,
Продиля седила, сынки повывала,
Сынки повывала, до донечокъ та размовляла:
„За вамы, сыночки, да болять спыночки,
А за вамы донечки, та болилы животочки;
За вамы, сыночки, получатыму подарочки,
Тонки серпаночки,
А за вамы, донечки, пролыватыму слёзочки“.
Саду муй, саду, да зеленый выноградъ.

№ 11. Що нашая да Ганночка крамарка була,
Крамарка була,

*) Припѣвъ этотъ повторяется за каждой строкой

Та напъяла шатро въ кутку на полу,
Въ кутку на полу, [1])
Посадыла мужа та й торговаты;
Прыйшлы купци да й куповаты;
Дають юй сто коныковъ, вона не 'ддае;
Дають юй сто волыковъ, дакъ не продае;
Дають юй сто рублику̑въ, вона не бере:
— Мени зъ вашымы коныками не водыться,
Мени зъ вашыми волыкамы не глядиться,
Мени зъ тымы грошыма не носыться,
А мени му̑й мужъ у до́му усегда знадобыться:
И дровець нарубае, [2])
И скипочекъ наскипае,
И засвитымо лучыночку,
Подывымось на дытыночку,
Й-у кого удалося: (2)
Ай чы й-у попа,
Ай чы й-у дяка,
Й-а чы й-у того коломійця, коломійця,
Чы въ нашого Иваночка чорнобрывця, чорнобрывця?

№ 12. Ишовъ кумъ городо́мъ,
Кума й-улыцею;
Тресе кумъ петухомъ,
Кума курецею.

№ 13. Й-а въ городи шарвелокъ [3]),
За городомъ ярмолокъ.
Дидъ бабу продае,—
Нихто грошей не дае.

---

[1]) Повторяется послѣднее полустишіе
[2]) При этихъ словахъ хлопають въ ладоши и прицлясывають.
[3]) „Гомонъ"

«Дидусенько, ты сывая борода,
Чомъ ты мене не продавъ,
Якъ я була молода?»
— Бабусенько, ты сирая утко,
Тымъ я тебе не продавъ,
Що пбралась хутко.—
Й-узявъ дидъ бабусеньку
За хорошу вроду,
Да повъювъ бабу пудъ мостокъ,
Та й пыхорнувъ въ воду:
— Отутъ, бабо, кайся,
Отутъ покупайся,
Отутъ вода бегучая,
Отутъ, бабо лаючая,
Отутъ назвычайся!—
Чы бабуся вырне,
То дидъ кіемъ пырне:
— Отутъ, бабо, кайся
Отутъ, покупайся,
Отутъ вода бегучая,
Отутъ, бабо лаючая,
Отутъ назвычайся!—
Поты баба булькотала,
Покы тамъ и пропала.
Иде дидъ изъ бережка
Да въ долошки плеще:
— Якъ дасть Бугъ здоровъячка,
Оженюся йще!—

Если дитя родилось отъ „покрытки", т. е. не бывшей замужемъ, то поютъ слѣд. еще пѣсни:

№ 14. (По словамъ разскащицы, эта пѣсня длинная, но она помнитъ только начало ея).

Ой нещасны ты подружки,
Що пойилы тыйи грушки;

Було двое, стало трое.
Шира драла за яромъ!— (при этомъ припѣвѣ танцуютъ)...

№ 15. Було лито, було лито, да й стала зима.
Молодая Марусенька родыла дытя,
А вродывшы и сповывши, на Дунай несла:
„Плывы—плывы, мале дытя, изъ утятамы,
А я пойду погуляю изъ дивчатамы;
Плывы—плывы, мале дытя, изъ окунцямы,
А я пойду погуляю изъ молодцямы;
Плывы—плывы, мале дытя, якъ сызе перо,
А я пойду погуляю, якъ сёго й не було“.
Молодыйи рыбалочки рыбу ловылы,
Не поймалы щуки-рыбы, поймалы лына,
Роздывылысь—розсмотрилысь,—ажъ мале дытя.
Ударылы рыбалочки въ большой колоколъ:
— Собырайтеся, дивчаточки, буде переборъ!—
Уси дивки, уси дивки зачесаны йдуть,
На свойихъ же голувочкахъ веночки несуть *).
Молодая Марусенька не зачесана йде,
На своюй же голувоньки венка не несе:
„Ой я вчора извечора пъяная була,
Ой на свою голувоньку венка не звыла.
Ой е въ тебе, моя матюнко, ище й дома пъять,
Не пускай же ихъ, матюнки на вечурки гулять,
Бо чужы батько, чужа маты **) кладуть доли спать
Коло кажнойи дивчыноньки женыхувъ по пъять;
Не 'дхрестытыся, не 'дмолытыся, — треба зъ нымы лягать.

---

*) Вѣнокъ—символъ невинности. Дѣвушки только до замужества, а „покрыткк“ до рожденія ребенка носятъ косы, а потомъ волоса подбираютъ подъ „очипокъ“.

**) Женщина, у которой собираются на вечерницы, назыв. „вечорнычa маты‘

Було жъ насъ тамъ на вечорныцяхъ усихъ подругъ симъ;
Не дывуйтыся мыни однуй,—се буде усимъ!“

Возвратясь изъ шинку къ родильницѣ, бабка отрѣзываетъ „окраець“ хлѣба, привязываетъ его къ шнуру и опускаетъ на ночь въ колодецъ, приговаривая при этомъ: „Якъ у колодези вода прыбувае, та́къ шобъ покормъ прыбувавъ у грудяхъ“. На слѣдующій день больная, если въ силахъ будетъ подняться, идетъ рано къ колодцу, пока еще никто не бралъ изъ него воды; подходя къ нему, она произноситъ: „Добрыдень, колодець Романе, а вода Уляно! прышла я до тебе воды браты, тебе поздоровляты; якъ вода здорова, шобъ и я була такъ здорова; якъ вода прыбувае, такъ шобъ у мене покормъ прыбувавъ“. Затѣмъ набираетъ „непочатойи“ воды и пьетъ. Если же родильница не можетъ продѣлать сама всего этого, то бабка рано утромъ приноситъ изъ колодца „непочатойи“ воды вмѣстѣ съ опущеннымъ наканунѣ кускомъ хлѣба; воду она наливаетъ въ горшочекъ и даетъ пить больной; ту же воду, которая капаетъ съ хлѣба, собираетъ въ миску. Выпивъ воду, родильница закусываетъ хлѣбомъ, вынутымъ изъ колодца, и паляницею, что наканунѣ была у нея подъ рукою, а бабка приговариваетъ при этомъ: „Господы, благословы хлибъ йисты и воду пыты, шобъ здоровой буть; якъ у колодези вода прыбувае, шобъ у тебе въ грудяхъ такъ покормъ прыбувавъ“.—Затѣмъ купаютъ дитя. Воду послѣ купанья бабка выноситъ во дворъ и выливаетъ на дубовый колъ: „шобъ здорове росло, якъ колокъ дубовый.„—

Бабка навѣщаетъ больную въ теченіе 7 дней и приноситъ ей чего-либо „сниіать“: паляницу, блиновъ, варениковъ, сметаны... Въ свою очередь, и хозяева „шанують“ бабу, какъ могутъ лучше.

Первые два дня ребенокъ лежитъ возлѣ матери; только на третій день его кладутъ „у люльку“. Эта „люлька“, или „ко-

лыска“ незатѣйлива по своему устройству: четырехугольная деревяная рама переплетается снизу крѣпкой веревочкой; по угламъ привязываются 4 веревки, которыя другимъ своимъ концомъ прикрѣпляются къ деревянному крюку; къ „траму“ привязывается веревочка, за которую и цѣпляется этотъ крюкъ; сбоку колыски привѣшивается веревочка—„почéпка“, при помощи которой и качаютъ ногой люльку.—

Прежде чѣмъ положить въ колыску дитя, баба кладетъ въ нее кота, „шобъ дытя спало, якъ кýтъ“, „на кота гуркóта, а на дытыну дремóта“; покачавши кота, она выбрасываетъ, креститъ колиску, кладетъ въ нее дитя и закачиваетъ его, напѣвая „кота“.

№ 16. Ой ты, коте, коте нашъ!
Чы вміешъ ты „оченашъ“?
Ой я вмію краще васъ,
Бо я въ попа ночувавъ.
„Очынашу“ перенявъ.—

Затѣмъ бабку смѣняетъ мать. Сидя на „полу“, она прядетъ, а ногой качаетъ дитя въ колыскѣ. Ребенокъ такъ привыкаетъ къ подобному укачиванію, что, если мать прерветъ качаніе, то онъ просыпается и кричитъ, пока снова не начнутъ его качать. Когда нужно кормить дитя, мать не беретъ его на руки, а наклоняется надъ колыской, а затѣмъ снова усаживается за свою пряжу, напѣвая монотоннымъ голосомъ „кота“:

№ 17. Ты коте, коте нашъ!
Чи вміешъ ты „оченашъ“?
А я вмію краще васъ;
Хоть у школи не бувавъ,—
Пýдъ школою полежавъ,
Весь „оченашъ“ перенявъ,
Лыстоньки пысаты,
Малу дытыну колыхаты,
Гарного „котка“ спиваты.—

№ 18. Ты, коточокъ, не ходы,
Малойи дытыны не збуды;
Мале дытя буде спаты,
А я буду колыхаты,
Щасте-долю посылаты,
Ростоньки въ костоньки,
Здоровъечко въ сердечко,
Добрый розумъ въ голувоньку
На малую дытыноньку,
Щобъ воно спало, не болило,
На голу́воньку здоровило,
Часто спаточки хотило.

№ 19. Ишла вдова долыною
Зъ маленькою дытыною.
Сила вдова оддыхаты;
Колы-жъ иде тры бурлаки.
Одынъ каже: убъемъ вдову!
Другый каже: ще й дытыну;
Трейтій каже: не вбъемъ вдовы,
Маленькойи дытыны;
Ходимо въ лисочокъ,
Зрубаемъ дубочокъ,
Зробымо колысочку,
Положимо дытыночку;
Витеръ повине,—поколыхне;
Ру́ска впаде,—погодуе;
Дощыкъ крапне,—напойить.—

№ 20 (варіантъ № 19)...
Третій каже: не займайте;
Мы пу́йдемо у лисочокъ
И вырубаемъ лыщыночку,

Зробымо колысочку,
Повисымо на дубочку,
Положимо дытыночку.
Витрыкъ повіе,—поколыше;
Сонечко вгріе,—пожалуе;
Роса впаде,—погодуе;
Дощыкъ зыде,—покупае;
Маты Божа наблюдае.—

№ 21. Ой ну люли, люли!
Налетилы гули;
Посилы на люли,
Сталы думать и гадать,
Чымъ дытынку годовать:
Чы кашкою, чы молочкомъ;
Чы пшенычнымъ пырожкомъ?
Кашкою годоваты,
А молочкомъ напоааты,
Бублычкомъ годоваты.

№ 22. Ой ну люли, коточокъ!
Заховався въ куточокъ
Одъ маленькихъ диточокъ.
Пошла кыця по водыцю,
Впала кыця у крыныцю.
Пошовъ котокъ ратоваты;
Вытягъ кыцю за ушко,
Посадывъ кыцю на сушко:
— Седы, кыця, покы обсохнешъ,
А я пиду на мисто,
Куплю тоби намысто;
Я побежу на села;
Седы, кыцю, весела.—

№ 23 (Варіантъ № 22)

Пошла кыця по водыцю
Та й-упала у крыныцю.
Пошовъ котокъ ратуваты,
Та взявъ кыцю за ухо
Та й посадывъ на сухо;
Взявъ котокъ за ужыцю
Та й посадывъ на полыцю:
Седы, кыця, весела,
А я пойду на села
Хлиба добуваты,
Дитей годуваты.—

№ 24. Ой ну люли, коте—котынку!
Та выоремъ нывку
Та посіемъ матерынку;
Матерынку будемъ рвать,
Малу дытынку колыхать;
Мала дытынка буде спать.
Заколыхавши та свою дытынку,
Побижу я на часынку;
На часъ, на часъ, на часочокъ
Пошла въ вышневый садочокъ,
Чую своей дытыны голосочокъ.

№ 25. Пошовъ котокъ на торжокъ,
Купывъ соби кожушокъ;
Треба съ котка зняты
Та дытыни даты,
Щобъ тепленько спаты.
Та пошовъ котыкъ по сино,
Тамъ ёго лыхо насило,
А ку̂шечку трясьця,
А дытыни щастя.

№ 26. Ой ну люли, коте сирый,
Да не ходы по-задвуръю,
Да не ходы коло хаты,
Да не ходы волохатый,
Та не збуды та дытяты;
Мале дытя буде спать;
Ёму не горя, не нужды знать.

№ 27. Ой ну люли, коточокъ
Укравъ у Васи платочокъ,
Побигъ Вася наганять;
Нагнавъ котка у бору.
Прынýсъ ёго до дому,
Посадывъ котка на мосту,
Ставъ котка быты по хвосту,
Посадывъ котка на лавци,
Ставъ котка быты по лапци:
Оце тоби, коточокъ,
За те, що вкравъ у мене платочокъ.

№ 28. Быты котка, быты,
Не на лыхо вчыты,
Щобъ не вчывся гарилочки пыты,
Вчывся дилечка робыты—
Черевычки шыты,
Платьечко попраты,
Постильку послаты,
Дытыну колыхаты,
Гарного „котка“ спиваты.

№ 29. Ой ну люли да люлечки!
Шовковыйи да верёвочки,
А новая колысочка.
Спыть малая дытыночка.—

№ 30. Ой ну люли, коточокъ;
Не полохай диточокъ;
Малы дитки будуть спаты,
А я буду колыхаты.—

Тихо, монотонно тянется колыбельная пѣснь одна за другой; спокойно спитъ подъ нее ребенокъ, а мысль матери, ничѣмъ не отрываемая, несется на крыльяхъ впередъ, стараясь сквозь темную завѣсу разсмотрѣть будущее своего «любого Йванка». Припоминаются тутъ молодой матери разныя примѣты, по которымъ пожилыя женщины учили ее узнавать будущую судьбу и характеръ ребенка: если дитя громко кричитъ, то нечего бояться за него: оно выростетъ и будетъ здоровымъ, добрымъ человѣкомъ; плохо вотъ, если дитя тихо, болѣзненно «нявчы́ть»: не долго протянетъ такой хилый ребенокъ, а если и выживетъ, то не на радость ему будетъ жизнь, не въ силахъ будетъ такой человѣкъ справиться съ тяжелой мужицкой работой; если дитя вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ водитъ глазами, оно скоро умретъ; та-же участь грозитъ ребенку, у котораго на нёбѣ не оказалось бугорка (?), или у котораго въ глазахъ возлѣ переносья нѣтъ разрѣза (?) *); если дитя сжимаетъ кулачки, изъ него выйдетъ скупой человѣкъ; если же оно разжимаетъ пальчики, то будетъ щедрымъ и любимымъ всѣми за свою тароватость; если мать желаетъ, чтобы всѣ любили ея ребенка, то она должна почаще цѣловать его... А въ общемъ—по одному шаблону тянется жизнь нашего просто-

*) Послѣднія двѣ примѣты не совсѣмъ понятны; лично мы не могли провѣрить, дѣйствительно-ли даже существуютъ эти непонятныя примѣты.

людина—селянина. Лѣтъ до 2—3 съ нимъ няньчатся; лѣтъ съ 5 мальчикъ становится пастушкомъ; сперва у себя въ огородѣ осенью и весною пасетъ гусей и телятъ; потомъ гонитъ ихъ въ поле «на стерну»; лѣтъ съ 8 онъ уже верхомъ несется въ лѣсъ «на ночлиги»; затѣмъ—хожденіе въ школу, разныя работы по хозяйству, а тамъ, лѣтъ съ 18, пора и о женитьбѣ и о собственномъ хозяйствѣ думать, если только не грозитъ рекрутчина.—Дѣвочка тоже, едва минетъ ей лѣтъ пять, становится помощницей матери: днемъ на ея руки сдаются всѣ меньшія ребята—ея братья и сестры; серьезно, заботливо сдвинувъ брови, тащитъ эта нянька передъ собою своего братишку-карапузика, суетъ ему соску въ ротъ, чтобы унять его плачъ; наконецъ, надоѣстъ ей возиться съ плаксуномъ; посадитъ она его гдѣ-либо подъ плетнемъ, а сама съ такими же няньками—подругами садится играть «у куклы» либо «въ кремъяхи», не замѣчая, что ввѣренное ея попеченію дитя совершенно мокро и успѣло уже набить себѣ ротъ пескомъ и всякою дрянью. Вечеромъ мать, возвратившись съ полевой работы, укладываетъ ребенка спать, а свою дочь—подростка посылаетъ въ огородъ «нарвать зильля, бо вже незабаромъ и свыни попрыбегають съ пашы, дакъ шобъ було чымъ погодовать ихъ».

Подростетъ дѣвочка, и ее посылаютъ въ школу, если только позволяютъ домашнія обстоятельства, т. е. если есть въ семьѣ кому и безъ нея няньчиться съ ребятами. Потомъ идетъ она въ «наймычки», служыть по людяхъ, зароблять соби на прыданее», а тамъ, глядишь, и заневѣстилась и своей семьей обзавелась.—

Едва окончились „родыны“ и „хрестыны“, пора думать и о подаркахъ родственникамъ мужа: свекру въ подарокъ дается коленкоръ на рубаху, свекрухѣ—темный ситецъ на юбку, а замужнимъ ятровкамъ—ситецъ на „очипки“.—

Въ ближайшее послѣ родовъ воскресенье бабка несетъ ребенка въ церковь пріобщать. Изъ тѣхъ денегъ, что гости надавали на крестинахъ, баба даетъ коп. 2—3 священнику „на частočку“—помолиться о здравіи новорожденнаго.

По истеченіи 6-недѣльнаго срока, родильница идетъ съ ребенкомъ и бабкой въ церковь „уводыться", послѣ чего приглашаетъ бабу къ себѣ на обѣдъ.—На Рождественскіе или свѣтлые праздники (смотря по тому какіе ближе) на второй день родильница съ мужемъ и ребенкомъ несетъ бабѣ „пыроги", мужъ несетъ въ „хусткѣ" 7 паляницъ въ подарокъ бабѣ; баба приглашаетъ къ себѣ своихъ пріятельницъ, и цѣлый день идетъ пированіе. И затѣмъ уже постоянно, изъ года въ годъ, на второй день Рождества и Пасхи родители новорожденнаго ходятъ въ гости къ бабкѣ, нося ей въ подарокъ зимой паляницу и колбасу, а весной—пасху и двѣ крашанки. Бабка отдариваетъ своихъ „униковъ" подобнымъ же подаркомъ.

Если дитя умретъ, то его родители каждую поминальную субботу *), идучи въ церковь, заносятъ бабѣ паляницу, а послѣ служенія снова заходять къ бабкѣ, и та угощаетъ ихъ; но это угощеніе не имѣетъ уже такого веселаго характера, какъ первое.

„Пыроги" родители ребенка несутъ также куму и кумѣ. Сперва идутъ они къ куму и несутъ ему въ подарокъ 7 паляницъ и шапку, или поясъ, или на жилетъ матеріи. Кумѣ въ подарокъ, кромѣ тѣхъ же 7 паляницъ, даютъ платокъ или матеріи на карсетку. Собственно „пырогамы" называются 6 паляницъ и подарокъ; все это вмѣстѣ завязывается въ „хустку"; седьмую же паляницу отецъ ребенка несетъ подъ рукой; это—„гостынець". Придя въ хату, гости ставятъ на столъ и „пыроги", и „гостынець". Хозяева угощаютъ гостей и, въ свою очередь, даютъ имъ паляницу, когда тѣ уходятъ домой.—

Если въ семьѣ умираютъ постоянно дѣти, то мать, желая спасти отъ смерти новорожденнаго ребенка, „запродуе" его. Эта продажа производится такъ. Когда ребенокъ заболѣетъ и напуганная уже смертью другихъ дѣтей своихъ мать въ страхѣ плачетъ возлѣ больного, къ ней приходитъ одна изъ ея род-

---

*) А ихъ въ году 4.

ственницъ или сосѣдокъ, у которой дѣти всѣ живы, и предлагаетъ: „дай, я его закуплю, щобъ на мое щасте выросло“; мать съ радостью соглашается и обѣщаетъ ей подарокъ, если дитя выздоровѣетъ. Гостья снимаетъ съ себя крестикъ и надѣваетъ на ребенка со словами: „шобъ Богъ давъ, на мое щасте ты вырýсъ, батьку и матеры на утиху, а мыни на хорошу славу“. Когда ребенокъ выздоровѣетъ, она приноситъ крыжмо ребенку на рубаху. Родители этого ребенка считаютъ послѣ этого ее своею кумою и несутъ ей „пыроги“.

А. Малинка.

ПЕРВЫЯ ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ КІЕВѢ.[1]

Вопросъ о просвѣщеніи народныхъ массъ есть основной вопросъ въ жизни каждой страны и каждой націи. Среди людей всѣхъ партій, всѣхъ сословій и соціальныхъ положеній, какъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и среди частныхъ лицъ, есть иниціаторы и горячіе сторонники народнаго образованія. Одно изъ видныхъ мѣстъ въ этомъ движеніи, знаменующемъ духъ нашего вѣка, принадлежитъ *воскреснымъ* школамъ. Впервые онѣ возникли на западѣ болѣе трехъ столѣтій тому назадъ, но носили конфессіональный, церковный характеръ. Особенно покровительствовалъ такимъ школамъ Лютеръ. Общеобразовательный же характеръ воскресныя школы получили въ Англіи лишь въ концѣ XVIII в. Теперь, по вычисленіямъ Эдварда Лонтооста, секретаря всеміpнаго Копенгагенскаго съѣзда представителей воскресныхъ школъ, ихъ въ 1890 году на всемъ земномъ шарѣ насчитывалось около милліона съ 20 мил. учащихся и 2 мил. учащихъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ 100 т. воскресныхъ школъ; въ Финляндіи болѣе 5 т. и, чтобы въ количествѣ подобныхъ школъ не отстать отъ этой страны, Россія должна бы имѣть 200 т. воскресныхъ школъ, но въ удѣлъ нашего народа ихъ

---

[1]) Матеріаломъ для этой статьи служатъ рукописи покойнаго И. И. Слѣпушкина, „Основа“, „Народ. Чтенія“, „К. Телеграфъ“, Соч. Пирогова и нѣкот. др.

приходится не болѣе 1500. Въ Остзейскомъ краѣ были воскресныя школы съ 20-хъ годовъ нашего вѣка благодаря Библ. Общ. Но эти школы, какъ и частная школа Шпилевской въ Петербургѣ, открытая въ апрѣлѣ 1859 года, по характеру своему существенно отличается отъ нынѣ существующаго типа воскресныхъ школъ.

Первыя въ Россіи воскресныя школы образовательнаго характера возникли въ Кіевѣ 11 окт. 1859 года. Это было время созрѣвавшихъ и совершавшихся реформъ. Всѣ сферы общественной жизни были призваны къ самодѣятельности и готовились къ лучшему будущему. 23 мил. крестьянъ—темнаго крѣпостного люду—ждали воли. Правительство, освобождая ихъ изъ-подъ опеки помѣщичьей власти, признало за ними свободу человѣческой личности и указало широкое поле новой общественной дѣятельности. Крестьянинъ теперь долженъ былъ явиться не только самостоятельною единицею въ государствѣ, но и общественнымъ дѣятелемъ—засѣдать въ волостномъ судѣ въ качествѣ судьи и въ окружномъ—въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, въ земствѣ и на сходѣ рѣшать вопросы о школахъ, больницахъ, дорогахъ, о раскладкѣ налоговъ, о призрѣніи бѣдныхъ, о продовольствіи населенія, въ качествѣ старосты и старшины слѣдить за общественнымъ порядкомъ и творить расправу.

Высшіе классы, стоявшіе на высотѣ европейскаго образованія, сознавали всю глубину пропасти между собою и неграмотнымъ людомъ, пропасти, обусловленной взаимнымъ отчужденіемъ. Прошлое было темно и страшно. Всѣ ждали спасенія въ будущемъ, спѣшили къ новой жизни.

Но, чтобы мѣры правительства не остались только *реформой*, чтобы проникли глубоко и радикально измѣнили направленіе и ходъ русской жизни, надо было сдѣлать народную массу способною воспринять ту великую реформу, которая совершалась въ интересахъ этой массы. Единственный путь была грамотность. Опытъ всей Европы, ея статистическія изслѣдованія показали, что преступленіе, самая крайняя безнравственность и невѣжество всегда идутъ рука объ руку.

„Кто знаетъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ половина изъ тѣхъ, которые теперь содержатся въ нашихъ тюрьмахъ, могли бы пользоваться свободой; болѣе чѣмъ половина изъ сосланныхъ на каторгу могли бы добросовѣстно служить своей странѣ, еслибъ государство употребило на образованіе ихъ хотя малую долю того, что растратило на преслѣдованіе воровъ“—говоритъ Маколей. И правительство, и общество сознавало, что просвѣщеніе есть единственный двигатель для развитія не только умственныхъ, но и моральныхъ силъ народа.

Однако не всѣ раздѣляли этотъ взглядъ, и приходилось бороться съ апатіей, рутиной и бездушіемъ большинства. Это та, по выраженію Н. И. Пирогова, грозная борьба, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Явились люди, на долю которыхъ выпало быть выразителями лучшихъ сторонъ своего времени. А то, чего не могли сдѣлать люди, предъ чѣмъ безсильны оказались факты, то сдѣлало вѣяніе времени, сокрушающее все, изъ чего отлетѣлъ духъ жизни.

Въ то время попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа состоялъ извѣстный ученый и высоко гуманный человѣкъ—Николай Ивановичъ Пироговъ. По общимъ отзывамъ, это былъ не только „человѣкъ своего времени, но и вождь своихъ современниковъ“. Онъ всюду проводилъ общечеловѣческія понятія, заставляющія цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ. Своею педагогической задачей Пироговъ поставилъ сблизить общество съ ученымъ міромъ и вывести наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учрежденій. Другою выдающеюся личностью того времени былъ профессоръ Кіевскаго университета — Платонъ Васильевичъ Павловъ. Нравственныя качества этого человѣка, его общественные идеалы, его служеніе идеѣ вызывали обаяніе среди студентовъ, и Павловъ имѣлъ громадное вліяніе не только на своихъ слушателей, но на всѣ факультеты, на всю учащуюся молодежь. Эти-то два лица и стали во главѣ движенія, создавшаго первыя въ Россіи воскресныя школы.

Какую же почву для общественной дѣятельности представлялъ въ то время нашъ Кіевъ? Это былъ городъ, насчитывавшій около 60 т. жителей *) Университетъ, двѣ гимназіи, два уѣздныхъ училища (одно изъ нихъ дворянское), только 6 приходскихъ, институтъ благородныхъ дѣвицъ, институтъ графини Левашовой, 9 частныхъ учебныхъ заведеній, училища военнаго и духовнаго вѣдомствъ и пріюты—вотъ и все, гдѣ можно было получить образованіе. Библіотекъ не было. На весь Кіевъ было только 2 книжныхъ магазина. Не было и газеты, кромѣ оффиціальныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, и только въ 1859 году выразителемъ общественныхъ интересовъ явился ежедневный органъ печати—Кіевскій Телеграфъ. Образованіе было поставлено на чисто оффиціальной почвѣ. Въ школахъ царила рутина съ ея мертвящими формами и педагогика, основанная на принужденіяхъ до розгъ включительно.

А между тѣмъ жизнь не ждала, и государственная реформа призывала къ дѣятельности всѣхъ. Здѣсь то, въ Кіевѣ, и возникла мысль о новой школѣ для народа. 23-го сентября 1859 года въ Кіевскомъ Телеграфѣ появилась замѣтка о проектѣ безплатной воскресной школы, и чрезъ двѣ недѣли, 11 октября, школа была открыта. Ей было предоставлено помѣщеніе уѣзднаго дворянскаго училища на Подолѣ по Константиновской улицѣ—зданіе, въ которомъ впослѣдствіи помѣщалась мужская прогимназія и затѣмъ 3-ья гимназія.

17 студентовъ университета и 1 изъ духовн. академіи изъявили желаніе быть преподавателями. Оффиціальный надзоръ былъ порученъ профессору Павлову и штатному смотрителю уѣзднаго училища И. И. Слѣпушкину.

Но откликнутся ли тѣ, ради кого устраивалась школа? Хочетъ ли народъ того свѣта, который ему предлагаютъ,

---

*) Географія Ободовскаго изд. 64 года.

и будетъ ли у него достаточно довѣрія идти къ тѣмъ, кто его зоветъ учиться?

Были разосланы объявленія и письма въ мастерскія. Между прочимъ писалось: „лѣта не будутъ служить препятствіемъ для ученія, слѣдовательно—школу могутъ посѣщать даже взрослые“.

Хотя предполагалась мужская школа, но приходилось слышать вопросы: а будетъ ли школа для дѣвочекъ? А можно ли посылать дѣвочекъ?

Въ первое же воскресенье на занятія явилось около 50 душъ, затѣмъ число учащихся возросло до 149.

Вопросъ былъ рѣшенъ. Тѣ, для кого устраивалась школа, откликнулись. Это придало энергіи иниціаторамъ, и черезъ двѣ недѣли, 25 октября, открылась другая воскресная школа на Новомъ Строеніи. Надзоръ за нею былъ порученъ профессору Павлову и штатному смотрителю училища г-ну Проценку. Въ день открытія явилось 34 человѣка, а въ началѣ новаго 60-го года число записавшихся простиралось до 148. Цифра эта подвергалась колебаніямъ: число посѣтителей не превышало 60-ти.

31 января 1860-го года въ зданіи 2-й гимназіи открыта первая женская воскресная школа. Преподаваніе приняли на себя г-жа Нельговская и классныя дамы ея пансіона.

Затѣмъ въ 80-мъ № Кіевскаго Телеграфа появилось интересное сообщеніе: „съ ноября мѣсяца студенты Кіевской Духовной Академіи намѣрены открыть въ своихъ аудиторіяхъ *безплатную будничную* школу. Точное распредѣленіе времени и программа занятій будутъ объявлены особо“. Но объявленій не послѣдовало: школа не была открыта.

Болѣе счастливыми оказались студенты университета, учредившіе въ 1861-мъ году въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ безплатную ежедневную школу въ одной изъ лекторій университета.

Еще въ концѣ октября 1860 года открыта воскресная школа на Печерскѣ и другая въ зданіи 1-ой гимназіи. Сначала,

какъ говорятъ, былъ сдѣланъ опытъ надъ гимназической прислугой, а потомъ допущены и посторонніе, такъ что оказалось до 60 учениковъ. Преподавателями были гимназисты.

„Кіевскій Телеграфъ“ выражаетъ мнѣніе, что „при всякомъ высшемъ и среднемъ учебномъ заведеніи непремѣнно должна быть воскресная школа. Отъ этого выгода можетъ быть двоякая, и для учащихся, и для учащихъ.

6 ноября въ зданіи Фундуклеевской женской гимназіи открыта 2-ая женская воскресная школа. По этому поводу въ „Основѣ“ за іюнь 1861-го года напечатано: „Открыли школу дамы. Предполагалось открыть раньше, и все уже было приготовлено, но учредительницы не рѣшались выступить въ роляхъ общественныхъ дѣятелей. Въ то же самое время, тоже дамы—преимущественно изъ купеческаго сословія—задумали открыть женскую воскресную школу на Подолѣ, и то же отсутствіе рѣшимости долго мѣшало дѣлу. Наконецъ были открыты обѣ школы“.

Въ отчетѣ, появившемся черезъ 4 мѣсяца послѣ открытія воскресной Фундуклеевской школы, мы читаемъ: „желательно бы имѣть большее число преподавательницъ,—къ сожалѣнію на приглашенія къ участію отвѣты получены отрицательные“.

У преподавателей воскресныхъ школъ является большое сомнѣніе относительно того, какъ женщины поведутъ это дѣло; и только необходимость имѣть для женскихъ школъ учительницъ и увѣренность, что участіе въ школѣ будетъ поступательнымъ шагомъ въ дѣлѣ развитія самой женщины, заставили студентовъ усердно агитировать въ дамскомъ обществѣ. Женщина того времени еще не была подготовлена къ подобной дѣятельности, и если для мужчины это дѣло являлось новымъ, то женщину оно пугало своею необычайностью. Воспитанная въ закрытомъ учебномъ заведеніи, въ замкнутомъ сословномъ кругу, женщина была далека отъ народа и требованій его трудовой жизни. Только полугодомъ раньше первой воскресной школы, при совершенномъ равнодушіи высшаго общества, открыта была первая въ Кіевѣ женская гимна-

зія, и много было толковъ о томъ, какъ посылать „свое дитя въ общее заведеніе, куда доступенъ входъ и дочери простого ремесленника, и дочери знатнаго сановника.

Если таково было общее мнѣніе, то нельзя удивляться, что мало женщинъ пошло въ Воскресныя школы учить бѣдный людъ.

Общая женская участь коснулась не только образованныхъ классовъ: для женщинъ низшаго сословія также оказались преграды. Въ Новостроенской школѣ на лицо было только 18 ученицъ, а въ отчетѣ Фундуклеевской школы читаемъ: „большая часть ученицъ живетъ у своихъ родителей, есть нѣсколько горничныхъ. Замѣчательно, что изъ магазиновъ дамскихъ, гдѣ живутъ цѣлые десятки дѣвушекъ, ученицъ очень мало, всего 4, притомъ послѣднія, какъ и горничныя, рѣдко посѣщаютъ школу (несмотря на желаніе посѣщать постоянно), потому—что онѣ бываютъ заняты работой и въ праздничные дни".

Но люди, горячо преданные дѣлу, понимали, что не 18 женщинъ въ Кіевѣ желаютъ учиться грамотѣ, и неуклонно продолжали свое дѣло, твердо вѣря, что у грамотнаго народа прежде всего должна быть грамотная мать.

Матеріальныя средства школъ составлялись изъ пожертвованій. Генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ исхлопоталъ разрѣшеніе у министра Внутреннихъ Дѣлъ на принятіе добровольныхъ приношеній деньгами и книгами. Еще раньше, черезъ двѣ недѣли послѣ открытія первой школы, попечитель округа, даже лично принимавшій участіе въ занятіи съ учениками, снесшись съ мѣстною властью, далъ разрѣшеніе на подписку и надзоръ за кассою поручилъ инспектору 2 гимназіи г-ну Чалому. Жертвователями явились профессора и вообще учительскій персоналъ и купцы. Черезъ газеты, несмотря на объявленія, не поступало ничего: тогда общество еще не привыкло считать печатный органъ выразителемъ своего настроенія; была, впрочемъ и другая причи-

на: горсть людей, сочувствовавшихъ воскреснымъ школамъ, непосредственно близко стала къ этому дѣлу, ей и незачѣмъ было нести свои пожертвованія въ редакцію. Эти сборы поступали прямо въ кассу школъ. Для усиленія средствъ устраивались концерты, спектакли, живыя картины, въ устройствѣ которыхъ принимала участіе княгиня Васильчикова.

Но кружокъ преподавателей былъ смущенъ мыслью, что собираются деньги отъ публики, разсуждающей, по выраженію профессора Павлова; „отчего не проплясать мазурки, когда страдаетъ меньшій братъ“. Тогда студенты университета учредили музыкальные вечера по субботамъ съ цѣлью доставлять эстетическія удовольствія небогатымъ людямъ (плата 25 и 50 к.) и собрать средства для воскресныхъ школъ, расходы которыхъ состояли главн. образомъ въ пріобрѣтеніи книгъ и учебныхъ пособій. Городъ ежегодно выдавалъ 150 р.

Таблица отчета Подольской и Новостроенской школъ, составленная на 249 душъ, послѣ 29 дней занятій, показываетъ, что преобладающее число учениковъ, какъ и слѣдовало ожидать, остается за жителями Украйны и вообще южно-русскихъ губерній (230). Слѣдовательно, элементъ мѣстный—главный въ школѣ; процентъ другихъ національностей слишкомъ незначителенъ: великороссіянъ 38, нѣмцевъ 4, поляковъ 8, евреевъ 3.

На 249 человѣкъ, посѣщающихъ школу, 185 принадлежитъ къ ремесленному классу, 27 лакеевъ, 3 сидѣльца, и 34, большею частью, малолѣтніе, которыхъ занятія еще не опредѣлились. По сословіямъ: дворянъ 10, купцовъ 6, однодворцевъ 4, козаковъ 3, вольноотпущенныхъ 2, мѣщанъ 58, кантонистовъ 34, казенныхъ крестьянъ 31, крѣпостныхъ крестьянъ 101.

Мѣщане составляютъ туземный городской элементъ, а крѣпостные крестьяне—почти всѣ безъ исключенія тѣ мастеровые, которые отданы помѣщиками въ выучку въ разныя мастерскія. Самая краснорѣчивая цифра въ графѣ сословій принадлежитъ, конечно, крестьянамъ вообще (132 ч.) и крѣпостнымъ въ

частности (101). Крѣпостные составляютъ почти половину общаго числа учащихся.

Далѣе изъ таблицы отчета мы видимъ, что всего охотнѣе посѣщаютъ школы въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ (118). Отъ 15 до 20—99 чел., отъ 20 до 30—32. Между малолѣтними воскресниками много учениковъ городской школы.

На число учащихся и аккуратность посѣщеній несомнѣнно оказывало вліяніе не всегда покровительственное отношеніе хозяевъ. Нѣкоторые увѣряли своихъ учениковъ, что платятъ за нихъ въ воскресныя школы, и потому воскресники должны работать хозяевамъ лишній годъ. Конечно, подобные слухи были разсѣяны на первыхъ же порахъ.

О педагогической постановкѣ дѣла можно судить по отчету Подольской и Новостроенской школъ.

Основное число постоянно посѣщающихъ и вновь поступающихъ дѣлится на неграмотныхъ и грамотныхъ въ разной степени. Это обстоятельство привело къ раздѣленію школъ на два класса: высшій и низшій. Послѣдній, сверхъ того, раздѣляется на два отдѣленія, изъ которыхъ въ одно поступаютъ совершенно неграмотные, а въ другое—кое-какъ разбирающіе буквы, словомъ—до нѣкоторой степени усвоившіе механизмъ чтенія. Такимъ образомъ 2-ое отд. низшаго класса составляетъ какъ бы средній, переходной классъ. Въ высшій принимаются тѣ, которые уже относительно бѣгло читаютъ. Здѣсь они раздѣляются на нѣсколько группъ, соотвѣтственно числу учащихъ, и вообще система обученія, принятая въ этомъ классѣ, существенно отличается отъ той, которая принята въ низшемъ. Ученье происходитъ отъ 11 до 2 ч. пополудни всякій праздничный и воскресный день. Одинъ часъ посвящается вѣроученію, для чего низшій и высшій классы соединяются. Два остальные часа въ низшемъ классѣ занимаются исключительно обученіемъ чтенію и отчасти письму—въ среднемъ отдѣленіи, а въ высшемъ классѣ—чтенію, письму и ариѳметикѣ. Число всѣхъ учащихъ (въ двухъ школахъ) доходитъ до 45 человѣкъ. Участвующіе изъ среды своей избираютъ по одному лицу въ каждой школѣ, над-

зирающему за внѣшнимъ порядкомъ и правильностію занятій. Ходъ обученія сообразуется съ заранѣе начертанной программой, хотя иногда встрѣчаются отступленія.

Вѣроученіе заключается въ разсказахъ изъ священной исторіи, преимущественно изъ жизни Спасителя, съ выводомъ нравственныхъ уроковъ изъ этихъ разсказовъ, а также въ объясненіи догматической части по Символу Вѣры и въ усвоеніи главныхъ молитвъ. Сверхъ того, преподаватель Подольской школы каждому уроку предпосылаетъ объясненіе Евангелія того праздничнаго дня, когда происходило ученіе. Преподаваніе заключается въ простомъ разсказѣ, по возможности доступномъ толкованіи прочитаннаго въ бесѣдѣ съ учениками.

Въ низшемъ классѣ въ двухъ школахъ считается приблизительно около 70 учениковъ, изъ которыхъ большее число приходилось на среднее отдѣленіе. Въ Подольской школѣ среднее отд. было поручено одному преподавателю. Слѣдовательно, система обученія принята классная. Такъ какъ въ это отдѣленіе поступали такіе учащіеся, которымъ грамота отчасти знакома, то очевидно занятія заключались въ усиленномъ упражненіи въ чтеніи. Пособіемъ служитъ книжка Золотова для взрослыхъ. Но само собою разумѣется, что чтеніе сопровождается въ необходимыхъ случаяхъ объясненіемъ. Вообще преподаватель не упускалъ изъ виду развитія учащихся, что положено въ основаніе всей методы Золотова.

Въ Новостроенской школѣ въ томъ же отдѣленіи обученіе происходитъ по группамъ. Сверхъ того, здѣсь же учатъ нумераціи и письму азбуки на доскѣ и бумагѣ; въ Подольской школѣ этого не проходятъ.

Для неграмотнаго отдѣленія въ обѣихъ школахъ принята классная система. По замѣчанію преподавателей, „гдѣ предстоитъ учить азбукѣ, тамъ *классное* соревнованіе и взаимообученіе имѣютъ за собой несомнѣнное превосходство“.

Въ разсматриваемое нами время въ Россіи повсюду господствовалъ буквослагательный методъ, и воскресныя школы первыя

примѣнили новый звуковой способъ Золотова, поставившаго въ методикѣ яйцо, подобно Колумбу: заслуга Золотова заключается въ томъ, что онъ первый разрѣзалъ слово на составныя части— буквы и такимъ обр., давши подвижную азбуку, положилъ основаніе аналитико-синтетическому методу, а вмѣстѣ съ тѣмъ осмысленному обученію грамотѣ. Примѣнялся въ школахъ и методъ одесскаго педагога Горбинскаго, кот. ставилъ краеугольнымъ камнемъ обученія предварительныя упражненія въ анализѣ слова на составные элементы. Все это было новинкой въ педагогической практикѣ.

Главнымъ образомъ пріемы сводились къ двумъ методамъ. Одинъ, всего ближе подходившій къ методу самого Золотова, состоялъ въ томъ, что бралось нѣсколько словъ (изъ складныхъ буквъ), громко произносилось ихъ названіе, и неоднократнымъ спрашиваніемъ каждаго ученика классъ доводился до того, что глаза каждаго учащагося привыкали къ очертанію буквъ, составляющихъ данное слово. Причемъ вначалѣ подбирались такія слова, гдѣ одинъ и тотъ же слогъ повторялся. Когда классъ могъ различать и произносить два, три или 4 слова, уставленныя на доскѣ, они разбивались на слоги и тѣмъ же путемъ узнавались учениками, хотя бы были и во вновь составленныхъ словахъ. Затѣмъ тотъ же пріемъ употреблялся при раздѣленіи слоговъ на буквы, причемъ въ обоихъ случаяхъ все помѣщаемое на доскѣ приводилось въ различныя произвольныя комбинаціи, съ соблюденіемъ извѣстной постепенности. Когда всѣ буквы алфавита становились такимъ путемъ извѣстны, то въ конечномъ результатѣ учащіеся должны были сами составлять данныя слова и затѣмъ переходили къ чтенію по книгѣ. Если этотъ методъ можно назвать аналитическимъ, то другой болѣе отличался синтетическими пріемами, хотя и приводилъ къ одному результату: первоначально знакомили учениковъ съ гласными буквами алфавита, уставляя ихъ на доскѣ, затѣмъ приставлялись къ гласнымъ согласныя, сперва передъ ними, а потомъ послѣ нихъ (прямые и обратные слоги), и ученики доводились до сознанія что нѣтъ буквы *бе,* а есть б и т. д. Ознакомивши съ очерта-

ніемъ слога, переходили къ составленію слова. Напр: бралась буква у, приставлялось къ ней *б* (бу—уб), бралась буква *я* и приставлялась къ ней *р* (*ря*—яр), и затѣмъ, соединивъ составленные слоги, заставляли учениковъ, произнося ихъ, произносить и слово *буря*. Такимъ путемъ ознакомливали учащихся со всѣми буквами алфавита, причемъ, употребляя тѣ же разнообразныя комбинаціи и заставляя самихъ учащихся разставлять слова, доходили до чтенія по книгѣ. Было-бы въ высшей степени интересно узнать относительное достоинство обоихъ пріемовъ, какъ оно выразилось на практикѣ, но болѣзнь одного изъ преподавателей и затѣмъ выборъ другого въ должность завѣдующаго школой—сдѣлали то, что обѣ группы примѣняли оба метода, побывавъ у обоихъ изъ этихъ преподавателей.

Наконецъ, не безъ интереса будетъ привести одинъ исключительный случай, при которомъ мальчикъ выучился читать въ три урока. Произошло это слѣд. обр.: учитель объяснилъ на первый разъ буквы и далъ ихъ на домъ. Ученикъ явился черезъ недѣлю, зная всю азбуку. На второмъ и третьемъ урокѣ ему объяснено было, какъ изъ буквъ составляются слоги и слова, и всякій разъ давалась на домъ книга. Теперь, говорится въ отч., мальчикъ читаетъ уже довольно бѣгло. Конечно—это фактъ совершенно случайный и нисколько не можетъ быть отнесенъ къ самой школѣ, но нѣсколько другихъ случаевъ, съ нимъ однородныхъ, привели къ тому убѣжденію, что выдача книгъ на домъ существенно помогаетъ ходу дѣла.

Въ силу подобныхъ соображеній положено было въ обѣихъ школахъ раздавать на домъ въ низшемъ классѣ упражненія и таблицы Золотова, а въ высшемъ „Народное чтеніе" и нѣкоторыя др. книги. Вообще результаты обученія въ низшемъ классѣ были слѣдующіе: въ высшій кл. пер. 16 ч.; при поступленіи незнавшіе ничего переведены въ среднее отдѣленіе, слѣдовательно они ознакомились съ алфавитомъ и до нѣкоторой степени усвоили уже механизмъ чтенія; 5 человѣкъ стали разбирать слова.

Въ высшемъ классѣ, гдѣ бываетъ среднимъ числомъ въ обѣихъ школахъ до 100 чел., система обученія принята груп-

новая, по тѣмъ соображеніямъ, что развитіе учениковъ въ этомъ случаѣ выигрываетъ. Въ группѣ отъ 2 до 4 человѣкъ болѣе или менѣе одинаковаго уровня познаній. Учитель, останавливаясь на всякомъ малопонятномъ мѣстѣ, вступаетъ въ объяснительную бесѣду со своими слушателями. Онъ обязанъ вызывать ихъ размышленіе и вообще дѣйствовать на мыслительную способность.

Такимъ образомъ, говорится въ отчетѣ, нечувствительно накопляется фактическій матеріалъ и кругъ понятій незамѣтно становится шире, а воззрѣніе правильнѣе.

Занятія письмомъ заключаются въ перепискѣ прописей, причемъ наставники обращаютъ вниманіе на сообщеніе правильности и твердости въ движеніи руки. Въ Новостроенской школѣ допускаютъ письмо и подъ диктовку. Вообще, повидимому, письмо идетъ тамъ успѣшнѣе.

По ариѳметикѣ программа тогдашнихъ воскресныхъ школъ стоитъ почти на высотѣ теперешнихъ требованій. На первомъ планѣ сообщеніе учащимся быстраго умственнаго навыка въ производствѣ первыхъ 4-хъ дѣйствій надъ цѣлыми и, если возможно, дробными величинами, при чемъ начинаютъ съ самыхъ маленькихъ именованныхъ чиселъ. Тѣхъ, кому это будетъ особенно полезно, предполагалось ознакомить съ правилами тройнымъ, учета векселей, товарищества, смѣшенія, а также со счисленіемъ на счетахъ. Задачи подбирались самаго обыденнаго, житейскаго характера, приноровленныя къ быту учащихся. По нѣкоторомъ навыкѣ въ устномъ счисленіи, наблюдая постепенность, переходили къ дѣйствіямъ на доскахъ большихъ и грифельныхъ и къ счисленію на счетахъ.

По таблицѣ отчета мы видимъ, что изъ 60, поступившихъ въ Подольскую воскресную школу, 11 не умѣли писать цыфръ, 37 писали ихъ плохо, 1 дѣйствіе знали 6, отъ 2 до 4 дѣйств. тоже 6.

Въ Новостроенской школѣ изъ 20—9 не умѣли писать цифръ.

Открывая школу, учредители поставили себѣ задачею на первыхъ же порахъ устранить всѣ стѣсненія, изгнать всякій формализмъ изъ своего дѣла. Школа была открыта посѣтителямъ. Все, что касалось хода дѣла, обсуждалось и рѣшалось на педагогическихъ совѣтахъ, происходившихъ въ учительской комнатѣ, во время уроковъ Закона Божія. Здѣсь поднимались дебаты по поводу вопросовъ общепедагогическихъ и частныхъ. Такъ напр., возникъ вопросъ о значеніи дисциплины во время занятій, о воспитательномъ вліяніи школы, прочитывались отчеты преподавателей, изыскивались и обсуждались мѣры къ открытію новыхъ воскресныхъ школъ, распредѣлялись пожертвованія, причемъ дѣлежъ производился пропорціонально числу учениковъ.

Понимая, что главная сила и вліяніе воскресной школы заключается въ хорошей книгѣ, педагогическій совѣтъ постоянно имѣлъ въ виду доставить народу возможность читать. Но большинство народныхъ книгъ того времени представляли собою „сѣрыя изданія московской фабрикаціи, безчисленныя произведенія не слишкомъ разборчивыхъ спекулянтовъ". Выбирать было не изъ чего. Приходилось издавать. Одинъ изъ преподавателей, помѣщикъ Полтавской губ., предложилъ для этой цѣли свои средства. А пока что, составились изъ пожертвованныхъ и отчасти купленныхъ книгъ библіотеки. Самая бóльшая была при подольской школѣ.

Въ религіозно-нравственномъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ евангеліе, крещеніе Господне, псалмы Давида, исторію церкви ветхаго завѣта, проповѣди на украинскомъ языкѣ, соловецкій монастырь и исторія его бомбардированія и др.

Въ естественно-научномъ:

На нѣм. яз., какъ пособіе для преподавателей: Zonengemälde, Naturgeschichte und Völker, Geologiegeschichte und Physikal Geograpfie in Bildern.

Описаніе земли или географія Григоровича, Природа и люди, Очерки Зауральской степи и внутренней или букеевской

орды, Печорскій край Щепкина, Русскіе въ Японіи въ 53 и 54 годахъ, Атлантическій океанъ и островъ Мадера, Алжиръ, путешествіе Ливингстона, Сингапуръ, На мысѣ Доброй Надежды. Гонъ-Конгъ, разсказы о животныхъ и растеніяхъ—Разина, журналъ „Сельскій строитель".

Въ историческомъ отдѣлѣ:

Взятіе въ плѣнъ Шамиля, Ермакъ или покореніе Сибири, Убіеніе Дмитрія царевича въ Угличѣ, Иванъ Сусанинъ или смерть за царя. Жизнь и военные подвиги Александра Великаго, царя Македонскаго.

Въ отдѣлѣ изящной словесности:

Стихотворенія Жуковскаго, повѣсти и разсказы Григоровича, басни Ив. Крылова, басни русскихъ баснописцевъ, сказка о купцѣ Остолопѣ, о Рыбакѣ и рыбкѣ, Донъ Кихотъ Ламанчскій, а также такія произведенія какъ „о солдатѣ Яшкѣ-красной рубашкѣ" 30 экз.

Въ библіотекѣ находились книги и на малорусскомъ яз.: Шевченко, Марко Вовчокъ и др.

Для классныхъ занятій употреблялись главнымъ образомъ:

„Книга для взрослыхъ" Золотова и журналъ „Народное чтеніе".

Книга Золотова страдала, такъ сказать, тономъ: по мнѣнію занимавшихся, она была составлена въ сферѣ понятій и привычекъ привилегированныхъ классовъ. „Народное чтеніе" выходило въ годъ 6 книжками отъ 150 до 200 стр. небольшого формата. Программа его была такова: Правительственныя распоряженія, касавшіяся интересовъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій. Изложеніе законовъ гражданскихъ, полицейскихъ и уголовныхъ по тѣмъ отдѣламъ, которые ближе всего касаются крестьянскаго и мѣщанскаго быта. Отечественная исторія и описанія событій чисто-народныхъ. Жизнеописанія замѣчательныхъ по своимъ гражданскимъ доблестямъ и заслугамъ людей, вышедшихъ изъ простолюдія. Литературныя бесѣды и разсказы,

очерки нравовъ и разныя легенды, сатирическія статьи, соотвѣтственно цѣлямъ изданія. Стихотворенія, какъ чисто народныя, такъ и написанныя въ простонародномъ духѣ. Бесѣды о природѣ вообще и о человѣкѣ въ особенности. Медицинскіе совѣты, которыми крестьяне могутъ пользоваться при своихъ средствахъ. Разныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и прикладныя знанія.

Издавалось „Народное Чтеніе" Лермонтовымъ и К°; книги составлялись А. Оболенскимъ и Г. Щербачевымъ, подъ редакціей Муратова. Стоилъ журналъ 2 р., при чемъ допускалась разсрочка: при подпискѣ 50 к., а затѣмъ при каждой книжкѣ по 30 к. Въ видѣ преміи высылалось Евангеліе.

При несомнѣнныхъ достоинствахъ и интересѣ, многія статьи этого журнала были доступны только развитымъ ученикамъ, да и то подъ руководствомъ учителя.

Отсутствіе хорошей книги для занятій въ классѣ вызвало среди преподавателей проектъ новой хрестоматіи для воскресныхъ школъ. Была выработана программа, при чемъ выяснилось, что требованія сводятся къ слѣдующему: хрестоматія должна быть дешева, содержаніе интересно, изложеніе доступно.

Въ книгѣ намѣчено два отдѣла: естественный и историческій. Въ первый предполагалось выбрать статьи, „касающіяся физическаго міра, дающія вообще понятіе о природѣ и ея силахъ". Во второмъ отдѣлѣ должны быть помѣщены статьи историческія—по устройству и развитію человѣческихъ обществъ. Сюда предполагалось внести свѣдѣнія этнографическія, историческія и т. п. Руководною нитью и существеннымъ содержаніемъ этого отдѣла должна быть, впрочемъ, Русская Исторія, которую предполагается составить такъ, чтобы съ возможною подробностью останавливаться на выпуклыхъ и живущихъ въ памяти народа событіяхъ, излагать съ полнотою тѣ царствованія, которыя составляютъ эпохи въ народной жизни, а объ остальныхъ событіяхъ упоминать слегка, для необходимой связи.

Работая надъ рѣшеніемъ общепедагогическихъ и частныхъ вопросовъ, совѣтъ воскресныхъ школъ *дѣлился* своимъ опытомъ съ лицами, обращавшимися къ нему за указаніями.

По примѣру Кіева, въ губернскихъ городахъ и захолустныхъ селахъ стали быстро открываться воскресныя школы. Втеченіе года въ тридцати пунктахъ Россіи появилось 68 воскресныхъ школъ, а къ половинѣ 62 года ихъ насчитывали около 90. Министерство Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Военное Вѣдомство относились одобрительно и предоставляли школамъ свои помѣщенія. Губернаторы дѣло это поощряли, такъ-что въ нѣкоторыхъ городахъ издавались предписанія въ родѣ слѣдующаго: губернаторъ приказалъ всѣмъ ремесленникамъ посылать своихъ учениковъ въ воскресныя школы чисто и опрятно одѣтыми. Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа писалъ: „долгомъ считаю присовокупить, чтобы къ числу полезныхъ свѣдѣній по части естествознанія, физики, географіи, медицины и проч. прибавлены были объясненія объ отношеніяхъ народа къ власти".

Но на ряду съ добрыми вѣстями одинъ за другимъ появлялись циркуляры тревожнаго характера, и, наконецъ, 12 іюня 1862 г. издано было Высочайшее повелѣніе впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы. Говорятъ, причиною закрытія послужили недоразумѣнія съ одною изъ Петербургскихъ школъ, обвиняемой въ распространеніи безвѣрія и превратныхъ понятій о правѣ собственности. Воскресныя школы прекратили свое существованіе, и только безплатная ежедневная школа въ лекторіи университета была преобразована помощникомъ попечителя округа М. А. Туловымъ въ подготовительную школу для практическихъ занятій учителей будущихъ народныхъ школъ—новаго,тогда еще только зарождавшагося типа. Школы были закрыты. Время унесло людей, служившихъ имъ. Но, по словамъ Пирогова: „здѣсь, на землѣ, гдѣ все проходитъ, есть для насъ

одно ненарушимое—это господство идей.“ Идея воскресныхъ школъ уцѣлѣла. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ возникли новыя школы, и сѣть ихъ покрыла темные уголки, но уже не студенты, а женщины явились иниціаторами этого дѣла, и преобладающій элементъ учениковъ—взрослые. Постановка въ новыхъ воскресныхъ школахъ сохранилась та же, что и въ первыхъ Кіевскихъ. Общія черты педагогической и общественной физіономіи свидѣтельствуютъ о томъ, что воскресныя школы не случайность, а общественное явленіе, вызванное потребностями самой жизни. Солидарность, интересъ и общеніе школъ между собою—характерная черта тѣхъ, кто боится за свое существованіе и, угнетаемый, видитъ свою силу въ дружескомъ союзѣ.

Что же за типъ учебнаго заведенія представляетъ собою воскресная школа?

Отличіе ея не въ томъ, что ученіе происходитъ по воскресеньямъ, не въ томъ, что между днями занятій недѣльный промежутокъ, а учащіеся—взрослые, въ періодѣ, когда память и способности къ механическому усвоенію притуплены,—это лишь неблагопріятныя условія, которыми школа сумѣла воспользоваться съ успѣхомъ и сдѣлала изъ нихъ опору своихъ принциповъ. Отличіе воскресной школы въ томъ, что она является плодомъ общей самодѣятельности въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, плодомъ сознательнаго отношенія къ жизни и людямъ.

Съ одной стороны, интеллигентные классы сознали необходимость образованія народныхъ массъ и, такъ сказать, свой долгъ по отношенію къ меньшому брату, несущему тяготу жизни и лишенному ея лучшаго утѣшенія: науки и поэзіи; съ другой—народъ сознаъ необходимость грамоты и просвѣщенія. „На каждомъ шагу онъ платится за свое незнаніе общественнаго гражданскаго строя нашей жизни, на каждомъ шагу платится за свою нравственную неразвитость, за свою косность и невѣжество *).

*) Феликсовъ „Русская школа 91 г. № 4 стр. 142, ст. „Спеціальныя практическія задачи русской народной школы“.

Возникнувъ плодомъ сознательнаго отношенія къ окружающему, воскресная школа избѣжала всѣхъ тѣхъ ненормальностей и уродливости, которыми страдаютъ другія педагогическія учрежденія, явившіяся осуществленіемъ лучшихъ идей въ рукахъ лицъ, чуждыхъ этимъ идеямъ. Въ воскресныхъ школахъ никто не несетъ дѣла по обязанности, слѣдовательно никто не тяготится, а значитъ—нѣтъ принужденія, мертвенности, рутины и бездушнаго формализма, а если нѣтъ ихъ—значитъ открытъ путь активной работѣ: любознательности—съ одной стороны, и удовлетворенію ея—съ другой. Въ этомъ весь секретъ занятій въ воскресной школѣ, результатъ которыхъ иногда кажется невѣроятнымъ. Не фокусы эти ошеломляющіе по быстротѣ успѣхи воскресниковъ, за три урока выучивающихся читать—это результатъ правильнаго отношенія къ дѣлу по существу.

Являясь по иниціативѣ и плодомъ общаго желанія самихъ преподающихъ, воскресная школа тѣмъ самымъ, въ силу простой послѣдовательности, оказывается общимъ, интереснымъ и дорогимъ дѣломъ для тѣхъ, кто ее ведетъ.—Отсюда это трепетное отношеніе, это любованіе малѣйшимъ проявленіемъ жизни дорогого претерпѣвшаго гоненіе дѣтища, эта высокая степень интереса индивидуальностью каждаго учащагося, и въ этомъ смыслѣ вкладъ воскресныхъ школъ въ сокровищницу народовѣдѣнія.

Оказываясь единственнымъ учрежденіемъ, готовымъ научить грамотѣ темный людъ, эта безплатная добровольная школа—для учащихся свѣтлое и любимое учрежденіе.

На этой почвѣ сходятся интересы учителя и ученика, и воскресная школа даетъ блестящій образчикъ того, какія трудности въ педагогическомъ дѣлѣ преодолимы при такомъ союзѣ. Не только литература воскресныхъ школъ и участники самаго дѣла—краснорѣчивѣе всего говоритъ за себя фактъ: ученики съ любовью посѣщаютъ школы.

Послѣ недѣли труда отъ зари до зари, эти труженики считаютъ большою непріятностью всякій пропущенный день

занятій, и нѣтъ такой воскресной школы, гдѣ бы учащіеся радовались каникуламъ. Этотъ фактъ лучшее доказательство, что воскресная школа стоитъ на вѣрномъ пути и что силы людей, несущихъ въ нее свой трудъ, не затрачены даромъ.

Воскресная школа имѣетъ и другое значеніе: она пробила брешь въ крѣпкой стѣнѣ, отдѣляющей школу отъ жизни.

Мы привыкли издавна противополагать жизнь школѣ и школу жизни *). Мы привыкли видѣть, что воспитаніе и ученіе идутъ сами по себѣ, а жизнь идетъ своимъ чередомъ, сама по себѣ. Мы привыкли думать, что требованія школы не сходятся съ требованіями жизни. И чѣмъ менѣе образовано общество, тѣмъ болѣе разъединены въ его понятіи школа и жизнь. Воскресная школа, наоборотъ, поставила своею задачею привести весь учебный матеріалъ въ связь съ жизнью, съ потребностями самихъ учащихся. Въ этомъ случаѣ недостатокъ времени, заставляющій дорожить каждою минутой, сдѣлался опорой принципа—не затемнять голову ненужными свѣдѣніями, а сообщать простыя пригодныя въ жизни знанія и, по возможности, давать ясное понятіе о мірѣ. Воскресная школа идетъ къ цѣли *прямою* дорогою и наиболѣе короткимъ путемъ. Эта упрощенность пріемовъ есть лепта воскресныхъ школъ въ общей педагогіи. Но, чтобы достигнуть своей цѣли, школа поставлена въ необходимость чутко прислушиваться къ голосу науки и пользоваться всѣми способами, закрѣпляющими знаніе.

Другое характерное условіе воскресныхъ школъ—возрастъ учащихся—сдѣлался опорой принципа: школа для учениковъ. Здѣсь учащійся является со сложившимся міровоззрѣніемъ, съ болѣе или менѣе опредѣлившимися требованіями отъ жизни, и роль учителя обусловливается лишь преимуществомъ развитого человѣка, вліяніемъ знанія, убѣжденія и достоинствъ самой личности учащаго. Отсюда безпримѣрное рвеніе учащихъ и учащихся, сознательное отношеніе къ каждой выученной буквѣ, а въ результатѣ педагогическій опытъ, что не формен-

*) „Школа и жизнь“ Пирогова.

ная дисциплина, а отсутствіе ея благотворно вліяетъ на успѣхъ знанія. Такъ, съ большими или меньшими уклоненіями отъ намѣченной цѣли — сообщить первые начатки знанія темному люду, работаютъ воскресныя школы.

Если встрѣчаются трудности и безпорядки, вызываемые вѣчно движущимся составомъ учащихся, если попадаются неумѣлые учителя и тупые ученики, если порою приходитъ скорбная мысль, что школа хотя и не отрываетъ отъ жизни, за то мало имѣетъ силы скрасить и улучшить ея темныя стороны, то все таки несомнѣннымъ остается фактъ, что воскресныя школы—первыя учрежденія частной инціативы, явившіяся на помощь народу въ его стремленіи къ свѣту, и что эти школы прониклись душою педагогики, оставивъ формализмъ, что это, наконецъ, единственныя школы, совершающія свое дѣло предъ всѣми, доступныя каждому и открывшія свои двери для всякаго контроля. Это—чистый родникъ, изъ глубины общественной жизни несущій свѣжую струю въ наше школьное дѣло.

И если теперь дѣти наши, послѣ долгихъ лѣтъ ученія, переутомленныя, усталыя являются въ жизнь, отъ которой оторвала ихъ школа, то будемъ надѣяться, что хоть новый вѣкъ, на рубежѣ котораго мы стоимъ, воспользуется почином ъ воскресныхъ школъ въ освободительномъ движеніи школы отъ мертвенности и рутины, будемъ надѣяться, что и сами воскресныя школы въ новомъ вѣкѣ найдутъ больше простора для своей дѣятельности на радость всѣмъ, кто имъ сочувствуетъ, и особенно русской женщинѣ, отдающей лучшія силы дѣлу народнаго образованія.

Л. Струнина.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Покинутая жена. *(Эпизодъ изъ эпохи войнъ Хмельницкаго)* Въ исходѣ первой половины XVII ст. въ западной Волыни жилъ небогатый шляхтичъ Крыштофъ Сестревитовскій и была у него молодая жена Анна, урожденная Свенцицкая. Неохотно шла она замужъ за него, потому что происходила хотя изъ небогатаго, но «старопольскаго» шляхетнаго рода изъ сосѣдней Холмщины, а ея женихъ былъ простецъ-русинъ, «схизматикъ», едва-ли не самолично ходившій за плугомъ вмѣстѣ съ тремя-четырмя своими подданными; но Сестревитовскій обнаружилъ такое упрямство въ желаніи обладать рукою понравившейся ему «панны», столько заѣздилъ коней, навѣщая ея родителей (будто-бы по пути въ Люблинъ, по дѣламъ въ трибуналъ), что гордая полька снизошла наконецъ къ наивнымъ «залётамъ» простоватаго жениха и, уступая родительскимъ настояніямъ, согласилась стать его женою. Жизнь новобрачныхъ съ первыхъ же дней пошла вкривь и вкось: мужъ вѣчно то на работѣ, то на охотѣ, то на повѣтовыхъ съѣздахъ, а жена, заброшенная въ глушь Волынскаго полѣсья, среди чужихъ людей, помирала съ тоски и безпрестанно ѣздила гостить къ роднымъ. Но черезъ годъ ея родители оставили аренду имѣній въ Холмскомъ краѣ и переѣхали въ Бѣлоруссію; тогда молодая женщина затосковала совсѣмъ и предалась подвигамъ неумѣренной набожности: постилась, молилась и даже втайнѣ подвергала себя бичеваніямъ. Мужъ, конечно, не раздѣлялъ такого крайняго благочестія, совершаемаго къ тому же по чуждому для него обряду; ему все болѣе становилась противной прѣсная, затхлая, полумонастырская атмосфера его семейнаго очага, и скоро онъ совсѣмъ охладѣлъ къ женѣ—«девоткѣ», перенося свои симпатіи на ея «покоевую» Каську.

Между тѣмъ настало лѣто 1648 года. Всюду разнеслись тревожныя вѣсти, что гдѣ-то тамъ, на Украинѣ, возмутившіеся козаки уничтожили безъ остатка коронное войско и что ихъ гетманъ Хмель въ союзѣ съ ордою идетъ на Варшаву. Скоро появились мно-

гочисленные бѣглецы изъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ и восточной Волыни: ксендзы, евреи и шляхта. Всѣ они разсказывали ужасныя вѣсти о жестокихъ насиліяхъ, грабежахъ и убійствахъ, свирѣпствующихъ повсюду, куда только проникло возстаніе. Въ западной Волыни формировались ополченія, безпрестанно прибывали сюда военные отряды изъ коренной Польши, и потому крестьяне вели себя смирно; тѣмъ не менѣе, болѣе предусмотрительные изъ дворянъ припрятывали цѣнныя вещи и увозили женъ и дѣтей въ Бѣлорусскіе и Польскіе края. Стала и Ганна Сестревитовская приставать къ мужу:

— «Що ты гадаешъ? Чили не видишъ, ижъ всюду почали люде о себѣ радити, а малженки свои до мѣстъ варовныхъ (безопасныхъ) и замковъ увозити? Чомъ про мене не дбаешъ?»

Но мужъ не думалъ проявлять заботливости о ней и только отшучивался, что, молъ, на такое золото, какъ его жена, «и татаринъ не покванится».

Вдругъ въ концѣ сентября разнеслась вѣсть, что польское войско понесло подъ Пилявцами полное пораженіе, что козацкіе загоны вторглись за Горынь и безъ боя овладѣли Ровномъ, Олыкою и Луцкомъ. Наступила ужасная паника; всѣ, кто могъ, изъ шляхтичей, евреевъ и ксендзовъ, уходили «въ забѣги». Крестьяне стали формироваться въ сотни и полки и принялись грабить панское добро. Сестревитовскій бросилъ молотьбу и сталъ поспѣшно снаряжать возы и оружіе, но не объяснялъ женѣ, что̀ онъ задумалъ. Лишь на третій день, когда онъ, забравъ лучшихъ лошадей и челядниковъ, уѣхалъ будто бы въ городъ (Владиміръ), бѣдная женщина узнала отъ оставшейся челяди, что мужъ вступилъ въ хоругвь Петра Фалибовскаго, а ее бросилъ на произволъ судьбы.

Что оставалось дѣлать покинутой паніи? Она собрала болѣе цѣнныя вещи, велѣла запречь простой возъ и ночью направилась въ Холмщину. Но челядникъ довезъ лишь ее до р. Буга, а дальше не захотѣлъ ѣхать. Пѣшкомъ, въ сопровожденіи одной лишь Каськи, Анна Сестревитовская направилась дальше; но на первомъ же ночлегѣ, въ лѣсу, Каська вѣроломно покинула свою госпожу, захвативъ съ собою всѣ ея пожитки. Терпя голодъ и холодъ, одинаково боясь встрѣчи съ людьми и съ дикими звѣрями, бѣдная женщина кое-какъ добралась до с. Бѣлки, въ Холмскомъ повѣтѣ, которое раньше было въ арендѣ у ея родителей. Здѣсь ей встрѣтился въ лѣсу «гаевой» Якубъ Бакулъ, знавшій ее по прежнимъ посѣщеніямъ его Бѣлки. Добродушный «хлопъ» сжалился надъ несчастной изгнанницей и пріютилъ ее въ своей избѣ, гдѣ она и прожила нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ Хмельницкій, осадивъ Замостье, распустилъ козацкіе «загоны» по всему Люблинскому воеводству. Скоро появились они и въ Бѣлкѣ. Боясь за судьбу своей шляхетной гостьи, Бакулъ посовѣтовалъ ей на время скрыться въ лѣсу, такъ какъ опасался предательства со стороны сосѣдей. Дѣйствительно, козаки узнали, что въ Бѣлкѣ скрывались нѣкоторые шляхтичи, поручили мѣстнымъ крестьянамъ разыскать ихъ и отобрать все, что при нихъ окажется. Хлопы устроили на пановъ облаву, какъ на звѣрей, и многихъ разыскали и убили, но Сестревитовской не нашли.

Черезъ три дня козаки ушли дальше. Тогда Бакулъ самъ отправился отыскивать свою гостью, обошелъ всѣ укромныя мѣста въ лѣсу, окликалъ ее по имени, но ея нигдѣ не было. Наконецъ, совершенно случайно онъ нашелъ ее въ болотѣ, едва живую. Оказалось, что, заслышавъ облаву, несчастная женщина отъ страха забралась въ густую болотную заросль и въ ней, по шею въ водѣ, просидѣла почти трое сутокъ. Это было въ половинѣ ноября, и потому не удивительно, что хотя она и слышала оклики Бакула, но не была въ состояніи ни выйти изъ своего убѣжища, ни даже отозваться на его голосъ. Добрый человѣкъ перенесъ несчастную пани въ избу и, какъ умѣлъ, старался помочь ей; но она черезъ нѣсколько дней «съ перемерзеня срокгого Пану Богу оддала духа»..

Впослѣдствіи эту грустную повѣсть, въ формѣ протестаціи на пана Крыштофа Сестревитовскаго, занесъ въ Луцкія гродскія книги (№ 2491, листъ 123) братъ погибшей, панъ Юрій Свенцицкій, откуда мы ее и заимствовали.

О. Л.

Изъ прошлаго полтавской епархіи. *(Бытовыя картинки* [1]*).*

2. Изъ Варвары Григорій; бракоразводный случай. Отъ 16 февраля 1778 г. изъ Переяславской духовной Консисторіи въ Духовное Миргородской протопопіи Правленіе послѣдовалъ указъ такого содержанія. «Имѣется въ духовной Консисторіи рѣшеніемъ конченое дѣло о присланныхъ прошлаго 1778 года, марта 27, изъ Духовнаго протопопіи Золотоношской Правленія двоихъ женскаго пола лицъ, съ коихъ одно, имѣнуя себе Григоріемъ Андреевымъ сыномъ Грековымъ, женилось и вѣнчано во образѣ мужа на дочери подданнаго бунчуковаго товарища Димитрія Бѣлухи, жителя села Вознесенскаго Алексѣя Кулика, дѣвицѣ Маріи. Въ самой же вещи оное, именовавшееся Григо-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1898 г. № 4.

ріемъ, лицо, по освидѣтельствованіи явилось и есть женщина, а о имени своемъ и женитьбѣ, между протчаго показала. Зовутъ де ее Варькою, отецъ ея былъ художествомъ серебренникъ, а по природѣ яко-бы грекъ, православнаго исповѣданія. Проживая по разныхъ мѣстахъ въ Донскихъ станицахъ, по своему художеству, и ее въ малолѣтствѣ за собою водя, передѣлъ въ мужеское одѣяніе и наименовалъ Гришею. А для чего оный сіе сдѣлалъ, яко-бы не сказывалъ и не знаетъ. Почему де и за умертвіемъ онаго она въ мужескомъ одѣяніи хаживала, называясь Григоріемъ. Оттуда, съ Донскихъ станицъ, малороссійскими чумаками въ такомъ видѣ будучи вывезена, за неимѣніемъ о себѣ никакого письменнаго вида, была въ сотенной Полтавской Канцеляріи подъ карауломъ и подъ разсмотрѣніемъ о ея породѣ и о протчемъ, съ той Канцеляріи взята помянутаго бунчуковаго товарища сынами—маіоромъ Андреемъ и капитаномъ Михаиломъ, при которыхъ, какъ тамъ, въ Полтавѣ, такъ и въ Сѣвскомъ пѣхотномъ полку и въ бывшей съ Портою Оттоманскою арміи по службѣ ихъ, находилась въ услуженіи, обыкновенно какъ малой. Между чѣмъ, будучи съ тѣми же Бѣлушенками въ прописанномъ ихъ селѣ Вознесенскомъ, соглашена дворовыми служителями пойти въ домъ до тамошняго обывателя Алексѣя Кулика, куда собирались разные тамошнихъ жителей дѣвки и молодики, по званію простолюдиновъ, на досвѣтки. Здѣсь, будучи до нѣсколько разовъ и по примѣру другихъ производя съ дѣвками разныя шутки и шалости, зозналась съ вышеупомянутою Куликовою дочерью Маріею, съ коею и ночуя до нѣсколько разъ тамо, склонила оную къ плотскому беззаконію, равно тамо женилась на ней обыкновенно, по порядку, то есть, вѣнчалась въ церкви, при бытности своихъ господъ и народа, тамошнимъ священникомъ Стефаномъ Ивановымъ и свадьбу отправляла по надлежащему. По свадьбѣ таки была съ господами своими въ арміи, а за возвращеніемъ, проживая въ томъ селѣ Вознесенскомъ особымъ своимъ дворомъ, дѣлала съ оною Маріею Куликовою плотское совокупленіе нѣкоторымъ фальшивымъ образомъ и растлила ее, какъ о томъ обстоятельно по допросамъ обѣихъ ихъ значится. Изъ допросовъ сихъ явствуетъ, что хотя изъ нихъ показанная Варвара извиняется, яко-бы она не съ какимъ-либо умысломъ и не сама собою такой на себя видъ приняла, но еще въ малолѣтствѣ отцемъ своимъ Андреемъ Грековымъ въ мужское переодѣта одѣяніе и Григоріемъ переименована, однакъ никакого вѣроятія и уваженія

недостойна, когда не только маленькою, но и въ совершенныхъ лѣтахъ, по умертвіи отца, въ разныхъ мѣстахъ обращаясь, нигдѣ сего не открыла и въ сотенной полтавской канцеляріи содержана будучи подъ карауломъ, въ допросѣ своемъ потаила и вездѣ представляла себе свѣту такъ обманно. А въ правилѣ 11-мъ собора помѣстнаго, иже въ Гангрѣ, въ книгѣ Кормчей на листѣ 56-мъ, положено: «Аще которая жена, мнящися воздержанія ради, перемѣнитъ одѣяніе и въ обычнаго мѣсто женамъ одѣянія въ мужскую одежду облечется, да будетъ проклята». Кольми паче на такой случай, какъ сія въ самомъ дѣлѣ сумазбродная тварь, будучи,— какъ и сама сознаетъ,—христіанка, въ такомъ обманномъ видѣ во всю жизнь свою къ таинствамъ святымъ покаянія и евхаристіи приступать дерзала многажды и супружества тайну обезчестить отважилась съ явнымъ закона Божія и преданій церковныхъ презрѣніемъ, обругавъ при томъ чинъ супружескаго сожитія запрещеннымъ сожитіемъ прежде женитьбы, зазнавсь съ дѣвкою, кою послѣ вмѣсто жены своей имѣла, Маріею, растлила ее несвойственнымъ и чрезъестественнымъ образомъ и по обвѣнчаніи тѣмъ же ругалась съ нея, послѣ же дозволила и съ другими блудодѣйствовать, чѣмъ оная Марія и дитя прижила. А по докладнымъ изъ Святѣйшаго Синода въ 1721-мъ году съ резолюціями его императорскаго величества государя императора Петра Перваго, по протчемъ, велѣно дѣламъ, о любодѣйствѣ быть свѣтскаго суда. Въ Морскомъ же Уставѣ, въ главѣ 18-й, въ пунктѣ 137-мъ, положено: «Ежели кто съ умыслу лживое имя или прозвище себѣ пріиметъ и нѣкоторый учинитъ вредъ, оный за безчестнаго объявленъ и по обстоятельству преступленій наказанъ быть имѣетъ». Для того, въ силу св. отецъ правилъ и высочайшихъ указовъ, приговорили: 1-е Женщину оную Варвару, ложно именовавшуюся Григиріемъ, снявъ съ нее мужеское и одѣвъ во все женское одѣяніе, отправить въ полковую полтавскую канцелярію за крѣпкимъ карауломъ, отъ мѣста до мѣста съ провожатыми, при промеморіи, для докончанія тамо о сумнительствѣ пашпорта о породѣ ея въ сотенной полтавской канцеляріи начатаго дѣла,—не явится-ли при томъ и другого какого за нею важнаго преступленія, съ требованіемъ, чтобы, по окончаніи прежнихъ дѣлъ и за прописанныя ея противъ закона и преданій церковныхъ дерзновенія, поступая, учинено во всемъ по строгости закономъ, и что учинено будетъ, духовную Консисторію увѣдомлено-бъ. 2-е Женщину Марію, которая со-

гласилась прежде обвѣнчанія къ блудодѣйству съ оною обманщицею, а по обвѣнчаніи въ сожительствѣ нѣсколько разъ, какъ и сама показала, примѣчала обманствомъ съ нею совокупленій, но не представляла заразъ и по совѣту обманщицы согласилась къ блудодѣйству съ другими, чѣмъ и дитя прижила, по правилу 58-му Василія Великаго, на листѣ 252-мъ въ той-же книгѣ Кормчей положенному, отлучить отъ сообщенія св. таинъ на семь лѣтъ, кромѣ смертнаго случая, и отправить (и отправлена) въ дѣвичій Золотоношскій монастырь въ черную работу, за окончаніемъ которой и о вступленіи ея въ сущій бракъ учинено имѣетъ быть разсмотрѣніе. 3-е Священника Вознесенскаго Стефана Иванова, таковый неправильный бракъ вѣнчавшаго, хотя въ невѣдѣніи обманства онаго, однако, что не по надлежащему испытанію, какъ винится, въ книгѣ Кормчей на листѣхъ 251, 522, 523 и 524 положенному, поелику онъ только предъ обвѣнчаніемъ, какъ и самъ признается, огласилъ и по одному на словахъ отъ помѣщика того села бунчуковаго товариша Бѣлухи сыновъ сказанному нѣкоторому объявленію обвѣнчалъ, а письменнаго ни у кого о ея породѣ не потребовалъ засвидѣтельствованія, при чемъ можетъ быть и открылось-бы обманство оное, оштрафовать (и оштрафованъ) зсылкою на мѣсяцъ въ заграничный православный, до епархіи переяславской принадлежащій, преображенскій Иржищевскій монастырь въ ежедневное священнослуженіе, дабы онъ впредь и другіе въ своей должности осторожнѣйшіе были. 4-е. Понеже начало сего беззаконія, по показанію самихъ, является изъ распутныхъ молодиковъ и дѣвицъ обращеній, кои, по вечерамъ собираяся вмѣстѣ, производятъ непристойные и вредные честности разговоры и шалости, то дабы того по приходамъ вездѣ было наблюдаемо и приходскіе священники наставляли старыхъ къ благонравному дѣтей воспитанію, а молодиковъ увѣщевали отъ такихъ вредительныхъ поступковъ и непристойностей, которые наводятъ грѣхъ на душу и въ жизни отъемлется Божіе благословеніе, а въ противномъ случаѣ непослушанія и по мірской командѣ къ розоренію сходьбищъ представставляли-бы, послать во всѣ Духовныя Правленія указы, съ прописаніемъ таковаго непристойнаго къ обвѣнчанію явившагося случая, дабы въ томъ на основаніи чину и правилъ поступано неотмѣнно, остерегаясь отъ таковыхъ и подобныхъ худыхъ случаевъ. А потому, за докладомъ преосвященному господину Иларіону, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыреви нашему, опредѣленіемъ

приднисано: Быть по оному приговору. Для отправки же въ полтавскую канцелярію препроводить оную колодницу въ полковую переяславскую канцелярію (и препровождена) при промеморіи въ женскомъ одѣяніи, съ требованіемъ, дабы вездѣ въ подсудственныя мѣста даны были притвержденія о упраздненіи вечериночныхъ сходьбищъ. И по указу ея императорскаго величества къ непремѣнному члену о всемъ прописанномъ исполненію вамъ симъ предлагается. И Духовному Протопопію Миргородской Правленію вѣдати и чинить по сему ея императорскаго величества указу, а въ протчія мѣста таковые-жъ указы и въ полковую переяславскую канцелярію промеморія посланы. 1778 года, февраля 16 дня. На подлѣнномъ тако: протоіерей Іоаннъ Стеблѣнскій. Въ должности писаря Степанъ Симоновичъ. Переяславской консисторіи канцеляристъ Иванъ Гошкевичъ».

Изъ приведеннаго указа видно, что переяславская консисторія осудила всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ довольно строго, руководствуясь дѣйствовавшими въ то время узаконеніями. Но при этомъ самъ собою возникаетъ вопросъ: насколько было виновно во всей этой исторіи главное дѣйствующее лицо, Варвара Грекова? Что она могла носить мужское платье, привыкнувъ къ этому съ дѣтства, это понятно. Но какая у нея могла быть цѣль, выдавая себя за мужчину, жениться и вступать въ законный бракъ? Неужели она сдѣлала это только потому, что была «безразсудною тварью», какъ выражается указъ? Не имѣемъ ли мы дѣла съ такъ называемымъ случаемъ гермафродитизма? Такіе случаи не рѣдки и въ настоящее время. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ г. Полтавѣ умеръ домовладѣлецъ г. М—въ. Въ дѣтствѣ онъ считался принадлежащимъ къ женскому полу и былъ помѣщенъ для воспитанія въ мѣстный Институтъ для благородныхъ дѣвицъ, но въ 15 лѣтъ онъ былъ взятъ оттуда, такъ какъ оказалось, что мѣсто его не въ Институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, а скорѣе въ мужской гимназіи. О другомъ случаѣ передаемъ со словъ вполнѣ добросовѣстнаго и заслуживающаго довѣрія лица.— «Намъ съ твоимъ дѣдушкой, о. протоіереемъ Нав—кимъ, случилась однажды непріятная исторія»,—разсказывалъ мнѣ почтенный старикъ—діаконъ о. К—тъ Зел—скій». Просто—Божье попущеніе!... На Лиманскихъ хуторахъ, какъ тебѣ извѣстно, живетъ К—нъ Г—вичъ Г—ко. Отецъ этого Г—ко былъ большой пріятель твоего дѣдушки и дѣдушка частенько бывалъ у него. Да и то сказать,— у покойнаго старика Г—ко были такія наливки и настойки, что

подъ стать хоть и самому богатому пану. Домъ у старика Г—ко былъ полная чаша. Были у него и дѣти, но, къ крайнему прискорбію, все дочери. Однажды, какъ теперь помню, на Константина и Елены, явились къ твоему дѣдушкѣ «кумы» крестить младенца. Дѣдушка спросилъ,—«отъ кого»? и узнавши, что дитя отъ Г—ко, пригласилъ кумовьевъ закусить, такъ какъ это были «знатные прихожане». Послѣ закуски дѣдушка окрестилъ новорожденнаго и, сообразно съ поломъ, далъ ему имя Елены. Закусили еще, и кумовья уѣхали. Прошло послѣ того лѣтъ семь. Однажды старикъ Г—ко пригласилъ твоего дѣдушку послѣ Спаса отвѣдать медку,—пасѣка у него была знатная. Дѣдушка взялъ и меня съ собою. Пріѣхали мы къ Г—ко, выпили и закусили изрядно, отвѣдали и медку. Наконецъ Г—ко, какъ человѣкъ «благочестивый», попросилъ у дѣдушки позволенія привести свою семью для благословенія. Дѣдушка началъ давать благословеніе членамъ его семьи и вдругъ какъ-бы усумнился. «Вѣдь, у тебя, кажется, были все дочери,—сказалъ онъ Г—ко,—откуда же этотъ взялся въ штанахъ»?—Какъ же, о. протоіерей, это сынъ Константинъ, вы же и крестили его». Дѣдушка ничего не сказалъ и вечеромъ, получивши отъ Г—ко «всякую благостыню», мы отправились домой. На другой день утромъ призываетъ меня дѣдушка и приказываетъ принесть изъ церкви метрическія книги. Я принесъ. Начали мы ихъ пересматривать и скоро нашли запись: «Такого-то года и числа у козака Г—ко и законной жены его родилась дочь Елена». Запись была сдѣлана моею рукою. «Не напуталъ-ли ты, отче діаконъ»?—обратился ко мнѣ дѣдушка.—«Нѣтъ о. протоіерей, я списалъ слово-въ-слово изъ вашей тетради». Нашелъ дѣдушка записную тетрадь, тамъ тоже значилось: «родилась дочь Елена». Задумался дѣдушка и на другой день поѣхали мы къ Г—ко. Разсказалъ дѣдушка объ этой исторіи Г—ко и велѣлъ позвать кумовьевъ (жили они не далеко). Кумовья явились и на вопросъ дѣдушки, какое дано было имя новорожденному, воспринятому ими у Г—ко, отвѣтили «запамятованіемъ», такъ какъ были тогда «немного выпивши». Тогда дѣдушка позвалъ Г—ко, меня и кумовьевъ въ особую комнату, туда же велѣлъ привести и сына Г—ко. Раздѣли мы Константина и начали осматривать его; оказалось, что онъ не то Константинъ, не то Елена, ни то, ни се, а скорѣе—Богъ знаетъ что. Тогда о. протоіерей строго сказалъ старику Г—ко: «Объ этой исторіи доносить я не буду,—много будетъ хлопотъ; въ метрическихъ

книгахъ мы перемѣнимъ Елену на Константина, но ты долженъ дать клятву, что когда сынъ твой достигнетъ совершенныхъ лѣтъ, ты не позволишь ему вступать въ бракъ, такъ какъ такимъ лицамъ, какъ твой сынъ, брачное сожитіе закономъ воспрещено». Старикъ поклялся. «Отъ-того-то»,—закончилъ свой разсказъ почтенный о. діаконъ,—К—ъ Г—вичъ и остался неженатымъ!... Замѣтимъ кстати, что онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, холостякомъ, въ глубокой старости, оставивъ все свое довольно значительное состояніе своимъ племянникамъ, дѣтямъ родной сестры.— Не было-ли чего-нибудь подобнаго разсказанному нами и съ Варварой Грековой? Въ дѣтствѣ она могла быть признаваема за Варвару, а въ лѣтахъ зрѣлыхъ изъ Варвары могъ явиться Григорій, или, скорѣе, «ни то, ни се»...

Сообщ. **Ив. П—чъ Ян—скій.**

Мысли М. А. Максимовича о Н. Г. Репнинѣ и объ ополченіи 1835 г.[1]) Максимовичъ сообщилъ мнѣ свѣдѣніе о Репнинѣ, Николаѣ Григорьевичѣ, котораго я доселѣ не зналъ; свѣдѣніе, для меня весьма интересное, но впрочемъ, тоже оставившее чрезвычайно грустное впечатлѣніе. Репнинъ былъ вице-королемъ Саксоніи (безъ сомнѣнія, во время войны союзниковъ). Потомъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ полтавскимъ, черниговскимъ и харьковскимъ. Максимовичъ говоритъ, что сначала князь давнулъ-было Малороссію, а потомъ самъ полюбилъ ее, увлекся. Человѣкъ былъ весьма образованный, и вообще личность великолѣпная. Одна глава въ исторіи Бантышъ-Каменскаго принадлежитъ даже его перу. Двѣ въ особенности замѣчательныя вещи сообщилъ мнѣ Максимовичъ: первое о тяжбѣ Репнина съ Гурьевымъ, объ этой, какъ сказалъ М., «исторической тяжбѣ». Гурьевъ хотѣлъ козаковъ присвоить казнѣ; а Репнинъ разъяснилъ ему исторически несправедливость нарушенія самыхъ святыхъ правъ.—И Репнинъ одолѣлъ? спросилъ я.—Какъ же не одолѣть! отвѣчалъ онъ. Впрочемъ, говоритъ,—теперь обратили же козаковъ въ государственныхъ крестьянъ, козаковъ, почти то-же, что дворянъ.

---

[1]) Изъ дневника Н. П. Гилярова-Платонова (Русск. Обозр. 1898 г. № 1, стр. 131).

«Вторая замѣчательность: это—ополченіе 1835 года. Репнинъ чрезвычайно одушевилъ козаковъ, и на свой, т. е. ихній счетъ, вооружилъ десять полковъ. Энтузіазмъ, говоритъ, былъ чрезвычайный. М. разсказывалъ это къ тому, что, говоритъ, хотѣлъ было напечатать рѣчь Репнина козакамъ-ополченцамъ, которую онъ сказалъ тогда—краткую, но чрезвычайно пришедшую къ мѣсту, времени и лицамъ. Но, говоритъ, пожалуй, чортъ ихъ возьми, подумаютъ, что это какое-нибудь возбужденіе.

«Ужасны, однако, послѣдствія этого воодушевленія. Козаковъ довели до Бѣлоруссіи и потомъ отвели назадъ и—поворотили ихъ всѣхъ, добровольныхъ-то ополченцевъ, и на собственный счетъ вооруженныхъ, въ солдатъ! Стали протестовать, но въ отвѣтъ на это прогнали сквозь строй до смерти. Я не могъ удержаться отъ невольнаго содроганія, когда выслушалъ это... А при Александрѣ I, сказалъ М., было то же самое, съ тою, однако, разницей, что тогда, т. е., при Александрѣ I, вооружились они хотя на свой счетъ, но лошади пожертвованы дворянствомъ. А тутъ все свое, даже и лошади.

«Ну, а какъ послѣднее ополченіе? спрашивалъ я. Ну, что, нечего и спрашивать, говорилъ онъ. Тутъ просто изъ крестьянъ брали, да и то какихъ старались отдавать,—самыхъ дрянныхъ, пьянчугъ и т. п. Нѣтъ, говоритъ, Малороссія—баста, совсѣмъ отпала. Я былъ, говоритъ, въ послѣднюю войну: никакого одушевленія.

Изъ недавней исторіи малорусскаго козачества. Въ 1897 г. въ «Кіевской Старинѣ» была помѣщена статья, г. Н. С., подъ названіемъ: *Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ.* Въ этой статьѣ напечатаны любопытныя свѣдѣнія, касающіяся исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Между прочимъ здѣсь сообщены данныя о формированіи полковъ изъ малороссійскихъ козаковъ и отправленіи ихъ на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія содѣйствія русскимъ войскамъ, усмирившимъ польское возстаніе 1830—31 года. Во время крымской войны было сформировано нѣсколько полковъ малороссійскихъ козаковъ въ Полтавской губерніи, которые, почти въ теченіе цѣлаго года несли службу въ Прибалтій-

скомъ краѣ. Въ этотъ край и обратно малороссійскіе козаки проходили чрезъ Курскую губернію и были восторженно привѣтствуемы населеніемъ во время пребыванія своего въ Курскѣ. Объ этомъ мы позволимъ себѣ разсказать въ предлагаемой вниманію читателей замѣткѣ [1]).

Въ концѣ 1855 года черезъ Курскъ прошло два козачьихъ малороссійскихъ полка №№ 1-й и 2-й. Оба они вышли изъ Полтавской губерніи и подъ командой генералъ-майора барона Ф. Е. Франка и подполковника графа Г. Б. Строганова направлялись въ Петербургъ.

Вѣсть о вступленіи въ Курскъ малороссійскихъ козаковъ за нѣсколько дней облетѣла населеніе города Курска и возбудила во всѣхъ слояхъ городского общества интересъ и вниманіе къ новымъ защитникамъ отечества. «Толковали среди публики, говоритъ старожилъ-очевидецъ, что мысль призвать къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ малороссійское козачество, заслуживаетъ особенной симпатіи, что козаки крѣпко постоятъ за честь своего оружія и дадутъ знать себя врагамъ»... Многихъ интересовалъ внѣшній видъ вновь сформированныхъ отрядовъ, потомковъ славнаго малороссійскаго козачества...

Наканунѣ вступленія въ Курскъ малороссійскаго № 2-й полка управляющій курскою палатою государственныхъ имуществъ поспѣшилъ выѣхать навстрѣчу козакамъ въ село Дьяконово, находящееся въ 22 верстахъ на юго-западъ отъ Курска, по кіевскому тракту. Въ Дьяконовой духовенство и крестьяне 26 декабря встрѣтило полкъ съ хоругвями, образами и хлѣбомъ-солью. На другой день, во 2-мъ часу дня, козаки вступили въ Курскъ. «Молодцами шли на коняхъ, говоритъ авторъ замѣтки въ тогдашнихъ *Губ. Вѣд.*, добрые сыны Украйны; весело вступали они въ городъ и задушевными пѣснями ихъ родины гремѣло козацкое молодечество и отвага».

Въ центрѣ города у Знаменскаго собора, на красной площади, полкъ остановился. Спѣшившись здѣсь по 10 человѣкъ отъ каждой сотни, козаки въ слѣдъ за офицерами вошли въ обширный соборъ. Здѣсь встрѣчены они были въ полномъ облаченіи архіепископомъ курскимъ Иліодоромъ и духовенствомъ. Одинъ изъ участниковъ этой встрѣчи, курскій старожилъ, бывшій студентъ старой кіевской академіи, не разъ говаривалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели

---

[1]) Источниками для нея были: 1) дѣла архива губернскаго правленія, 2) „Кур. Губ. Вѣд.“ 1855 и 1856 гг. и 3) разсказы очевидца.

малороссы: казалось всѣмъ, что воскресли запорожскіе полки. По совершеніи молебна, преосв. Иліодоръ сказалъ назидательное слово. Ободряя воиновъ на трудный подвигъ, онъ указалъ имъ на помощь небесную, на непобѣдимую силу ихъ подъ щитомъ Господнимъ. Потомъ, въ лицѣ полкового командира, преклонившаго колѣни, благословилъ весь полкъ иконою Знаменія Божіей Матери.—Примите сіе знаменіе, сказалъ архіепископъ, какъ живой памятникъ нашего сочувствія къ подвигу вашему!».

По выходѣ изъ храма, чудотворная икона была пронесена по всѣмъ рядамъ стоявшаго на площади полка и козаки окроплены св. водой. «Вся площадь, говоритъ тотъ-же старожилъ-очевидецъ, не смотря на значительный морозъ, была залита народомъ, восторженно привѣтствовавшимъ козачій полкъ. Многіе изъ городскихъ жителей спѣшили надѣлить чѣмъ-либо защитниковъ отечества, въ особенности проживавшіе въ то время въ Курскѣ малороссы. Они говорили съ земляками на малорусскомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ стариковъ-малороссовъ, которыхъ судьба давно уже забросила въ Курскъ, со слезами на глазахъ благословляли своихъ сородичей и съ умиленіемъ смотрѣли на нихъ. Понравилась курянамъ и красивая обмундировка полка.

Въ честь полка былъ данъ обѣдъ въ залѣ дворянскаго собранія; на обѣдѣ было произнесено стихотворное привѣтствіе полку...

Гласъ Державнаго Царя
Васъ воззвалъ, сыновъ Украйны,
И, любовію горя,
Вы идете въ путь вашъ дальній!
Молодецкихъ шесть полковъ
Вашъ Черниговъ и Полтава
Изъ *старинныхъ козаковъ*
Подарили намъ на славу.
Ваши дѣды и отцы
Дали знать себя народамъ,
А двѣнадцатымъ тѣмъ годомъ
Всѣ козаки молодцы,
Какъ одна семья гуляли,
На пиру кровавыхъ сѣчъ.
И всегдашнимъ запѣваламъ,
Обнаживши грозный мечъ,

Платовъ всюду съ казаками
Начиналъ отважный бой!

Дружное «ура!» козаковъ было отвѣтомъ на это стихотвореніе. Интересно отмѣтить то обстоятельство, что обѣдъ въ честь малороссовъ былъ завершенъ исполненіемъ малороссійскихъ пѣсенъ, а вечеромъ въ театрѣ былъ данъ спектакль, состоявшій исключительно изъ малорусскихъ пьесъ.

Также торжественно и сочувственно куряне встрѣтили козачій полкъ № 1-й, подъ командой генерала Франка. Послѣ молебна въ соборѣ архіепископъ Иліодоръ произнесъ слово, во время котораго генералъ Франкъ и офицеры-козаки стояли на колѣнахъ. Слово было кратко, но выразительно. Такъ началъ его преосвященный: «*Братъ, отъ брата помогаемъ, стоитъ, яко градъ твердъ и несокрушимъ*» и, перейдя къ словамъ пѣснопѣвца Давида: *мнѣ же зѣло честни друзи твои, Боже,* развилъ мысль о томъ, какъ дороги для Россіи всѣ, приносящіе жизнь на алтарь отечества и что не на землѣ, а на небѣ только можетъ быть воздаяніе за подвиги ихъ... Слово было закончено наставленіемъ воинамъ сражаться мужественно, но законно. *Никто же не вѣнчается, аще незаконно подвизается.* Поручаю васъ покровительству Царицы Небесной, съ желаніемъ, да будетъ она и охраненіемъ и укрѣпленіемъ вашимъ и въ пути, и на полѣ брани.

Весьма любопытно то, что командиръ малороссійскаго полка генералъ Франкъ былъ въ 1812 году *партизаномъ* и храбро сражался противъ наполеоновскихъ войскъ... По словамъ старожила-очевидца, генералъ, несмотря на преклонный возрастъ, былъ бодръ, оживленъ и производилъ впечатлѣніе доблестнаго героя. Большія симпатіи возбуждали и офицеры, среди которыхъ было нѣсколько человѣкъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ. Что-же касается полка, то нельзя было не любоваться отличнымъ его состояніемъ, видимымъ довольствомъ козаковъ, а также ихъ бодрыми и стройными движеніями, усвоенными въ весьма короткое время.

Для дорогихъ гостей былъ данъ ужинъ, въ которомъ приняло участіе курское высшее общество. Въ числѣ другихъ тостовъ офицеры предложили тостъ за здоровье курскихъ дамъ, принявшихъ дѣятельное и живое участіе въ общемъ привѣтѣ малороссійскимъ полкамъ.

Въ 1856 году малороссійскіе козаки изъ Прибалтійскаго края возвращались на родину. Они курянами были приняты, какъ родные сосѣди, сослужившіе службу Царю и отечеству. Съ пѣснями про-

слѣдовали они чрезъ Курскъ. Пѣсни ихъ заинтересовали курское общество, и нѣкоторыя изъ нихъ были записаны и напечатаны въ «Курск. Губ. Вѣд.», вмѣстѣ съ переводомъ на русскій языкъ.

Во главѣ пѣсенъ была поставлена: «Прощай Украино»:

Выходылы козаченьки
Рано зъ Юнакивкы,— [1]
Схылывсь одынъ молоденькый
Коныку на грывку.
Хиба жъ такъ винъ утомывся,
Идучи походомъ?
Чи, бидаха, зажурывся
За домомъ и родомъ?
Ни! Козакъ не знае стомы,
За родомъ не плаче;
И не згада про хоромы,
Якъ на кони скаче!
А винъ дума про родыну—
Стару нашу матирь...
О, якъ тяжко, Украино,
Тебе покидаты!
А винъ дума: що послидній,
Може, разъ вытае
Твои степы, Украино,
Дубровы и гаи...
И послидне ёго слово,
Послидняя думка,
Понесуться до престола—
За тебе, голубко!
Щобъ ты бильше багатила
Своимы сынамы;—
Щобъ козацька добра сыла
Въ тоби процвитала,
Щобъ до вику не змарнила
Козацькая слава;—
Щобъ тебе'к' мамокохалы
Свои й чужи люде,

[1]) Юнаковка—село въ Полтавской губерніи.

И кобзари щобъ спивалы
Про все, що ще буде!..

Вотъ другая пѣсня малороссійскихъ козаковъ.

Кыньмо, братци, батька й неньку,
Родыму хатыну,
Жинку мылу молоденьку,
Малую дытыну!..
Кыньмо! Бо прыйшла годына,
Щобъ козацька слава
Знову встала зъ домовыны,
Де такъ довго спала.
Нехай знову степъ шырокый
Регоче и плаче,
Якъ въ трави ёго высокій
Козакы проскачуть!
Нехай лыманъ червоніе
Одъ вражои кровы,
Нехай нова зачорніе
Могыла въ диброви!
Нехай скажуть, що мы диты
Старои Вкраины
Вміемъ головы зложыты
За Божи руины.
Вміемъ поле застылаты
Не тилько снопами,—
Вміемъ ёго засиваты
Вражымы тиламы.
Вдарымо жъ въ землю по поклону,
Гостру шаблю въ руку!
Разомъ, хлопци! Махъ на коней!
Гайда, скилько духу!...

Сообщилъ **А. Танковъ.**

Письмо Мазепы о заселеніи правобережнаго приднѣпровья въ к. XVII в. Настоящее письмо Мазепы къ полковнику Ивану Мировичу относится къ 1699 году и касается вопроса о запрещенномъ въ это время переселеніи народа съ лѣваго берега Днѣпра на правый и поселеніи здѣсь слободъ въ Корсунѣ, Богуславѣ, Мошнахъ... [1]) Въ этомъ письмѣ Мазепа укоряетъ поляковъ въ лицемѣріи при ихъ распоряженіяхъ, «абы жаденъ зъ посполитой шляхты и зъ пановъ не важился городовъ и селъ осажовати о пять миль отъ Днѣпра», и грозитъ, что поляки скоро должны будутъ уйти оттуда, изъ своихъ «новоосаженныхъ слободъ». Письмо списано съ копіи, когда то снятой съ подлинника, находившагося въ архивѣ старыхъ дѣлъ Черниговск. губ. правленія (называвшагося архивомъ малороссійской коллегіи), въ числѣ разныхъ оффиціальныхъ бумагъ, отправленныхъ затѣмъ въ Петербургъ, въ археографическую коммиссію [2]).

А. Л.

«Мой ласкавый пріятелю, пане полковнику Переяславскій.

Чинится то онъ лицемѣрнымъ и змышленнымъ зычливцемъ з тымъ (тыхъ) мѣтъ (мѣръ?), же сподѣваюся не осѣдтися тамъ въ Мошнахъ і (з ?) якихъ подобно причинъ и до насъ гетманъ коронный [3]) чрезъ сотника полку вашего Басанскаго прислалъ подобный унѣверсалъ, возбраняючи, абы жаденъ зь посполитой шляхты и зъ пановъ не важился городовъ и селъ осажовать о пять миль отъ Днѣпра, якожъ въ скоромъ то часѣ будетъ, же они рады не рады—мусятъ оттуль, такъ зъ Мошенъ, яко и зъ иннихъ своихъ новоосаженныхъ слободъ уступити, а ваша милость унѣверсалъ тотъ гетмана коронного, до мене въ листу вашой милости присланный, одошлѣте назадъ до рукъ самого. Що и повторне вашой милости приказавши, Господу Богу вашу милость поручаемъ. Августа 10 дня року....

Вашой милости зычливый пріятель Іванъ Мазепа гетманъ войса его царского пресв. велич. Зап.

На конвертѣ надпись. Его царского пресвѣтлого величества. Войска Запорожского полковникови Переяславскому пану Івану Мировичу, моему надежнѣйшему пріятелеви.

---

[1]) См. Костомарова „Мазепу“, стр. 162.

[2]) Копіи сняты были въ полов. текущаго столѣтія любителемъ малорусской старины Дм. Грембецкимъ и намъ переданы сыномъ его Ф. Д. Грембецкимъ. Какъ видно, копіи сняты не точно.

[3]) Яблоновскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Живописная Россія. *Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи. Подъ общей редакціей П. П. Семенова. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. in 4⁰. Томъ пятый.* **Малороссія и Новороссія.** *Часть 1. Малороссія, Подолія и Волынь. Полтавская, Черниговская, Волынская, Подольская, Харьковская и Кіевская губерніи. Съ 289 рисунками 1897 г., 332 и III стран. и 1 карта. – Часть 2. Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губерніи. Съ 252 рисун. и 3 картами. 1898 г., 298, III и 2 нен. стр.*

Около двадцати лѣтъ тому назадъ (въ 1879 году) покойный книгопродавецъ—издатель М. О. Вольфъ предпринялъ, подъ редакціей вице-предсѣдателя русскаго географическаго общества П. П. Семенова, многотомное и въ широкихъ размѣрахъ задуманное изданіе, посвященное описанію Россіи, подъ заглавіемъ «Живописная Россія, отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи». Послѣ выхода въ свѣтъ дорого стоившихъ первыхъ томовъ, послѣдующіе томы, уступая посвященному описанію Сѣверной Россіи и лучше всѣхъ изданному первому тому въ объемѣ и качествѣ, стали больше и больше запаздывать выходомъ, а затѣмъ, со смертью М. О. Вольфа, изданіе, не находившее достаточнаго количества покупателей, пріостановилось. Наконецъ, «товарищество М. О. Вольфъ», явившееся преемникомъ М. О. Вольфа, желая, такъ сказать, однимъ ударомъ достигнуть двухъ цѣлей, т. е.

и довести до конца изданіе, «Живописной Россіи», и поднять упавшее число подписчиковъ на издаваемый имъ журналъ «Новь», объявило, что въ виду приложенія къ этому журналу оно ежегодно будетъ давать по одному тому «Живописной Россіи». Исполняя это обѣщаніе, названное товарищество сначала разослало подписчикамъ «Нови» залежавшіеся и ставшіе дороже самаго журнала изданные раньше томы «Живописной Россіи», а потомъ стало продолжать это изданіе, причемъ томы стали выходить меньше, а иллюстраціи къ нимъ—гораздо хуже прежнихъ.

Такимъ образомъ, въ видѣ приложенія къ журналу «Новь» за истекшій 1897 годъ, въ концѣ того года и въ началѣ текущаго выпущенъ въ двухъ частяхъ давно ожидавшійся и довольно объемистый пятый томъ «Живописной Россіи», посвященный описанію Южно-русскаго края. Трудовъ нѣкоторыхъ авторовъ, которые были обѣщаны въ первоначальной программѣ изданія (напримѣръ В. Б. Антоновича), въ немъ не оказывается; нѣкоторые авторы, внесшіе столько для этого тома, въ теченіе многолѣтнихъ приготовленій къ изданію успѣли давно умереть, а многія свѣдѣнія, помѣщенныя въ этихъ статьяхъ, въ настоящее время являются уже устарѣлыми.

Первая часть пятаго тома открывается статьей *Д. Л. Мордовцева*: «Малороссійское племя»,—которая, трактуя объ особенностяхъ малороссійскаго племени и его распространеніи, о характеристикѣ типа, о міровоззрѣніи и повѣрьяхъ малороссовъ, имѣетъ компилятивный характеръ и составлена почти исключительно по трудамъ П. П. Чубинскаго (Труды юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край), причемъ не чужда нѣкоторыхъ ошибокъ. Такъ, говоря о собирателяхъ произведеній малорусскаго народнаго творчества, авторъ, вѣроятно слышавшій о существованіи сборника южно-русскихъ пѣсенъ Жеготы Паули [1]), но почему-то вообразившій, что Жегота (Игнатій) Паули—не одно, а два лица, такимъ образомъ перечисляетъ ихъ, объясняя, что «словесная культура малорусскаго племени далеко еще не исчерпана собирателями его творчества Максимовичемъ, Цертелевымъ, Лукашевичемъ, Метлинскимъ, Закревскимъ, Номисомъ, Лавренкомъ, Рудченкомъ, Кулишемъ, Шейковскимъ, Гатцукомъ, Ильницкимъ, Руссовымъ,

---

[1]) Pieśni ludu Russkiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1839—1840.

Костомаровымъ, Срезневскимъ, Гильтебрандтомъ, Лозинскимъ, *Жеготою*, Головацкимъ, *Паули*, Залѣсскимъ, Зенькевичемъ, Руликовскимъ, Стецкимъ, Новосельскимъ, и въ особенности Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ» (стр. 5).—Какъ видитъ читатель, въ числѣ собирателей произведеній малорусскаго народнаго творчества авторомъ не упомянуты Зоріанъ Ходаковскій, О. М. Бодянскій, Гр. Илькевичъ, В. Н. Смирницкій, Сементовскій, С. Д. Носъ, Манжура и многіе другіе.—Еще больше неполнота указаній бросается въ глаза въ другомъ мѣстѣ. Разсуждая о томъ, что прошлымъ Малороссіи (т. е. ея исторіей) уже достаточно занимались будто бы въ ущербъ настоящему, авторъ говоритъ (стр. 30), что въ недавнее время проявилось наконецъ и стремленіе къ изученію современной Малороссіи, и затѣмъ называетъ тѣхъ лицъ, трудами которыхъ въ послѣдніе годы много подвинулось впередъ освѣщеніе настоящаго образа Малороссіи; лица эти слѣдующія: проф. Кистяковскій, проф. Антоновичъ, Залюбовскій, Дыминскій, Струцинскій, Воронецкій, Чередниченко, Кравцовъ, Раевскій, Ильяшевичъ, Волкъ, Руссовъ, Лисенко, Кордашъ, Новицкій, Симиренко, Чернецкій, Андреевскій, Столбинъ, Ждановъ, Ѳедоренко, Ящинскій, Хойнацкій, Касьяненко, Ильницкій, Савченко и Поленковскій. Стоитъ сличить это перечисленіе лицъ, двинувшихъ впередъ, по словамъ автора, освѣшеніе настоящаго образа Малороссіи, съ предисловіемъ П. П. Чубинскаго къ I тому «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи», чтобъ увидѣть, что всѣ эти фамиліи выписаны оттуда, гдѣ они представляютъ собою списокъ лицъ, изъ которыхъ одни доставили П. П. Чубинскому статьи и матеріалы для названнаго изданія (нѣкоторые изъ нихъ, какъ Ждановъ, и Ящинскій, въ то время были еще воспитанниками учебныхъ заведеній), другіе сотрудничали съ Чубинскимъ, работая подъ его руководствомъ по приведенію въ порядокъ собранныхъ матеріаловъ; третьи, какъ Симиренко, доставили Чубинскому фотографическіе снимки, оставшіеся неизданными. Такимъ образомъ, составляя статью о Малорусскомъ племени и освѣдомляясь изъ напечатаннаго четверть столѣтія тому назадъ (1-й томъ «Трудовъ юго-западнаго отдѣла этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» былъ изданъ въ 1872 году) предисловія Чубинскаго о томъ, кто именно трудился для малорусской этнографіи, г. Мордовцевъ не только не воспользовался для своей статьи многими этнографическими работами, но какъ будто бы и не подозрѣваетъ, что и раньше изданія упомяну-

тыхъ «Трудовъ», и послѣ того, надъ изученіемъ Малороссіи въ ея настоящемъ, кромѣ названныхъ имъ лицъ, работали многіе другіе, съ трудами которыхъ онъ могъ бы познакомиться, если не непосредственно, то хотя бы изъ книги А. Н. Пыпина (Исторія русской этнографіи, томъ III) и дополнительныхъ къ ней статей Н. Ѳ. Сумцова, помѣщенныхъ въ Кіевской Старинѣ.

За статьей Мордовцева слѣдуетъ статья *Д. А. Самоквасова* «Археологическое богатство Малороссіи», дающая сводъ свѣдѣній о курганныхъ раскопкахъ въ предѣлахъ Малороссіи, причемъ, вѣроятно вслѣдствіе того, что статья была давно заготовлена для изданія, въ ней недостаетъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ важныхъ раскопкахъ, совершенныхъ въ позднѣйшее время (каковы, напримѣръ, раскопки Ч. В. Хвойко).

Далѣе слѣдуютъ двѣ статьи *П. А. Кулиша:* а) Судьбы Кіевскаго великаго княжества и удѣльныхъ княжествъ въ Кіево-Днѣпровской Руси до татарскаго погрома»,—представляющая собою довольно скучный очеркъ всѣмъ извѣстныхъ событій изъ исторіи велико-княжеской Руси и б) «Судьбы Малороссіи и Украины послѣ татарскаго погрома»,—въ которой разсказъ доведенъ до 1654 года и высказываются тѣ-же взгляды, которые болѣе пространно были высказаны въ сочиненіяхъ Кулиша «Исторія возсоединенія Руси» (1874) и «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» (1888).—Продолженіемъ статей Кулиша является неправильно озаглавленная статья *М. Александровича* «Козачество и Гайдамачина», которая разсказываетъ о событіяхъ въ Малороссіи отъ смерти Богдана Хмельницкаго до уничтоженія Запорожской Сѣчи и въ которой о козачествѣ до Хмельницкаго вовсе не говорится, а о гайдамакахъ упоминается только вскользь, въ нѣсколькихъ строчкахъ.

Написанная обстоятельнѣе другихъ статья *В. Майнова* «Какъ и чѣмъ кормится Украина» повѣствуетъ о физической природѣ края, качествахъ почвы, сельскомъ хозяйствѣ, способахъ сбыта продуктовъ и мѣстной торговлѣ. Слѣдующая за нею статья *Г. Богрова* «Русскіе евреи», относясь не только къ южно-русскому краю, а ко всѣмъ мѣстамъ еврейской осѣдлости въ Россіи, говоритъ о поселеніи евреевъ въ Россіи, объ особенностяхъ ихъ религіознаго и семейнаго быта и о дѣятельности ихъ въ экономической области.

Описанію городовъ южно-русскаго края въ ихъ современномъ состояніи посвящены въ первой части пятаго тома три статьи:

«Кіевъ, его святыни и достопримѣчательности» *П. Н. Полеваго*,— «Заднѣпровская Украина» *Е. П. Карповича*—и «Харьковъ и города лѣвобережной Украины» *Я. Абрамова*. Статьи эти имѣютъ нѣчто общее: трактуемое ими не составляло для ихъ авторовъ предмета ихъ спеціальныхъ изученій и интересовъ, писали они по случайному поводу и далеко отъ тѣхъ мѣстъ, о которыхъ говорятъ. Описывая южнорусскіе города, какъ Карповичъ, такъ и Абрамовъ оставляютъ безъ вниманія нѣкоторые сравнительно населенные или имѣющіе историческое значеніе пункты, не давая объ нихъ никакихъ свѣдѣній. Такъ, Карповичъ ничего не сообщаетъ о Бердичевѣ, Овручѣ, Новоградволынскѣ, Дубно, Староконстантиновѣ, Заславлѣ; у Абрамова нѣтъ никакихъ свѣдѣній о Глуховѣ, Стародубѣ, Конотопѣ, Лубнахъ, Сумахъ и проч. Притомъ Карповичъ по крайней мѣрѣ перечисляетъ всѣ города, а Абрамовъ даже не упоминаетъ о вышеназванныхъ городахъ, какъ будто бы ихъ вовсе не существовало. Во всѣхъ же трехъ статьяхъ свѣдѣнія о населеніи городовъ являются устарѣлыми и несогласными съ дѣйствительностью. Встрѣчаются и такія ошибки: на страницѣ 289 Карповичъ разсказываетъ, что будто-бы черезъ Черкасскую пристань на Днѣпрѣ снабжается лѣсомъ «Бобринецкій уѣздъ Черниговской губерніи». Не задумавшись надъ тѣмъ, какимъ образомъ Черниговская губернія можетъ снабжаться лѣсомъ изъ Черкасъ, авторъ вѣроятно смѣшалъ бывшій до 1865 года уѣзднымъ, нынѣ заштатный городъ Бобринецъ, Херсонской губерніи Елисаветградскаго уѣзда, съ Бобрикомъ или Бобровицею Черниговской губерніи и своимъ воображеніемъ дополнилъ существованіе несуществующаго въ Черниговской губерніи уѣзда.

Предоставляя себѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ поговорить подробнѣе впослѣдствіи, укажемъ содержаніе второй части пятаго тома. Въ этой части помѣщены слѣдующія статьи: *А. Деревицкаго*— «Слѣды древне-греческихъ поселеній и античной культуры на югѣ Россіи», *С. Давидовича*—«Физическій характеръ страны», «Города Бессарабіи и Новороссійскаго края вообще» и «Возсоединенная Бессарабія», *В. Борисова*—«Труженики степи», *С. В. Максимова*—«Соляное богатство», *П, Зосидомскаго*—«Черное и Азовское моря», *К. Березина*— «Одесса» и «Портовые и другіе города на Черноморско-Азовскомъ побережьѣ», *Евг. Маркова*—«Крымъ и его особенности» и *И. С. Попова*—«Крымъ въ его прошлыхъ судьбахъ».

Что касается внѣшней стороны изданія, что она много уступаетъ первымъ томамъ «Живописной Россіи». Хотя количество помѣщенныхъ въ пятомъ томѣ рисунковъ велико, но въ первой части этого тома вовсе нѣтъ рисунковъ новыхъ и оригинальныхъ. Почти всѣ помѣщенные въ ней рисунки пересняты изъ другихъ изданій и давно знакомы тѣмъ, которые интересуются этимъ предметомъ. Такъ, для нея пересняты почти всѣ рисунки, помѣщенные во второй книгѣ изданнаго М. О. Вольфомъ подъ редакціей П. Полеваго сборника стихотвореній «Родные отголоски» (Малорусская жизнь и природа. СПБ. 1881). Много рисунковъ взято изъ изданій П. Н. Батюшкова и изъ разныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, русскихъ и польскихъ, причемъ воспроизведеніе рисунковъ въ большинствѣ случаевъ очень плохое. Во второй части V тома встрѣчаются рисунки, которыхъ мы не видѣли въ другихъ изданіяхъ, но исполнены они еще хуже, чѣмъ въ первой части.—Рисунки не всегда соотвѣтствуютъ съ текстомъ статей; о нѣкоторыхъ предметахъ, изображенныхъ на рисункахъ, въ текстѣ ничего не говорится, и наоборотъ для многихъ предметовъ, о которыхъ даются свѣдѣнія въ текстѣ и которые нуждались бы въ изображеніи ихъ въ иллюстрированномъ изданіи, рисунковъ недостаетъ. Многіе рисунки не характерны; напримѣръ, для изображенія степи на стр. 30 (первой части) взятъ изъ книги «Родные отголоски» (стр. 17) рисунокъ Каразина къ стихотворенію Никитина: «Ночь въ степи», изображающій солдата въ николаевской формѣ, сидящаго среди очень высокихъ цвѣтовъ рядомъ съ какимъ-то путникомъ, улегшимся на травѣ. Для строчекъ Никитина: «Брось посохъ, путникъ утомленный... Твоя постель—цвѣты живые» нужно было изобразить и путника, и посохъ, и цвѣты, но для изображенія малорусской степи можно было найти рисунки, болѣе характерные, и не нужно было брать такіе случайные предметы, какъ николаевскій солдатъ. На страницѣ 9 съ подписью «Въ рощѣ» переснятъ изъ той же книги рисунокъ того-же художника къ стихотворенію Некрасова «Соловьи» (стр. 50). Этотъ рисунокъ съ одинаковымъ правомъ могъ бы быть помѣщенъ въ книгѣ, посвященной описанію великорусскихъ губерній, или Франціи, Германіи и проч. Относительно нѣкоторыхъ рисунковъ можно сомнѣваться въ томъ, изображаютъ ли они малорусскій бытъ или какой нибудь другой. Наконецъ, есть рисунки изображающіе неизвѣстно что; на стр. 122 изображены развалины какого-то замка съ подписью: «Зеньковъ, Полтавской губерніи. За-

мокъ, уничтоженный татарами». Что такое въ дѣйствительности изображаетъ этотъ замокъ—мы не знаемъ, но знаемъ, что въ полтавскомъ Зеньковѣ ничего подобнаго не было и нѣтъ. Многіе другіе рисунки напечатаны съ невѣрными подписями. Такъ, не смотря на помѣщенныя въ Кіевской Старинѣ (1890 г. № 3 и 1894 г. № 10) свѣдѣнія относительно рисунковъ, которые были напечатаны въ «Пчелѣ» съ подписями: «Развалины дома Богдана Хмельницкаго въ Субботовѣ» и «Развалины дома Мазепы въ Батуринѣ», рисунки эти воспроизведены (стр. 147 и 158) съ тѣми самыми невѣрными подписями, съ которыми были помѣщены въ «Пчелѣ». Рисунокъ Т. Г Шевченка, изображающій волостной судъ (или «Се діло треба розжувати») напечатано съ подписью: «Сходня старшинъ передъ корчмою» (стр. 22); подъ снимкомъ съ картины Іосифа Брандта, изображающей запорожца, надпись гласитъ: «Кобзарь въ степи» (стр. 37), а подъ рисункомъ Андріолли, изображающимъ лирника, сдѣлана надпись: «Кобзарь—лирникъ» (стр. 35), показывающая, что издатели не отличаютъ кобзы отъ лиры.

По поводу помѣщеннаго на стр. 101 рисунка съ подписью „Могила Олега въ Овручѣ" намъ вспомнился одинъ случай изъ нашей поѣздки въ этотъ городъ. Рисунокъ этотъ, изображающій мѣсто, гдѣ, по преданію, былъ погребенъ убитый въ битвѣ съ Ярополкомъ Олегъ Святославичъ и откуда останки его были перенесены Ярославомъ въ Кіевскую Десятинную церковь, взято изъ изданія П. Н. Батюшкова, по словамъ котораго онъ воспроизведенъ съ акварели, снятой художникомъ Струковымъ для 4-го выпуска «Памятниковъ старины въ западныхъ губерніяхъ»; на немъ представленъ невысокій курганъ съ возвышающимся надъ нимъ большимъ крестомъ, который, какъ разсказываетъ Батюшковъ, былъ воздвигнутъ въ 1848 году офицерами проходившихъ чрезъ Овручъ войскъ. Между тѣмъ когда лѣтъ пять тому назадъ мы были въ Овручѣ и просили мѣстныхъ жителей указать это мѣсто, намъ указали на окраинѣ города, среди огородовъ, совсѣмъ непохожее на изображенное на рисункѣ, ровное мѣсто, на которомъ не было ни креста, ни возвышенія, ни какихъ либо другихъ признаковъ, обозначающихъ могилу, и которое, имѣя форму правильнаго четырехъ-угольника, отличалось отъ окружающаго его пространства только тѣмъ, что не было запахано и засѣяно. На вопросы наши о томъ, чѣмъ же именно устанавливается, что эта площадка была мѣстомъ Олеговой могилы, спутники наши (представи-

тели мѣстной интеллигенціи) ничего не могли объяснить. А послѣ того одинъ мѣстный старожилъ разсказалъ намъ, что дѣйствительное мѣсто Олеговой могилы находится не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него и имѣетъ видъ кургана (въ этомъ мѣстѣ мы не были); исторія же «открытія» городской Олеговой могилы была будто бы такая: когда-то былъ у насъ, говорилъ намъ нашъ собесѣдникъ, одинъ исправникъ, который, при первомъ представленіи новому начальству, собиравшемуся въ скоромъ времени посѣтить Овручъ, между прочимъ услышалъ отъ него: «есть тамъ у васъ въ городѣ Олегова могила, надо будетъ ее посмотрѣть». Никогда этимъ предметомъ неинтересовавшійся и ничего объ немъ не знавшій исправникъ смутился, разсуждая, что начальство, требуя отъ него какую-то Олегову могилу, можетъ пожалуй взыскать съ него, если въ предѣлахъ его вѣдомства таковой не окажется; а потому немедленно по возвращеніи въ Овручъ, не долго думая, распорядился «отвесть» въ городѣ по своему усмотрѣнію мѣсто для Олеговой могилы, которое потомъ и стали показывать разнымъ пріѣзжимъ лицамъ подъ наименованіемъ «Олеговой могилы»; а затѣмъ понятія спутались такъ, что мѣстные жители уже не знаютъ достовѣрно, какое мѣсто въ дѣйствительности представляетъ собою Олегову могилу. Правду ли говорилъ этотъ старожилъ—мы не знаемъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ предѣлахъ Овручскаго уѣзда обыватели его указываютъ два разныхъ мѣста, выдавая каждое изъ нихъ за Олегову могилу, причемъ одно изъ нихъ является, такъ сказать, фальшивою могилой.

Н. Ш.

М. Чернявськый.—*Донецьки сонеты. Бахмутъ. 1898.*

Поэтическое искусство Украйны переживаетъ теперь довольно тяжелыя минуты; по извѣстнымъ условіямъ, стихотворная украинская поэзія едва-едва влачитъ свое существованіе... Объ этомъ существованіи нерѣдко даетъ она знать небольшими томиками стихотвореній, свидѣтельствующихъ, въ большинствѣ случаевъ, только о добрыхъ желаніяхъ стихотворцевъ: не часто встрѣчаются среди нихъ произведенія, носящія слѣды таланта, достойныя имени поэтическихъ. Поэзіею, безотносительно къ ея видамъ, мы называемъ искусство

воспроизводить внутренній и внѣшній міръ въ типахъ и образахъ.. Поэтическое произведеніе, какъ таковое, должно быть проникнуто художественной правдой... Въ основѣ поэтическаго или художественнаго произведенія должна лежать опредѣленная идея, выразителями которой и являются извѣстные типы и картины... Произведеніе, соблюдшее всѣ эти условія, есть произведеніе прекрасное, поэтическое; создатель его есть тогда художникъ, поэтъ... Держась этого основного положенія, мы и пришли къ заключенію, что наша поэтическая литература далека отъ желательнаго. Въ лучшемъ положеніи находится поэзія драматическая и эпическая проза; далеко въ худшемъ—поэзія въ стихахъ... Насъ пока занимаетъ послѣдняя...

Съ начала 80-хъ гг. когда проф. Петровъ подвелъ итогъ всей нашей поэзіи, начиная съ Котляревскаго, наше творчество не представило ни одного произведенія достойнаго лучшихъ піесъ Шевченка... Но творчество, разумѣется, не оскудѣло... И послѣ 1883 года продолжаютъ работать такіе талантливые ветераны стихотворной поэзіи, какъ М. Старицкій, Глѣбовъ и Щоголевъ,—и появляются новые поэты, среди которыхъ могутъ назваться поэтами, и при томъ талантливыми, такія лица, какъ В. Самійленко, Людмила Старицька (Черняховская), Леся Украинка и М. Славинскій [1]). Произведенія ихъ затрогиваютъ болѣе серьезныя темы и общечеловѣческіе интересы... Къ сожалѣнію Людмила Старицька и М. Славинскій пишутъ по-украински мало, и о степени и характерѣ ихъ таланта трудно составить вполнѣ опредѣленное понятіе... Какъ видите, поле стихотворной украинской поэзіи разработано мало, а между тѣмъ современная жизнь представляетъ для творчества богатые матеріалы... Можно теперь представить радость, когда на этомъ полѣ засверкаетъ вдругъ новая искорка поэзіи, подающей дѣйствительныя надежды... Такую радость испытали мы при чтеніи Донецкихъ сонетовъ—г. Чернявскаго. Сказать о г. Чернявскомъ, что онъ безспорный талантъ, трудно: этому мѣшаетъ рядъ стихотвореній, которыя можно считать слабыми... За то нѣсколько другихъ стихотвореній позволяютъ утверждать, что упорная работа въ области стихотворной поэзіи можетъ развить поэтическое дарованіе, отблески котораго отражаются и теперь въ стихахъ г. Чернявскаго.

---

[1]) О Галиціи мы не говоримъ.

Недостатковъ въ стихахъ г. Чернявскаго есть не мало, и если бы такіе недостатки встрѣтились въ стихахъ даже патентованныхъ нашихъ стихотворцевъ, то мы о нихъ не стали бы говорить, но о недостаткахъ творчества г. Чернявскаго мы скажемъ только потому, что ждемъ отъ него впереди талантливой лирики и очень будемъ сожалѣть, если въ своихъ ожиданіяхъ обманемся...

Итакъ, что-же можно сказать о сонетахъ Чернявскаго? Прежде всего мы должны замѣтить, что почти всѣ его сонеты написаны довольно образно и съ этой стороны, какъ произведенія начинающаго поэта, они насъ удовлетворяютъ... Лучшими, почти художественными стихотвореніями мы считаемъ: «Зъ дорогы», «Ничъ», «Динець», «На гори» и «Въ весняну ничъ»... Слабыя стихотворенія у г. Чернявскаго слѣдующія: «***», «Рыбалкы», «Селяне», «Порубка» и «Хрестосъ Воскресъ»... Остальныя стихотворенія—болѣе или менѣе удачныя, но особеннаго интереса не представляютъ. Во всякомъ случаѣ живая, изящная образность и искреннее чувство—суть неотъемлемыя достоинства большинства стихотвореній г. Чернявскаго. Къ числу формальныхъ достоинствъ его сонетовъ нужно отнести также довольно красивый и выдержанный стихъ, если только онъ не многостопенъ... Эти достоинства «Донецкихъ сонетовъ» есть вообще достоинство истинно поэтическихъ произведеній и, отмѣтивъ эту важную положительную сторону стиховъ г. Чернявскаго, мы уже больше возвращаться къ ней не станемъ... Укажемъ теперь недостатки. Ихъ, какъ мы сказали, не мало, хотя они и не принадлежатъ къ числу важныхъ... Ошибки у г. Чернявскаго встрѣчаются, какъ въ стилѣ, такъ и въ языкѣ... Самая важная сторона поэтическаго созданія—образность—находится у г. Чернявскаго въ лучшемъ положеніи. Мы можемъ указать только немного прегрѣшеній г. Чернявскаго противъ образности... Такъ напримѣръ, не однимъ намъ кажется неестественнымъ и запутанно-темнымъ слѣдующій образъ (стр. 18):

Вбраннымъ крылъ байдачныхъ слезы
Обернулысь крыжанымъ...

Полонъ аляповатости и вульгарности слѣдующій образъ (стр. 28)

Все такъ-же кряжъ билеси бокы—
Мовъ хто въ сметану ихъ залывъ...

Другихъ недостатковъ въ подобномъ-же родѣ указать мы не можемъ. Мало также прегрѣшеній у г. Чернявскаго противъ размѣра, но все таки есть и они... Напримѣръ, въ стихотвореніи «Селяне»,

написанномъ пятистопнымъ ямбомъ, слѣдующіе два стиха совсѣмъ не имѣютъ размѣра (стр. 17):

Ось тутъ, межъ горамы симы сумными,
Далеко геть видъ бучныхъ городивъ.—

Въ стихотвореніи «Смерть», написанномъ шестистопнымъ ямбомъ, непріятно рѣжетъ ухо стихъ пятистопный (стр. 22)

И смерть порве и струны си спивочи...

Довольно слабыми и часто даже плохими являются у г. Чернявскаго рифмы... Уже по одному рифмованію можно заключить, что г. Чернявскій поэтъ только начинающій и что съ техникой стиха совладалъ не вполнѣ. Вотъ тѣ рифмы въ его сонетахъ, которыя или плохи, или совсѣмъ не рифмы: стр. 3—«горы—убори», «у спори—горе; стр. 5—«хотивъ—замутывъ», «зумивъ—вразывъ», «раны—стане»; стр. 7—«тыховодый—вроды»; и пр. Какъ можно изъ этого видѣть, пробѣлы въ смыслѣ рифмъ значительные, хотя достоинство стиховъ г. Чернявскаго уменьшается отъ этого не на много... Изъ техническихъ недостатковъ сонетовъ слѣдуетъ отмѣтить встрѣчающуюся также какофонію, примѣры которой слѣдующіе: стр. 14—«*въ тини не замутыть*», стр. 20—«У мли лиса»; стр. 18—*дзвинка кора*. Весьма часто встрѣчается въ сонетахъ стеченіе шипящихъ и свистящихъ, гортанныхъ съ гортанными-же, вслѣдствіе чего исчезаетъ музыкальность стиха. Вотъ примѣры нежелательнаго стеченія вообще согласныхъ: стр. 4—*очнувсь, згадавъ*; стр. 8—*на небо-жъ зъ вильною*; стр 11—*дримавъ въ легкимъ тумани;* стр. 20—*замерзъ, зимови*; стр. 22—*такъ къ чому-жъ;* стр. 25—*внызъ спливае*, и пр.

Для соблюденія размѣра авторъ иногда произвольно распоряжается удареніями, что́ также рѣжетъ ухо,—напримѣръ: стр. 9—марі́ння вмѣсто ма́риння; стр. 12—пи́скы вмѣсто пискы́; стр. 13—ра́зивъ вм. разі́въ. Иногда у автора сонетовъ попадаются плеоназмы вродѣ слѣдующихъ: стр. 9—

Роемъ вьються *зграи* снивъ...

Другой примѣръ (стр. 14)—

мліе
Въ своихъ *пищаныхъ* берегахъ.
Писокъ кругомъ.

Въ области синтаксиса также имѣются погрѣшности... Встрѣчается, напримѣръ, путаница прямыхъ дополненій (стр. 11); неправильныя согласованія, напримѣръ: стр. 24—дви дивчыны молодыхъ

вм. молоди; стр. 22—*къ* чому-жъ я—вм. *на* що-жъ я.—Какъ вліяніе русскаго языка, встрѣчаются русскія причастія дѣйствительнаго залога прошедшаго времени,—напримѣръ (стр. 17)—На сій земли родывшыхся родивъ; или (на стр. 21)—уплывшый въ пустякахъ. Въ области лексики встрѣчается погрѣшностей также не мало... Прежде всего наблюдается неправильное употребленіе словъ; напримѣръ (стр. 27)—*риченькы* вмѣсто *розмовы*,—*онькы*; *пивдень* вмѣсто *полудень*.. Но самый частый и непріятный грѣхъ г. Чернявскаго—это многочисленные руссизмы... Не смотря на встрѣчающіяся у нашего поэта литературныя слова новѣйшей выработки, изъ сонетовъ г. Чернявскаго можно убѣдиться, что вообще съ украинскимъ литературнымъ языкомъ онъ знакомъ мало... Посовѣтуемъ поэтому г. Чернявскому, да и всякому начинающему писателю, тщательнѣй проштудировать произведенія Левицкаго и М. Старицкаго да Олены Пчилкы, изъ которыхъ двое послѣднихъ особенно много потрудились надъ созданіемъ литературнаго украинскаго языка... Далеко не будетъ лишнимъ имѣть подъ рукой и украинскій словарь г. Тимченка, впервые представившаго намъ сборникъ словъ для выраженія высшихъ, незнакомыхъ народу понятій... Всѣ указанные лексическіе матеріалы безспорно дадутъ возможность всякому избѣжать тѣхъ заполненій стиховъ иноземщиной, которыя такъ рѣжутъ ухо всякому, привыкшему къ чистой украинской рѣчи. А этой болѣзнью особенно страдаютъ, какъ мы сказали, сонеты г. Чернявскаго. Вотъ примѣры многихъ его руссизмовъ: уборъ, уныло, зрыть, струи, сребряни, тинь (вм. холодокъ), зычный, прывольный, въ пустякахъ, рикою, шумы (отъ шумъ), баюшкы-баю, и пр. Словомъ, руссизмъ встрѣчается почти въ каждомъ сонетѣ... Однако и руссизмы и всѣ прочіе недостатки стиховъ г. Чернявскаго почти стушевываются передъ упомянутыми ихъ достоинствами, которыя свидѣтельствуютъ о дарованіи автора сонетовъ. Посовѣтуемъ-же г. Чернявскому побольше изощриться въ украинскомъ языкѣ, потрудиться надъ точнымъ выраженіемъ мысли, надъ техникой вообще стиха,—и если авторъ обратится къ болѣе серьезнымъ сюжетамъ, чѣмъ описаніе природы, то мы вполнѣ ожидаемъ отъ него вкладовъ въ украинскую лирическую поэзію. Нѣсколько хорошихъ стихотвореній г. Чернявскаго даютъ намъ почву для такихъ ожиданій, а слабыя его стихотворенія и вообще недостатки его стиховъ пусть послужатъ г. Чер-

нявскому напоминаніемъ о томъ, что безъ упорной работы надъ своимъ литературнымъ развитіемъ онъ можетъ свое дарованіе заглушить и погубить.

И. Стешенко.

Номоканонъ при большомъ требникѣ. *Его исторія и тексты, греческій и славянскій, съ объяснительными и критическими примѣчаніями.* **Проф. А. Павлова.** *Новое, отъ начала до конца переработанное изданіе. 519 стр.* (Учен. Записки Имп. Моск. унив., вып. 14. М. 1897).

«Номоканонъ», представляя собою памятникъ греческаго церковнаго права, переведенъ былъ на славянскій языкъ, чтобы служить *руководствомъ для духовниковъ при совершеніи исповѣди и наложеніи эпитимій на кающихся.* «Номоканонъ» впервые переведенъ былъ на славянскій языкъ на югѣ, и первое печатное изданіе его явилось въ 1620 г., въ Кіевѣ. Здѣсь оно было напечатано въ типографіи Кіево-печерской лавры извѣстнымъ монахомъ Памвою Берындою [1]), снабдившимъ изданіе множествомъ (на поляхъ книги) замѣтокъ, въ которыхъ частью объясняются непонятныя русскимъ читателямъ слова въ текстѣ, частью дѣлаются поясненія текста Номоканона указаніемъ на соотвѣтственныя мѣста изъ Св. Писанія. Изданіе Берынды оказалось настолько нужнымъ для тѣхъ, кому дана была власть «вязати и рѣшати человѣческая согрѣшенія», что въ 1624 г. изданіе Номоканона было повторено, при чемъ новое изданіе вышло изъ той-же Кіевопечерской типографіи, съ предисловіемъ извѣстнаго Захарія Копыстенскаго. И второе изданіе Номоканона (Копыстенскій называетъ его «наставникомъ для духовниковъ и врачебницею для кающихся») разошлось скоро, и въ 1629 г. явилось третье кіевское его изданіе, на этотъ разъ съ предисловіемъ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской лавры Петра Могилы. На основаніи кіевскихъ изданій было напечатано въ 1639 г. и первое великорусское изданіе Номоканона, при чемъ оригиналомъ для послѣдняго послужило собственно второе кіевское изданіе. Проф. Павловъ даетъ обстоятельныя

---

[1]) См. о немъ Филологическія Записки, 1869 г., вып. 2 и 3, стр. 18 и слѣд.

свѣдѣнія о томъ, какъ московскіе издатели Номоканона, «раздѣлявшіе общее недовѣріе великорусскихъ книжныхъ людей къ кіевскимъ ученымъ», боязливо отнеслись къ своему прототипу, котораго, слѣдовательно, не имѣли возможности замѣнить другимъ, т. е. не имѣли возможности обратиться къ греческому подлиннику Номоканона. Въ приложеніяхъ къ изслѣдованію проф. Павлова напечатаны «оглавленія и предисловія къ южно-русскимъ изданіямъ Номоканона» (стр. 481—498), при чемъ сообщается предисловіе и къ четвертому южнорусскому изданію Номоканона, напечатанному въ 1646 г., во Львовѣ тогдашнимъ епископомъ Арсеніемъ Желиборскимъ. Въ виду рѣдкости кіевскихъ изданій Номоканона, за перепечатку предисловій Памвы Берынды, Захарія Копыстенскаго и Петра Могилы нельзя не поблагодарить проф. Павлова, давшаго въ своей книгѣ, кромѣ того, вообще обстоятельныя свѣдѣнія о первомъ появленіи Номоканона въ Южной Руси.

А. Л.

Русская политика въ восточномъ вопросѣ. (*Ея исторія въ XVI—XIX вѣкахъ, критическая оцѣнка и будущія задачи*). *Историко-юридическіе очерки Сергѣя Жигарева. XVI+465 стр.* (Учен. Записки Имп. Московск. университета. Отдѣлъ юридическій. Вып. XI. М. 1896).

Въ исторіи «восточнаго вопроса» Малороссія играла немалую роль, особенно во второй полов. XVII в. Сначала, появленіе въ Малороссіи въ 1624 г. авантюриста *Ахіи* или *Александра Оттомануса* [1]) и снисканное имъ благоволеніе у кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, выдвинуло было вопросъ «о разрушеніи Турецкой имперіи»; но «Войско Запорожское» не увлеклось планами тогдашнихъ мечтателей.

Затѣмъ—«присоединеніе Малороссіи къ Московской державѣ имѣло громадное значеніе и въ исторіи восточной политики Россіи. Оно повело къ расширенію предѣловъ Московскаго государства на югъ и такимъ образомъ приблизило къ берегамъ Чернаго моря, достиженіе которыхъ необходимо было для обезпеченія матеріальныхъ интересовъ Россіи».

---

[1]) Исторія Ахіи разсказана Кулишомъ въ его статьѣ „*Восточный вопросъ и Задунайская Славянщина передъ глазами Московскаго царя Михаила Феодоровича*“. Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г., № 3.

Возникшія несогласія Польши съ Россіей изъ-за присоединенія къ послѣдней Малороссіи предположено было окончить Андрусовскимъ перемиріемъ, но цѣль не была достигнута, такъ какъ смуты въ Малороссіи продолжались и довели Москву и Польшу до столкновенія съ Турціей. «Дѣло началось съ того, что въ 1669 г. гетманъ польской стороны, Дорошенко, отдался подъ покровительство турецкаго султана вмѣстѣ съ Запорожьемъ. Это обстоятельство вызвало въ 1672 году войну Турціи съ Польшей. Послѣдняя сильно встревожилась и обратилась къ Московскому правительству за помощью противъ турокъ, указывая ему общность интересовъ христіанскихъ народовъ въ борьбѣ съ невѣрными, а также и на то, что союзникамъ окажутъ услугу народы Балканскаго полуострова, которые, прослышавъ о союзѣ христіанскихъ монарховъ, начнутъ искать освобожденія изъ-подъ поганскаго ига. Русское правительство по Московскому договору, заключенному съ Польшей въ 1672 г., обѣщало ей вспомогательное войско противъ турокъ. Но прежде чѣмъ начать войну съ Турціей, царь послалъ султану грамоту, въ которой извѣщалъ его о томъ, что между Россіей и Польшей заключенъ миръ и установлена тѣсная дружба и совѣтовалъ ему вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ воздержаться отъ войны съ Россіей и Польшей изъ-за бунтовщика; въ противномъ случаѣ государь обѣщалъ заключить союзъ со всѣми христіанскими державами противъ Порты, поднять донскихъ козаковъ и персидскаго шаха. Предупрежденія московскаго царя не оказали, однако, должнаго воздѣйствія на султана. Онъ не только не прекратилъ военныхъ дѣйствій противъ Польши, но, послѣ ряда побѣдъ принудилъ ее въ 1676 г. къ уступкѣ Украины съ частью Подоліи, а когда въ слѣдующемъ году Дорошенко передался въ русское подданство,—объявилъ войну самой Россіи.... Лишь въ 1681 г. русскому правительству удалось окончить эту первую войну съ Турціей, вызванную малороссійскимъ вопросомъ... По бахчисарайскому трактату, устанавливавшему 20-тилѣтнее перемиріе, Россія удерживала за собою восточную Украину, а западная Украина оставалась за Турціей».

Изъ приведенной выписки видно, что г. Жигаревъ, вводя Малороссію въ исторію восточнаго вопроса, къ сожалѣнію, не распространился, а о послѣдующемъ участіи Малороссіи въ столкновеніяхъ Россіи съ Турціей и Крымомъ, при Мазепѣ, онъ говоритъ еще короче. Ничего не сказано у г. Жигарева о той роли, которую заняло

Запорожье въ исторіи восточнаго вопроса вслѣдствіе своихъ постоянныхъ столкновеній съ Крымомъ, а иногда и съ Турціей.

Отчетъ о четвертомъ присужденіи преміи Г. Ф. Карпова, (Чтенія въ И. Общ. истор. и древ. россійск., кн. 2-я 1898 года) заключаетъ въ себѣ *Отзывъ о сочиненіи М. И. Лилеева—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв.*, принадлежащій С. Т. Голубеву.

Въ нашемъ изданіи былъ данъ отзывъ о книгѣ г. Лилеева проф. В. С. Иконниковымъ. Оба рецензента отозвались объ этомъ изслѣдованіи съ тою похвалою, которую несомнѣнно заслуживаетъ книга г. Лилеева уже по одной массѣ собраннаго имъ матеріала. Изъ нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ С. Т. Голубевымъ на книгу г. Лилеева, отмѣтимъ здѣсь одно—относительно исторіи земельныхъ владѣній Кіево-печерской лавры. По этому поводу у г. Лилеева читалъ слѣдующее: «По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано *тенденціозное* недоумѣніе А. М. Лазаревскимъ. На томъ основаніи, что въ пяти грамотахъ, выданныхъ Лаврѣ въ 1680 году царемъ Өедоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ—Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 года, *выданной однако на основаніи предшествующихъ грамотъ*, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости пріобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается *совершенно ложною*. Въ актахъ, относящихся къ исторіи Зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мѣновая запись кіевскаго митрополита Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Іосифу Горбацкому объ уступкѣ кіево-печерскихъ монастырскихъ селъ: Печерска, Барсуковъ, Цвыркова и Тарасовичъ во владѣніе Моги-*

левской архіерейской каѳедрѣ, по поводу замѣна ихъ на волость Попову юру, яко смежную съ лаврскою отчиною. Запись эта выдана 9 декабря 1644 года и хранится въ архивѣ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Св. Синодѣ. *Она даетъ положительное указаніе,* какъ пріобрѣтены лаврой стародубскія обширныя маетности».

На это заключеніе г. Лилеева у г. Голубева находимъ слѣдующее возраженіе. «Первѣе всего замѣтимъ, что авторъ не совсѣмъ точно передаетъ *сущность* замѣчаній и доказательствъ г. Лазаревскаго по данному вопросу и приписываетъ ему болѣе категорическое (чѣмъ какое находится у него) утвержденіе о способѣ пріобрѣтенія лаврою упомянутыхъ помѣстій. Г. Лазаревскій говоритъ, что исторія лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, остается до сихъ подъ не обслѣдованною; поэтому мы имѣемъ лишь сбивчивыя свѣдѣнія о томъ, когда и кѣмъ даны были волости Бобовицкая, Попогорская и Лыщицкая. Г. Лазаревскій, дѣлая попытку рѣшить этотъ вопросъ, обращается къ пересмотру документальныхъ данныхъ и находитъ, что въ концѣ XVI столѣтія лавра не владѣла еще означенными волостями, потому что *въ подробной описи* кіевопечерскихъ имѣній, составленной въ 1593 году, послѣ смерти архимандрита Мелетія Хребтовича Богуринскаго, въ числѣ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра показана только *Поднѣпровская волость.* Въ первой половинѣ XVII вѣка лаврѣ не отъ кого было получить такихъ огромныхъ имѣній. По присоединеніи Малороссіи къ Россіи дана была лаврѣ грамота на земельныя угодья царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 г., и затѣмъ пять подобныхъ грамотъ выданы были въ 1680 г., по просьбѣ кіево-печерскаго архимандрита Гизеля, царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; но во всѣхъ нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой. Упомянуты эти волости въ первый разъ въ грамотѣ 1720 года, выданной лаврѣ послѣ пожара 1720 г., когда *всѣ крѣпости ея на вотчины погорѣли.* Изъ этой послѣдней грамоты видимъ, что право на означенныя стародубскія волости подтверждено было по двумъ основаніямъ: въ виду грамоты царя Ѳеодора Алексѣевича, якобы выданной лаврѣ въ маѣ 1680 года, и какихъ то выписей кіевской губернской канцеляріи и протестаціи, выданной изъ кіевской ратуши. Но такъ какъ въ текстѣ грамотъ 1680 г. —какъ уже сказано—о лаврскихъ стародубскихъ помѣстьяхъ не говорится (копіи этихъ грамотъ сохранились и послѣ пожара), а равно неизвѣстными

остаются и выписи кіевской канцеляріи и ратуши, то естественно заподозрѣвается достовѣрность тѣхъ данныхъ, которыя легли въ основу грамоты 1720 г. Указавъ затѣмъ на возможность для лавры пріобрѣтенія имѣній помимо пожалованій и пожертвованій (что документально подтверждается), г. Лазаревскій заканчиваетъ свои разсужденія заявленіемъ, что, при наличности существующихъ данныхъ, на вопросъ: *пожалованіемъ ли пріобрѣтены Стародубскія волости?—дать опредѣленный отвѣтъ трудно*».

«Изъ сказаннаго видно, продолжаетъ г. Голубевъ, что означенныя разсужденія г. Лазаревскаго проникнуты строго-научнымъ, критическимъ характеромъ, и скептическое его отношеніе къ грамотѣ 1720 г. представляется раціональнымъ. Поэтому, нашему автору слѣдовало отнестись къ указываемой имъ мѣновой записи 1644 г., идущей въ разрѣзъ съ предположеніями г. Лазаревскаго, и обслѣдовать ее посредствомъ «строго-научнаго метода исторической критики». Такое критическое отношеніе къ мѣновой записи 1644 года неизбѣжно привело бы его къ заключенію, что она подложна и появилась съ извѣстными цѣлями гораздо позже того времени, къ какому отнесена ея составителемъ. Приводимъ доказательства подложности записи.

а) Въ записи Іосифъ Горбацкій называется епископомъ *бѣлорусскимъ* («превелебному господину отцу Іосифу Горбацкому, *епископу Бѣлорусскому*»), между тѣмъ до присоединенія въ 1654 году Малороссіи къ Московскому государству, іерархи, занимавшіе означенную каѳедру, титуловались епископами *мстиславскими*, *оршанскими и и могилевскими*. б) По избраніи, послѣ смерти Петра Могилы, Сильвестра Коссова на кіевскую митрополію, онъ, не получивъ въ свое управленіе (подобно предмѣстнику, богатой кіево-печерской лавры, *до 1650 года* удерживалъ за собою и прежнюю свою епископскую каѳедру съ принадлежащими къ ней имѣніями, никого не посвящая на оную, почему и подписывался: «Сильвестръ Коссовъ, милостію Божію архіепископъ, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, епископъ *мстиславскій*, *оршанскій и могилевскій*». и в) Избраніе и посвященіе Іосифа Кононовича Горбацкаго на мстиславскую епископію состоялось *не ранѣе 1650 года*, а въ 1644 году—время, къ которому отнесена упомянутая мѣновая запись,—*онъ состоялъ еще ректоромъ могилянской коллегіи и игуменомъ кіево-братскаго монастыря* Все это могло быть извѣстно нашему автору и изъ обнародованныхъ уже данныхъ».

Приведенная здѣсь выписка изъ отзыва г. Голубева, указываетъ что г. Лилеевъ, укоривъ г. Лазаревскаго въ *тенденціи* при объясненіи имъ происхожденія лаврскихъ земельныхъ владѣній и назвавъ затѣмъ переиначенную самимъ г. Лилеевымъ «мысль» его, г. Лазаревскаго, по этому вопросу *«совершенно ложною»*,—поступилъ нѣсколько неосмотрительно...

Десятилѣтіе Харьковской общественной библіотеки (*26 сент. 1886 г.— 26 сент. 1896 г.). Харьковъ, 1898. Стр. 99.*

Исторія книги на Руси, безъ сомнѣнія, могла-бы составить высоко поучительное чтеніе, если-бы ее написать съ приличною дѣлу полнотою и ясностью. Тѣмъ болѣе интереса представила-бы обстоятельная исторія нашихъ книгохранилищъ: сколько неудачныхъ попытокъ, какая героическая борьба то съ равнодушіемъ публики, то съ суровостью временъ, сколько неожиданныхъ катастрофъ и прямо таки стихійныхъ бѣдствій, обусловленныхъ недовѣріемъ къ просвѣтительнымъ теченіямъ въ обществѣ! Государство наше не можетъ существовать съ честью безъ просвѣщенныхъ людей, но условія и пути сего просвѣщенія, благодаря неисповѣдимымъ путямъ провидѣнія, отлились въ какія то своеобразныя формы, заставляющія, какъ говорится, желать много лучшаго.

Въ этомъ отношеніи краткій отчетъ о первомъ десятилѣтіи Харьковской публичной библіотеки представляетъ матеріалъ по истинѣ драгоцѣнный для будущей исторіи книги въ Южной Руси. Возникла библіотека съ самыми ничтожными средствами, а къ концу десятилѣтія въ ней числилось 26. 966 томовъ книгъ и журналовъ. По числу книгъ она занимаетъ пятое мѣсто среди провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ (виленская—100.000 томовъ, морская кронштадтская—75.000 томовъ, одесская 88.000 томовъ, рижская—свыше 40.000 томовъ). Какъ библіотека общественная, несодержимая на средства какого-кибо вѣдомства, она занимаетъ первое мѣсто въ имперіи. Просвѣтительное вліяніе ея на массу очень велико. Такъ, въ 1895 году было 2385 посѣтителей при 60.738 посѣщеній. По составу книгъ, библіотека можетъ удовлетворять запросы всѣхъ клас-

совъ общества. Въ ней есть богатый отдѣлъ беллетристики, но еще больше отдѣлъ научный. Въ 1895 году было 38.338 удовлетворенныхъ требованій на книги и журналы. При библіотекѣ есть безплатный кабинетъ для чтенія и спеціальный отдѣлъ народныхъ книгъ, дѣйствующіе съ большимъ успѣхомъ. Годовой бюджетъ библіотеки 10—11 т. руб., въ томъ числѣ субсидія отъ города 2300 р.,—остальное получается отъ подписной платы и пожертвованій. Число подписчиковъ превышаетъ 2000 чел. Подписная плата по 3-му разряду—5 коп. въ мѣсяцъ.

Для характеристики нравовъ не лишены интереса такія отмѣтки отчета: неоднократно книги библіотеки попадали къ букинистамъ; возвращался романъ вмѣсто сочиненія Дарвина; являлись подписчики съ вымышленными фамиліями; придумывались комбинаціи, съ цѣлью получить книги, не выдаваемыя на домъ, подчасъ дорогія и даже рѣдкія; изъ журналовъ вырѣзывались картинки, вырывались приложенія и отдѣльныя статьи (стр. 34); къ стыду нашей интеллигенціи, должно сознаться—замѣчаетъ отчетъ (стр. 51)—что случаи злонамѣренной порчи въ 3-мъ разрядѣ (народныхъ книгъ) замѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ въ категоріи первыхъ двухъ разрядовъ.

Не смотря на эти печальныя явленія и разныя неблагопріятныя обстоятельства (стр. 43), дѣло развивается безостановочно, благодаря сочувствію общества и безкорыстной энергіи тружениковъ, посвятившихъ свои силы этому благородному начинанію. Усилія ихъ нашли справедливую оцѣнку въ многочисленныхъ привѣтствіяхъ библіотекѣ по случаю ея десятилѣтняго юбилея.

Озабочиваетъ правленіе библіотеки вопросъ объ устройствѣ собственнаго дома, такъ какъ нынѣшнее помѣщеніе уже оказывается тѣснымъ и небезопаснымъ въ пожарномъ отношеніи. Къ концу 1896 г. было собрано на постройку дома 29.000, но требуется еще столько-же. Сборъ пожертвованій продолжается; въ нихъ крайняя нужда; отъ прилива ихъ зависитъ скорѣйшее осуществленіе постройки дома. Съ благодарностью принимаются самыя мелкія суммы. Фамиліи всѣхъ жертвователей своевременно публикуются и будутъ занесены въ лѣтописи библіотеки; имена крупныхъ жертвователей будутъ отмѣчены особо. Пожертвованія просятъ направлять по слѣдующему адресу: въ Харьковъ, въ Харьковскую Библіотеку (Московская ул. д. Темпинской, № 4).

Представителемъ правленія библіотеки состоитъ проф. харьковскаго университета Д. И. Багалѣй, интересная рѣчь котораго «О просвѣтительномъ значеніи х. о. библіотеки» помѣщена въ отчетѣ (стр. 61—82). Тамъ же находимъ «Историческую записку о дѣятельности библіотеки въ первое десятилѣтіе ея существованія» М. А. Машоова, «черкъ десятилѣтней дѣятельности третьяго разряда библіотеки» В. П. Даневской, «безплатный кабинетъ для чтенія» проф. Е. Л. Зубашева, статью Н. А. Гредескула «къ десятилѣтію х. о. библіотеки» изъ «Харьк. Губ. Вѣд.» отъ 25 сентября 1896 г. Всѣ эти статьи и отчеты составлены весьма обстоятельно и свидѣтельствуютъ о рѣдкой любви къ дѣлу и живѣйшей симпатіи, какою пользуется библіотека въ харьковскомъ образованномъ обществѣ.

Н. М.

Малорусскія изданія послѣднихъ мѣсяцевъ.

За послѣдніе 2—3 мѣсяца появилось въ продажѣ нѣсколько брошюръ и другихъ изданій нашего юга. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Прежде всего укажемъ на два портрета, изданные г. Коваленкомъ въ г. Черниговѣ; это—портретъ Т. Г. Шевченка и И. П. Котляревскаго. Оба портрета написаны тушью и исполнены настолько удовлетворительно, опрятно и не дорого (по 15 коп.), что ихъ не стѣсняясь можно рекомендовать каждому, кто желалъ бы имѣть приличные портреты названныхъ двухъ писателей.

Изъ числа новопоявившихся брошюръ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Б. Гринченко. Оповидання. 220 стр. 16^0, цѣна 35 коп., а на лучшей бумагѣ 75 коп, Черниговъ 1898 г.

Томикъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующихъ восемь разсказовъ: «Сестрыця Галя», «Зъ згадокъ про дытячи лита», «Нелюбъ», «Каторжна», «Панько», «Батько та дочка» и «Пидпалъ». Каждый изъ этихъ разсказовъ разновременно изданъ былъ отдѣльной брошюрой, а теперь всѣ они появились собранными въ одну книжку. Читатели, слѣдящіе за малорусскою литературою, помнятъ, навѣрно,

содержаніе этихъ разсказовъ и несомнѣнно будутъ довольны появленіемъ ихъ въ одной книжкѣ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ небольшіе разсказы г. Гринченка безусловно удачнѣе и талантливѣе, нежели болѣе крупныя его литературныя произведенія.

Тѣмъ же г. Гринченкомъ изданы еще въ Черниговѣ двѣ небольшія брошюры:

Добрый звиръ, оповидання Ю. Б. Г. П., цѣна 5 коп. и

Чередныкъ та дивчына, оповидання, цѣна 3 коп.

На обложкахъ обѣихъ брошюръ помѣщены недурные рисунки и вообще внѣшній видъ изданія производитъ пріятное впечатлѣніе.

Въ брошюркѣ «Добрый звиръ» заключается три разсказа; заглавіе перваго служитъ и наименованіемъ книжки, а затѣмъ слѣдуетъ «Сирко» и «Вирный кинь». Темы поименованныхъ разсказовъ несомнѣнно хорошія, для народнаго чтенія полезны и желательны, но авторъ этихъ разсказовъ исполнилъ ихъ не совсѣмъ удачно, въ особенности разсказъ «Сирко», который не заключаетъ въ себѣ почти ничего интереснаго, тогда какъ о собакѣ, другѣ человѣка, можно было бы составить куда занимательнѣе разсказъ. «Сирко» вышелъ положительно безцвѣтнымъ, а его друзья—люди и того болѣе. Вообще книжка «Добрый звиръ» написана и со стороны чистоты малорусскаго языка и со стороны слога—шереховато и вяло. «Чередныкъ та дивчына» —написана гладко, читается легко, но вслѣдствіе суховатости изложенія надлежащаго впечатлѣнія не производитъ.

Въ заключеніе съ удовольствіемъ можно указать на двѣ нововышедшія, прекрасно изданныя книжки кіевскаго общества грамотности:

1. *Прычынна. Утоплена. Русалка. Марьяна.* Поэмы Шевченка съ картин. художника Пимоненко. 32 стр., ц. 7 коп.

2. *Днѣпръ и Приднѣпровье* С. Р. съ картинками. 47 стр. цѣна 10 коп.

О поэмахъ Т. Шевченка мы, конечно, говорить не станемъ, что же касается приложеныхъ къ нимъ 4 картинокъ, то несмотря на хорошее ихъ исполненіе вообще, въ частности можно сказать, что фигура на картинѣ «Прычынна» похожа скорѣе на дѣвочку интеллигентной семьи, нежели на взрослую сельскую «дивчину».

«Днѣпръ и Приднѣпровье» написано по-русски, и въ легкомъ, увлекательномъ изложеніи довольно ясно, насколько это возможно въ такой брошюркѣ, знакомится читатель не только съ географіей

Приднѣпровья и торговымъ значеніемъ Днѣпра, но также и съ исторіей того народа, который расположился городами и селами по обоимъ берегамъ р. Днѣпра. Рисунки въ этой книжкѣ исполнены значительно хуже, нежели въ первой книжкѣ, но во всякомъ случаѣ удовлетворительно. Не дуренъ и самый выборъ сюжетовъ для рисунковъ; здѣсь мы видимъ слѣдующія картинки: «Болота», «Осушенныя болота», «Бѣлоруссъ», «Хата бѣлорусса», «Чумаки», «Малороссійская хата», «Кіево-Печерская Лавра», «Могила Т. Г. Шевченка» и «Днѣпровскіе пороги».

М. С. Кононенко.

